

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

КАЛИНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

А.А. Девяткин

ЯВЛЕНИЕ
СОЦИАЛЬНОЙ
УСТАНОВКИ
В ПСИХОЛОГИИ
XX ВЕКА

Калининград
1999

УДК 301.151
ББК 885
Д259

Рецензенты:

Я.Л. Коломинский - д-р психол. наук, проф., акад.,
зав. кафедрой общей и детской психологии Белорусского
государственного педагогического университета им. М. Танка,
заслуженный деятель науки;

И.А. Фурманов - д-р психол. наук, зам. директора
Национального института образования Республики Беларусь

Д259 Девяткин А.А. Явление социальной установки в психологии XX века: Монография / Калинингр. ун-т. - Калининград, 1999. - 309 с.
ISBN 5-88874-161-2.

Монография посвящена изучению интереснейшего явления в общей и социальной психологии - социальной установке, которая стала одним из центральных объектов изучения в XX веке. Дается подробный анализ различных теорий социальной установки в отечественной и зарубежной психологии.

Предлагается оригинальная экологическая концепция социальной установки, разработанная автором на базе экологического подхода к зрительному восприятию Джерома Гибсона.

Книга предназначена для широкого круга научной общественности, студентов, изучающих психологические и философские дисциплины. Полезна для всех интересующихся психикой человека и его взаимосвязью с окружающим миром.

ISBN 5-88874-161-2

© А.А. Девяткин, 1999

Монография

Александр Александрович Девяткин

**ЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ УСТАНОВКИ
В ПСИХОЛОГИИ XX ВЕКА**

Редакторы Н.Н. Мартынюк, Л.Г. Ванцева
Художник обложки А. Старцев
Технический редактор Н.Н. Николаева
Корректор Л.Г. Владимирова
Оригинал-макет подготовлен Д.В. Голубиным

Лицензия №020345 от 14.01.1997 г. Подписано в печать 10.08.1999 г.
Бумага для множительных аппаратов. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Гарнитура “Таймс”. Ризограф. Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 13,8.
Тираж 1000 экз. Заказ 37.

Калининградский государственный университет,
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

«Натуралистическая теория – идея, согласно которой прогресс и изменения в научной истории зависят от “духа времени”, *Zeitgeist*, который делает людей восприимчивыми к одним идеям и невосприимчивыми к другим».

История современной психологии, 1998. С.30.

«Хорошо бы вообще обойтись без концепции установки».

Алан Уикер, 1971.

Часть I

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ УСТАНОВКИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Становление проблемы социальной установки

В академическом издании «Современная психология» под редакцией Дружинина отмечается, что «социальная установка – категориальное понятие социальной психологии. Два обстоятельства объясняют непреходящий, несмотря на временные спады, интерес к социальной установке и огромное многообразие мнений и суждений по поводу той психической структуры, которая этим понятием обозначена. Это – исключительная важность данной структуры для понимания социальной сути и жизни человека и ее трудноопределяемая сложность» (Современная психология, 1999. С.489). Представим сразу одно из современных определений социальной установки с «трудноопределяемой сложностью»: «установка – это эгодиспозиционность-эгоготовность-эгопроекционность субъекта, которая возникает при феноменах антиципации-предугадывания-предвидения им самим появления объекта-предмета».

(...) В модель-структуру установки должны быть подключены-входимы такие феномены: сама установка дефиницирует релевантно-сукцессивно-проекциональный характер, связанный, имплицированный с программированием деятельности-активности; установка это и механизм, приводящий в движение акты связанные-когеренцируемые с контролем-регуляцией за психо-феноменами-психофункциями-психопроцессами» (Современный словарь по психологии, 1998. С.715). Можно по-разному оценивать данное определение установки, однако один вывод должен быть сделан с очевидностью: установка во многом остается неисследованным объектом в психологии. Чтобы разобраться в этом, придется рассмотреть этапы становления основных представлений о социальной установке.

Сначала необходимо проанализировать проблему социальной установки в отечественной и зарубежной психологии. Общее направление наших размышлений обусловлено нерешенными проблемами явления социальной установки, которые будут последовательно выделены в ходе анализа работ в области психологии установки.

Главным нашим намерением станет борьба с позитивизмом в подходе к феномену социальной установки. Мы изначально пытаемся расширить круг ассимилированных философских и психологических идей с целью выхода из замкнутого круга проблем социальной установки, которые можно свести к нескольким: понятие социальной установки, формирование и смена социальной установки, структура социальной установки и функции ее компонентов. Не надо обладать глубокими познаниями, чтобы умножить эти проблемы на основные направления в современной психологии, получив тем самым солидный обзор проблемы. Однако это не способствует решению почти ни одной из поставленных проблем, поскольку недостатки отдельной области исследования в психологии множатся на различные способы понимания этих недостатков.

Вероятно, психология еще достаточно слабо философски: она слишком мало внимания уделяет «общим проблемам» – взаимодействию человека и окружающего мира, философскому пониманию психики человека. Стремительное отделение от

родительской науки на юношеском экспериментальном порыве Вильгельма Вундта оказалось ошибочным, но гордость «самостоятельной» науки не позволяет психологии до сих пор корректно вернуться на несколько сот лет назад и попытаться понять проблемы, поставленные другими учеными. Отцы-физиологи могут быть поняты нами и оценены по достоинству, поскольку находились на самом гребне мощнейшей волны веры во всемогущество науки – водоворот событий, идей и потрясений конца XIX – начала XX века неотвратимо уносил человечество от того, что так надоело ему за двадцать столетий. Старые идеи мешали новым умам, и казалось, стоит только выбрать инструмент понадежнее, навалиться всем – и проблемы устройства мира будут решены за несколько лет. Именно такое время могло родить Фрейда, Торндайка, Уотсона, Павлова, Вертгеймера, Коффку, Келера, Оллпорта, Юнга, Вундта и других, но именно они открыли ящик Пандоры психологии с его бессознательным, рефлексом, гештальтом, архетипом, аттитюдом, экспериментом, которые окончательно запутают современного наивного наблюдателя, осмелившегося поверить до конца хотя бы в одно из этих понятий или им подобных.

Однако сегодня, в начале XXI века, человечество не приблизилось ни на йоту к пониманию души, но приобрело целый класс людей, считающих себя специалистами в области психологии. Практического психолога никогда не смутит вопрос о предмете его науки, поскольку для него этот вопрос не существенный. Это «химера теоретиков», которая мешает «оптимизировать», «конструировать», «адаптировать», «манипулировать», «формировать», «развивать» и прочее. Только не следует спрашивать, что конкретно будет оптимизироваться, конструироваться, адаптироваться, манипулироваться, формироваться и развиваться... Реалисту в психологии сегодня понятно, что психология может твердо рассчитывать только на Г. Фехнера и Э. Вебера.

Мало чем отличается в этой связи и объект нашего внимания – социальная установка: те же амбиции, надежды, разочарование и забвение. И логика нашего научного интереса ана-

логична – от искренней веры во всемогущество установки как психического феномена, который следует лишь немного «доисследовать», экспериментально проверить – и дорога к практическому применению открыта. Первоначальные интересы в области практической пропаганды потребовали досконального изучения задействованных психологических механизмов, которые неотвратно структурировались в явление социальной установки. Проблема установки была изначально инфицирована вирусом позитивизма. Годы упорного труда и горы литературы позволили с уверенностью сказать только одно: психологии ничего не известно о психике на уровне «механизма». Углубление в неверно поставленные вопросы не приносили результата, изначально неправильная философская идея человека и окружающего мира не позволяла избавиться от призрака практической психологии.

Мы пытаемся внести свой вклад в решение этой проблемы, и в третьей части работы нами предлагается экологическая концепция социальной установки, которая базируется на оригинальных идеях экологической оптики.

Общепринято, что явление социальной установки останется в центре внимания психологии еще не один год. Этот интерес будет перманентно колебаться – то возрастая, то угасая, как того и требует механизм внимания. Причиной этого является как сама природа феномена (его способность проявляться в самых различных сферах психической организации человека), так и закономерности развития психологии как науки. Сегодня наряду с дальнейшей специализацией психологии, углублением отдельных областей исследования происходит обобщение психологических идей на более высоком философском уровне, что приводит к переосмыслению наработанного материала.

По проблеме установки написано огромное количество работ, критических обзоров, проведено бесчисленное множество экспериментов – от глобальных исследований Ховланда в Йельском исследовательском центре до изучения голодания студентов Бремом, Бэком и Буноффом и религиозных фанатиков – Фестингером, Рикеном и Шехтером.

Известны обзоры по проблеме установки Г. Оллпорта (1935), Дашиля (1940), Гибсона (1941), Ф. Оллпорта (1955), Московичи (1962), Мак-Гуайера (1969), Рокича (1968) и многих других (см.: Асмолов, 1977). Широко цитируются слова Мак-Гуайера о «внутреннем очаровании предмета исследования», который всегда будет в центре исследовательского внимания (см.: McGuire, 1969. P.141). П.Н. Шихирев предрекает социальной установке «роль центрального объекта в предстоящем десятилетии» (см.: Шихирев, 1989, 1999). Он утверждает, что «исследования социальной установки (или аттитюда) – миниатюрная копия американской социальной психологии...» (Шихирев, 1999. С.100). Однако наши многотрудные и добросовестные попытки подтвердить эту мысль материалами из «Psychological Abstracts» за последние десятилетия не дали ожидаемого результата. Проблема психологии установки находится в состоянии застоя по причине отсутствия новых конструктивных идей и подходов. Можно до бесконечности измерять аттитюды, но это ничего не дает для понимания сути феномена.

Условно все исследования по психологии установки (аттитюда) можно поместить в границах двух основных направлений психологии – бихевиористического и когнитивного. На особое место претендует школа Д.Н. Узнадзе, основные позиции которой будут рассмотрены в следующей части.

Еще в начале века Г. Оллпорт заметил, что «ни один термин не появился так быстро в современной экспериментальной и теоретической литературе. Популярность его несложно объяснить. Он был принят всеми, потому что не являлся собственностью ни одной психологической школы или мысли и поэтому замечательно служил целям различных авторов» (Allport, 1954. P. 43).

Хорошо известно, что изучение установки началось с работ Л. Ланге, где он пытался исследовать время сенсорной и моторной реакции, а также его зависимость от установки испытуемого. Здесь установка видится как готовность, обусловленная прошлым опытом. В рамках общей психологии установка

стала объектом изучения в вюрцбургской школе экспериментального исследования мышления. О. Кюльпе, Н. Ах, К. Бюлер, основываясь на тезисе о безобразном характере мышления, его несводимости к отдельным элементам, ставили два важнейших для нашего исследования вопроса: активность установки и ее интенциональность. Если первое достаточно плодотворно изучалось в школе Д.Н. Узнадзе, то второе прочно забыто всеми направлениями изучения установки. Направленность установки, ее интенциональность есть изначальное свойство психического, и оно особенно ясно проявляется в феномене несводимости мышления к ассоциациям представлений.

Целостность процесса мышления, подхваченная гештальт-психологами, активность установки, замеченная Д.Н. Узнадзе, непременно требуют ввести и третий важнейший компонент – интенциональность установки. Представляется, что печальная судьба интенциональности установки объясняется двумя причинами: во-первых, сильное влияние естественнонаучной ориентации психологии не могло способствовать углублению философского анализа психических явлений – психология слишком «устала» от философии за тысячелетия вынужденного совместного существования и теперь стремилась к самостоятельности. Во-вторых, само явление интенциональности было слишком мало разработано в «светской» традиции, поскольку основные работы по интенциональности принадлежат теологическим авторам (Аквинский, Кузанский, Оккам и другие). Первый серьезный исследователь проблемы интенциональности Эдмунд Гуссерль главным своим принципом ставил борьбу с любыми видами психологизма. «Обидевшись» на подобную постановку вопроса, психология решила вообще не заниматься интенциональностью установки, хотя о направленности установки говорили многие, но мы разводим понятия интенциональности и направленности.

Совершенно очевидно, что первые же исследования установки приобрели ряд особенностей. «Во-первых, понятие установки здесь прочно срослось с понятием активности. Актив-

ность же рассматривалась вюрцбургцами в отвлечении от своего реального носителя – от субъекта. Во-вторых, установка (детерминирующая тенденция) впервые получила функциональное определение как фактор, направляющий и организующий протекание психических процессов, то есть была предпринята попытка указать те реальные функции, которые установка выполняет в психических процессах» (Асмолов, Ковальчук, 1977. С.150). Представляется, что первый недостаток вюрцбургской школы фундирован тем, что активность напрямую связывалась со свойством психического быть имманентно интенциональным.

Эта тенденция идет еще от Аристотелевой традиции, где активность выступает в форме внутренней и непосредственной направленности одушевленного тела. Идеи Аристотеля восприняты Фомой и продолжены в психологии актов Францем Brentano. Многими исследователями отмечалось, что Brentano предложил свою альтернативу развития психологии почти одновременно с элементной психологией В. Вундта, где не было места ни интенциональности, ни имманентной активности психического в силу иной (дарвиновской) картины окружающего мира. «Одновременно со структурной психологией Вундта и Титченера возникла идущая от учения Фомы Аквинского теория актов сознания, в которой с сугубо идеалистических позиций был выдвинут на передний план активный характер психики человека» (Ярошевский, Анцыферова, 1974. С.211). Это, конечно же, противоречило принципам детерминизма, ведь теперь активным изначально оказывался не мир, но индивид с его психикой.

Так или иначе, но установка все-таки потеряла свойство интенциональности, и уже почти никто не вспоминает о нем на протяжении столетия. И хотя само понятие интенциональности используется широко как в феноменологии, так и близких к ней психологических школах, но оно не соотносится при этом с понятием установки. Ни в функциональном направлении (Джемс), ни в феноменологической психологии, ни в экзистенциальной или гуманистической психологии, ни в психо-

логии актов нет достаточно разработанной концепции установки, да и не могло быть – исходя из принципа целостности. Если Г. Оллпорт считает, что «одним из первых ранних психологов, который употребил термин (аттитюд. – А.Д.), был Г.Спенсер, родоначальник позитивизма, то нам ближе упоминание в этой связи имени Бинэ. Н.Н. Ланге в своей книге «Психический мир» (1914) пишет: «Бинэ видит в этих актах, вообще, моторные приспособления и называет их *les attitudes*, позами, готовностями. «Умственная готовность (*attitude*), – говорит он, – кажется мне вполне подобной физической готовности, это подготовка к акту, эскиз действия, оставшийся внутри нас и осознаваемый через те субъективные ощущения, которые его сопровождают (Бинэ, 1894. С.61)» (Ланге, 1914. С.80). Здесь нам важен не столько исторический факт приоритета, сколько сам контекст использования данной цитаты у Н.Н. Ланге. Дело в том, что он рассматривает позицию А. Бинэ в соотношении с функциональной психологией актов Ф. Brentano, феноменологией Э. Гуссерля, где понятие интенциональности играет одну из центральных ролей.

Ничего подобного нет в том термине «*attitude*», который предложили У. Томас и Ф. Знанецкий в своей знаменитой работе о польских крестьянах в Америке. Стало трюизмом начинать рассмотрение проблем установки с упоминания этой работы. Едва ли можно сказать в этой связи что-то новое, но нам кажется важным акцентировать внимание на самой конструкции аттитюда: «ценность» + «отношение к ценности». Именно это стало поворотным пунктом в понимании аттитюда с позиций социальной психологии. У.Томас и Ф.Знанецкий определяли аттитюд «как психологический процесс, рассматриваемый в отношениях к социальному миру и взятый прежде всего в связи с социальными ценностями» (Шихирев, 1999. С.100).

В свое время А.Г. Асмоловым было замечено, что в социальной психологии «социальная установка до некоторой степени утратила свою «психологичность». Из поля внимания зарубежных психологов как бы выпало то, в какой форме социальная установка выступает для субъекта» (см.: Асмолов,

Ковальчук, 1977. С.145). По нашему мнению, «утрата психологичности» установки обусловлена пониманием ценности как социального объекта, имеющего значение для группы людей. П.Н. Шихирев приводит мнение Томаса и Знанецкого, согласно которому социальная установка «описывает взаимодействие, взаимообусловленность индивида и общества, (...) общество содержательно представлено социальной ценностью, а индивид – отношением к этой ценности» (Шихирев, 1985. С.29).

Данное замечание для нас существенно и позволяет обратиться к двум важнейшим моментам: во-первых, возникает вопрос двойственности природы социальной установки – со стороны окружающего мира и со стороны индивида. В нашей концепции социальной установки мы отводим центральное место понятию «возможности окружающего мира», которые обуславливают в том числе и ценности общества.

Вторая часть установки, сугубо индивидуальная, состоит из отношения к этим ценностям, которое в каждом конкретном случае обосновано потребностями индивида. В психологии установки этот двойной способ образования установки забыт почти повсеместно, кроме теории установки Д.Н.Узнадзе, где она формируется в момент «встречи» потребности индивида с ситуацией ее удовлетворения. Во-вторых, понятие ценности, истолковываемое как объективный «смысл» в мире (Риккерт), позволяет ставить вопрос о моменте формирования смысла, который видится нам с Гуссерлевых позиций как возникающий в акте интенционального переживания. А поскольку смысл здесь «как бы играет роль посредника между бытием и ценностями и составляет отдельное «царство смысла» (Содейка, 1991. С.266), то через акт извлечения смысла мы приходим к моменту выбора возможности окружающего мира при формировании установки. Отсюда и функции регулятора психических процессов индивида (вюрцбургская школа), и регуляция социального поведения индивида в общественной жизни.

Двойственность природы социальной установки позволяет ей быть «регулятором социального поведения и деятельности индивида в обществе» (см.: Шихирев, 1985. С.29). Мы наме-

ренно отклонились в сторону от основной линии повествования об истории понимания феномена социальной установки с тем, чтобы подчеркнуть упущенные варианты развития психологии установки, обозначив при этом главные линии своей концепции, проистекающие из этих вариантов.

На сегодняшний день существует огромное количество работ об истории психологии установки. Классическим в этом отношении является обзор Г.В. Оллпорта. Многие авторы брали его за основу, и, вероятно, нет смысла еще раз пересказывать хорошо известные факты истории аттитюда. Свой обзор мы попытаемся развивать сразу по двум направлениям – основные проблемы теории аттитюда и наиболее значительные теоретические вклады в решение этих проблем. Главные проблемы аттитюда могут быть обозначены как формирование, смена, структура и функции аттитюда. Все теоретические разработки будут, по возможности, рассмотрены нами в тесной связи с основными направлениями развития мировой психологической мысли.

Отмеченная ранее нестабильность публикаций по проблеме аттитюда (имеет «всплески» в двадцатые и пятидесятые годы) обусловлена не только естественными закономерностями развития науки вообще с ее периодами «собирания и разбрасывания камней», но и с особенностями конкретной проблемы. В частности, если в первый период исследователи были заняты вопросами определения установки, и таковых было предложено огромное множество, то потом, когда «родник иссяк» и наступило естественное затишье, психологи взялись за проблему измерения аттитюда, вернее, того, что они так и не смогли определить. Затем настал черед проблем формирования и смены аттитюда, потом – компонентов и функций аттитюда. Вероятно, так происходит с каждой проблемой, но не у каждой находится свой Мак-Гуайер, умеющий это заметить. Важное значение имеют также запросы практики, ибо сложно представить себе теоретические дискуссии об определении понятия «аттитюд» в период ховлендских исследований – «когда грохочут пушки, музы умолкают».

Проблема определения аттитюда

Первой проблемой, которая в той или иной мере рассматривается почти каждым исследователем, является проблема определения аттитюда. Этому посвящено много работ, начиная с классического оллпортовского обзора, в котором он большую часть посвятил истории развития проблемы, анализу различных направлений и определений, отличию аттитюдов от других понятий, и кончая учебным определением Дэвида Майерса: «Установка – это благоприятная или неблагоприятная оценочная реакция на что-либо или на кого-либо, которая выражается в мнениях, чувствах и целенаправленном поведении» (Майерс, 1999. С.154).

Обзор Г.Оллпорта включал в себя основные концепции двух предшествующих десятилетий и был вызван стремлением очертить контуры различных теорий. Г.Оллпорт идентифицирует четыре «условия формирования аттитюда», но не развивает их достаточно полно и во всех деталях. Во многом его позиция была близка взглядам Терстоуна, который считал, что информация комбинируется и в ходе этого процесса формируется окончательный аттитюд. Однако Г.Оллпорт предлагал дополнительно ввести еще и другие характеристики, кроме аффективных. До этого периода аттитюд казался более универсальным и расплывчатым, теперь же понятие приобретало большую структурированность.

Прежде чем предложить свое определение аттитюда, Гордон Виллард Оллпорт проанализировал шестнадцать уже существовавших до него. Его коллега Нельсон в 1939 году анализирует уже тридцать подобных определений. И это всего за четыре года! Главными признаками аттитюда, по мнению Оллпорта, были его ментальное или нейтральное состояния, готовность к действию, организованность, следствие опыта (см.: McGuire, 1969. P.142).

Ф.Оллпорт характеризует аттитюд как бессознательную составляющую поведения, которая подготавливает его и направляет, активизируя при этом одни реакции и тормозя другие на фоне общего сближения результатов и потребностей, регулирующих как восприятие, так и действие (см.: F. Allport, 1955).

Леон Терстоун в своей знаменитой статье 1925 года «Аттитюд может быть измерен» писал: «Я определяю аттитюд как намерение реагировать позитивно или негативно на психологический объект, которым может быть любой символ, личность, фраза, слог или идея, относительно которой индивид может иметь различные чувства» (Thurstone, 1929. P.45).

Леонард Дуб считает, что «аттитюд – это имплицитная драйв-производная реакция относительно социального значения в индивидуальной сфере деятельности» (Doob, 1947. P.23).

Смит, Брунер и Уайт считают, что аттитюд – «это предрасположенность к опыту, которая мотивирует индивид к определенным действиям относительно объектов» (Smith, Bruner, White, 1956. P.31).

Чарльз Осгуд главным качеством аттитюда видит «предрасположенность реагировать, которая зависима от других состояний, таких, как готовность к предрасположению относительно оценочного ответа» (Osgood, Suci and Tannenbaum, 1957. P.14).

Сарнофф определяет аттитюд как склонность реагировать положительно или отрицательно на определенный класс объектов (см.: Sarnoff, 1960).

Креч, Кратчфильд и Баллачи в 1962 году обозначили аттитюд как «постоянные системы положительных или отрицательных оценок, когний и действий «pro or contra» в отношении социальных объектов» (Krech, Gruchfeld and Balachey, 1962).

Антони Гринвальд классифицирует все предыдущие попытки дать определение аттитюду: «Предшествующие дефиниции аттитюда могут быть отнесены к одному из четырех классов: 1. Автор представляет и доказывает свои собственные определения аттитюда. При этом он доказывает, что это определение может не быть идентичным уже имеющимся (Дуб, 1947; Осгуд, 1955). 2. Автор рассматривает множество вариантов других определений и отдает предпочтение одному из них (Инско, 1967) или предлагает новое определение (Оллпорт, 1935). 3. Автор допускает разнообразие определений аттитюда, отчаявшись найти консенсус различных определений (Мак-Гуайер, 1968; Смит, 1956). 4. Автор, который пытается пере-

вести различные определения аттитюда на обычный разговорный язык и при помощи его выработать направление конвергенции различных направлений (Кэмпбелл, 1963)» (Greenwald, Brock and Ostrom, 1968. P.362).

Сам же Гринвальд стремится при этом объединить все известные теории аттитюда с целью создания «комплексной психологической теории, сконструированной на основе базисных психологических теорий научения, общей когнитивной ориентации. Эта концепция аттитюда может служить моделью теоретического анализа других комплексных психологических конструкторов» (op. cit. P.386).

Хорошо известна работа Дж. Гибсона (Gibson, 1941), где он дает критический анализ понятий установки, на основе которого Прангишвили (1967) и Асмолов (1977) предлагают классификацию основных позиций в исследованиях установки. Согласно А.Г. Асмолову, «в зарубежной психологии первая попытка классификации различных значений, вкладываемых в понятие «установка», принадлежит Дж. Гибсону» (см.: Асмолов, 1977. С.61). Мы особо выделяем мнение А.Г.Асмолова в силу того, что нам чрезвычайно важны позиции Дж. Гибсона, на идеях которого основана наша концепция социальной установки.

На базе гибсоновской классификации Асмолов выделяет несколько основных позиций: 1. О. Кюльпе в начале века понимал под установкой некое «предварительно созданное ожидание объектов, качеств или отношений», проводя эксперименты по восприятию. 2. Позиция О.Л.Зангвилла во многом продолжает линию О. Кюльпе. Установка здесь понимается как «концептуальная схема, не ожидаемая, а вызванная стимульным паттерном». 3. Согласно К. Халлу, установка есть «ожидание стимульных отношений (...), выработанное в условиях повторной стимуляции». 4. В сериях экспериментов на время реакции установка представляется как «намерение реагировать специфическим движением». 5. Карлу Коффке установка видится как «намерение выполнять привычные психические операции». 6. Сипола, Лачинс отмечали, что установка – это скорее «психическая операция или метод, не намерен-

ные, но актуализированные в процессе научения или решения задач». 7. Курт Левин считал, что установка – это «тенденция к завершению прерванной активности». В историю психологии это явление вошло под именем Б.В.Зейгарник. 8. Мак-Фарленд понимал под установкой «тенденцию продолжать активность после устранения соответствующих условий (персеверация)» (см.: Асмолов, 1977. С.61-65).

Характеризуя все вышеизложенные позиции, Ш.А. Надирашвили замечает, что здесь наблюдается «тенденция расщепления общепсихологического понятия установки» в форме различных психических образований – то, что называется «set» и «attitude». Если первая группа определений подходит под определение «attitude» то вторая – под определение «set». Хотя Надирашвили убежден, что речь идет о разных аспектах одного механизма, отмеченного общей закономерностью, которая теряется при таком подходе. И понятие «set» в сенсомоторной сфере, и понятие «attitude» в сфере социальной активности относимы к действию диспозиционной установки (см.: Надирашвили, 1987. С.287). Поскольку мы понятию «установка» посвятим отдельный параграф, то сейчас можно завершить обзор попыток дать определение понятию «аттитюд» следующим определением: «Социальная установка есть устойчивое, латентное состояние предрасположенности индивида к положительной или отрицательной оценке объекта или ситуации, сложившееся на основе его жизненного опыта, оказывающее регулятивное, организующее влияние на перцептуальные, эмоциональные и мыслительные процессы и выражающееся в последовательности поведения (как вербального, так и невербального) относительно данного объекта в данной ситуации» (Шихирев, 1973. С.161).

Исходя из нашего представления о необходимости объединения всех имеющих отношение к установке понятий (сет, аттитюд, социальная установка, фиксированная установка, диспозиционная установка, установка) в едином понятии «социальная установка», мы предложим свое определение социальной установки после рассмотрения понятия «установка» в школе Д.Н. Узнадзе.

Таким образом, сегодня сложилась ситуация, когда почти каждый исследователь имеет свое определение аттитюда, но до сих пор не существует общепринятого. Вероятнее всего, это следует признать нормальным положением исходя прежде всего из сложности самого феномена. Кроме того, психология скорее всего еще не достигла того уровня развития (нужен ли он в психологии вообще?), когда категории, понятия, термины и определения имеют однозначное толкование.

Следующим шагом нашего обзора станет анализ терминов «аттитюд», «социальная установка», «установка», «сэт» и аналогичных им понятий, описывающих явление социальной установки. Не найдя общепринятого определения указанному психическому феномену, мы должны теперь попытаться описать его координаты в системе психики.

Многие исследователи замечают различия в толковании понятия «социальная установка» и понятия «установка». С.К. Рощин отмечает, что «психологическая основа этих понятий одна – предрасположенность, готовность человека действовать определенным образом по отношению к какому-то конкретному объекту и в каких-то конкретных обстоятельствах. Различие же заключается в более высокой организации социальной установки (...)» (см.: Рощин, 1989. С.136). П.Н. Шихирев дополняет это замечанием о том, что социальная установка выполняет функции общепсихологической установки на уровне социальной общности и обеспечивает единое отношение и поведение членов общества (см.: Шихирев, 1976. С.283).

Особо выделяется знаковость существования социальной установки, что, по нашему мнению, можно оспорить. Здесь уместно вспомнить рассуждения о том, что сам по себе мир не является ни хорошим, ни плохим, а становится таковым только в сознании индивида. Знак не имеет сам по себе никакого наполнения, отношения, он бесстрастен и нейтрален до тех пор, пока мы не наполнили его определенным содержанием. Установка – это прежде всего отношение к миру, она не может существовать в знаковой форме, она может быть лишь выражена в ней. И даже это будет достаточно условно – как один из способов обозначения установки. В нашем представлении

установка здесь более похожа на гуссерлевскую интенциональность, которая есть и которую невозможно «потрогать», ибо она суть направление чего-то, а не само это «что-то». Установка, как и интенциональность Гуссерля, всегда ускользает, она неуловима, не может быть понята и вычерпана до конца. Знак, слово, вербальная форма существования установки – это лишь одна из многочисленных ее оболочек в бесконечном ряду горизонтов ее форм. Задачи же типизации и стандартизации, вероятнее всего, будут обеспечиваться феноменом стереотипа, который, по мнению Шихирева, тоже есть разновидность установки.

Однако есть еще одно соображение в пользу высказанного предположения о знаковости социальной установки. Дело в том, что в экологическом подходе Гибсона различается явное и неявное знание. Неявное знание, по Гибсону, это знание, полученное в акте непосредственного восприятия; знание, полученное вне всяких форм знакового опосредования. Это знание несет в себе сущностную информацию и обеспечивает извлечение возможности окружающего мира. Вводимое нами понятие «сущностная информация» будет подробно проанализировано вместе с понятиями «возможность» и «окружающий мир» позже, но сейчас важно подчеркнуть, что сущностная информация, получаемая непосредственно, через неявное знание, анализируется на уровне экологического компонента социальной установки. А знаковая форма знания (явное знание) анализируется на уровне аттитюда. Уровень экологического компонента (базовый уровень собственно установки) функционирует неосознанно. При этом мы разводим понятия «бессознательное», «неосознаваемое», «неосознанное», «подсознательное», что будет обосновано далее. Поэтому, конечно же, у них и различные формы распространения.

Если С.К. Рощин особо выделяет бессознательный характер установки в отличие от социальной установки, то П.Н. Шихирев отмечает фиксированность социальной установки, что обусловлено, по его мнению, предметностью содержания социальной установки. Мы вынуждены возразить обоим исследователям и делаем это одной фразой: предметность уясняется непосредственно в акте интенционального переживания.

Смысл процесса фиксированности в теории установки Д.Н. Узнадзе, имеет достаточно отчетливое наполнение и связан с прошлым опытом. Ш.А. Надирашвили называет это явление «фиксированной социальной установкой». Здесь сразу следует отметить наше мнение относительно того, что социальная установка – это не только фиксированная социальная установка. Предметное же содержание связано больше с другим качеством установки и аттитюда – ее направленностью, интенциональностью, отнесенностью. Отношение есть всегда отношение к чему-либо. Установка не может быть беспредметной, «установкой вообще», ненаправленной – будь то установка-восприятие, или фиксированная установка, или аттитюд. Это одно из главных отличительных свойств установки как психического феномена вообще. Установка «притягивает» предметность, предметность имеет свойство быть «уловленной» установкой, в этом их неразделимое диалектическое единство.

Последнее отличие социальной установки от установки состоит, по мнению П.Н. Шихирева, в том, что «она чаще всего вторична, то есть представляет собой отношение к отношению, зафиксированное в знаковой форме» (Шихирев, 1976. С.285). Здесь опять возникает важная особенность, отмеченная нами, – знаковость социальной установки. Это не средство ее формирования, но одно из средств выражения. Поэтому вторичность социальной установки состоит не в том, что она имеет знаковую форму (ибо может и не иметь!), а в том, что она как бы «надстраивается» над установкой и образует в комплексе с ней единый организм. Более подробно об этом – позже, а здесь надо отметить позицию школы Д.Н. Узнадзе, поскольку она имеет определенные отличия от вышеперечисленных позиций, так как само различие установки и социальной установки имеет оттенок «заинтересованности». «Социальная установка, как и установка любого другого вида, фиксируется и таким образом создается система фиксированных социальных установок, которые актуализируются при соответствующих обстоятельствах. Система социальных установок называется системой аттитюда и интенсивно изучается социальной

психологией. Социальные аттитюды, в отличие от теории установки, рассматриваются представителями различных психологических теорий не как ориентации, полученные в результате фиксации первичных социальных установок, а как сложные психические образования, сформированные из других сознательных психических процессов. В действительности же социальные фиксированные установки, или социальные аттитюды, формируются посредством фиксации социальных установок и затем вводятся в систему других фиксированных установок» (Надирашвили, 1974. С.107).

Исследователи школы Д.Н.Узнадзе различают понятия социальной установки и социального аттитюда, а «социальный аттитюд» нельзя смешивать с «установкой социального поведения», создаваемой у человека перед осуществлением социального поведения. Важным является вопрос целесообразности поведения на основе установки и учет потребности в установке.

Ш.А.Надирашвили отмечает, что в известном определении установки Г.В.Оллпорта отсутствуют потребности индивида (которые определяют целесообразность поведения), предметная среда, ситуация. По мнению Надирашвили, это говорит о том, что Оллпорт и Узнадзе имеют в виду различные психические явления: опыт для первого и активность для второго являются центральными смыслообразующими компонентами (см.: Надирашвили, 1989. С.124). Однако и в данном случае мы замечаем, что здесь необходимо уточнение, которое должно оттенить особое значение понятия «целенаправленность». Если истолковывать вышесказанное буквально, то можно заметить, что отношения установки и целесообразности принимают известный вид отношений собаки и ее хвоста. Поскольку потребность входит неотъемлемой частью в установку, то и установка, и поведение на основе установки будут направлены на эту потребность, то есть целесообразно. Если же плодотворную идею целесообразности развивать в ином направлении, то целесообразным тогда можно назвать не только поведение, соответствующее удовлетворению данной потребности, но и поведение, направленное на адекватный выбор возмож-

ности окружающего мира для формирования консистентной системы установок индивида.

Предлагаемое нами позднее понятие социально-экологической ниши содержит человеческие возможности окружающего мира, которые анализируются и выбираются экологическим компонентом социальной установки. А.Г.Асмолов проблему различения социальной установки и установки видит в решении вопроса первичности установки и деятельности. Ш.А. Надирашвили отмечает, что социальные аттитюды формируются как результат социальной жизни, но определяются той или иной установкой, что охватывает весь комплекс социальных взаимоотношений и различные потребности индивида (см.: Надирашвили, 1974. С.103).

Исходя из вышесказанного и нашего представления об экологической концепции социальной установки мы предполагаем, что базовым понятием, охватывающим все понятия (аттитюд, установка, социальная установка, фиксированная установка и другие), является понятие социальной установки. В свою очередь социальная установка состоит из трех уровней. Первый – уровень экологического компонента социальной установки (или уровень собственно установки, по Д.Н.Узнадзе). Формирование этого уровня происходит по схеме Узнадзе – «потребность» + «ситуация удовлетворения». Второй уровень – уровень аттитюда. Здесь функционируют все механизмы, открытые в социальной психологии аттитюда. Этот уровень состоит из когнитивного и аффективного компонентов. Третий уровень – уровень поведенческого компонента (или, лучше сказать, уровень тенденции к действию). Все это объединено понятием «социальная установка» – как принадлежащим сугубо человеку.

Проблема структуры аттитюда и измерение аттитюда

Другой проблемой аттитюда может быть названа проблема его измерения. Леон Терстоун в своей статье 1928 года «Аттитюд может быть измерен» предложил способ измерения атти-

тюд, который используется очень широко на протяжении шестидесяти лет, чего нельзя сказать о теоретической части его исследования, которая не получила столь широкой известности и популярности. Предложив довольно простое определение аттитюда, суть которого сводилась к тому, что он является лишь суммой аффектов относительно данного объекта, Терстоун в своих теоретических обоснованиях ушел намного дальше. Во многих последующих работах других исследователей мы можем обнаружить отголоски этих ранних идей Терстоуна. Понятие аттитюда обозначается им как «многомерный психологический конструкт», в котором оценочная нагрузка информации является предпочтительнее, чем ее когнитивный компонент. Это основное предположение не только структурных особенностей аттитюда, но и специфики его функционирования и смены. Широко известна методика измерения аттитюда, которая названа «шкалой Терстоуна».

В академическом исследовании «Современная психология» указывается, что «среди тестов, используемых в социальной психологии, особое место занимают шкалы измерения социальных установок (Анастаси, 1984). Они предназначены для количественного измерения направленности и интенсивности реакций человека по отношению к различным категориям стимулов. (...) К наиболее известным методам измерения и построения шкал установок относят: 1. Метод равных интервалов (Л.Терстоун); (...) 2. Метод суммарных оценок (Р.Лайкерт); (...) 3. Метод кумулятивного шкалирования (Л.Гутман)» (Современная психология, 1999. С.482).

Основной набор методик измерения аттитюда сводится к методикам «карандаша и бумаги» и основан на вербальной представленности аттитюда. В обзоре исследований, опубликованных между 1968 и 1970 годами, Фишбейн и Айзен (1972) приводят более пятидесяти операций, призванных измерять аттитюд. Они включают в себя стандартные шкалы аттитюдов (Лайкерт, Гуттман, Терстоун, Осгуд, Суси, Танненбаум и прочие), а также многие показатели измерения чувств, намерений, знаний (Fishbein and Ajzen, 1972. P.19). Опосредованно аттитюд измеряют через кожно-гальваническую реакцию, пульс,

реакцию зрачка, ЭКГ и другие физиологические методики. Однако такое широкое толкование аттитюда приводит к обесмысливанию его как психической реальности, оно малопродуктивно.

В середине века почти все использовали измерительные техники Терстоуна, Лайкерта и Гуттмана, каждая из которых была ориентирована на одну из сторон аттитюда, чаще всего – на его оценочную нагрузку. М.Б.Смит в 1947 году предложил рассматривать результаты изучения аттитюда в тесной взаимосвязи с собственно методикой эксперимента. Его персональные эмпирические исследования сочетали индивидуальную глубину метода интервью с полевым исследованием. В описании аттитюда Смит выделяет три класса измеряемых характеристик. Аффективный аспект индивидуального аттитюда включает в себя его направленность; эта характеристика идентична во многом терстоуновскому элементу. Когнитивный параметр содержит информационный контекст и временные характеристики аттитюда. Он также включает центральную направленность стереотипа, убеждений, фактических знаний, которые имеют отношение к объекту аттитюда. Третий аспект включает описание конативных (conation – англ. – способность к волевому движению) тенденций индивида. Именно поведенческий компонент чаще всего является целью всех измерений аттитюда, ибо исследователей интересует прежде всего прогноз поведения индивида.

Сами по себе измерения аттитюда давали возможность прогнозировать его смену, что являлось задачей первостепенной важности в пропаганде, в любом коммуникативном воздействии. Примером тому могут быть знаменитые йельские исследования К. Ховланда, когда автором «была проделана поистине колоссальная работа по исследованию проблем измерения установки» (Шихирев, 1973. С.163).

Нам представляется наиболее интересной методикой измерения аттитюда методика семантического дифференциала Чарльза Осгуда и его коллег, изложенная в книге «Измерения значения» (1955), где конкретный аттитюд измеряется наиболее комплексно во взаимосвязи с другими аттитюдами и в их

динамике в рамках семантического пространства. Данная методика использована нами при конструировании систем установок индивида. Здесь же следует отметить, что сами по себе методики измерения аттитюда обычно «нацелены» на один из его компонентов, а это уже ставит задачу изучения компонентов, структуры аттитюда.

Вероятно, такие методы измерения аттитюда, как кожно-гальваническая реакция (КГР), расширение зрачка, пульс, электроэнцефалогические корреляты (ЭЭГ), биохимические критерии и другие подобные, отражают именно эмоциональный компонент аттитюда, впрочем, как и методы Терстоуна (Therstone, 1929), Гуттмана (Guttman, 1944), Лазарсфельда (Lasarsfeld, 1950). Это так называемые одномерные шкалы, в то время как факторный анализ более пригоден для измерения когнитивного компонента аттитюда. Попытки же измерения «интенсивности» аттитюда имеют главным образом дело с тем же аффективным компонентом, хотя в последнее время проводятся интересные исследования интеллекта при помощи метода кожно-гальванической реакции (КГР).

Показательной может быть замечательная статья Г. Ю. Айзенка «Интеллект: новый взгляд», где автор достаточно убедительно полемизирует с Альфредом Бине и возвращается к Френсису Гальтону (см.: Айзенк, 1995. С.111-131). Известно, что поведенческий компонент аттитюда относится в первую очередь к общим поведенческим тенденциям личности. Классический показатель этого компонента – шкалы социальной дистанции Е. Богардуса (Bogardus, 1925), хотя социальный психолог Манн (Mann, 1959) рассматривает эти шкалы как инструмент измерения аффективного компонента. Менее неопределенно аффективный компонент может быть измерен путем выяснения или наблюдения проявления активности личности в ситуации, вызванной данным объектом. Все это говорит о том, что данный компонент является наиболее непосредственно измеряемым из трех указанных выше компонентов.

Возникающий вопрос о структуре аттитюда связан непосредственно с процедурами его измерения. Не случайно поэтому и измерения аттитюда, и его структура одновременно

привлекали внимание исследователей. Вопрос же структуры аттитюда неотделим от вопроса его функций.

Одним из важнейших вопросов теории аттитюда стал вопрос о структуре социальных установок. Мак-Гуайер, рассуждая о природе человека, пишет, что философы различных времен и стран пришли к одному общему выводу, что существуют три элемента, которые относятся к человеческому сознанию и состоянию, – это знания, чувства и поведение (см.: McGuire, 1969). Он отмечает, что основное отражение вопроса о структуре аттитюда следует искать в работах Брауна, Кэмпбэлла, Креча и Ричфелда, Ламберта, Ньюкомба, Тернера и Конверса, Шерифа, Кантрила, Смита (см.: Brown, 1965; Campbell, 1947; Krech and Cretchfield, 1948; Krech, Cretchfield and Ballachey, 1962; Lambert and Lambert, 1964; Newcomb, Turner and Convers, 1964; Second and Backman, 1964; Sherif and Cantril, 1945, 1946; Smith, 1947).

Когнитивный компонент аттитюда, называемый также информационным или стереотипным компонентом, связан с тем, как воспринимается объект, его концептуальная коннотация, или «стереотип» объекта. Типичная мера этого компонента – контрольный список прилагательных – черт для обнаружения стереотипов этнических групп (см.: Gilbert, 1951; Kats and Braly, 1933). Катц и Скотланд в 1959 году предложили проанализировать когнитивный компонент аттитюда через взгляды, число их элементов, уровень структуры или иерархию этих элементов и интенсивность тех объектов, на которые обращен когнитивный элемент. Несколько иной путь анализа когнитивного компонента предложен Рокичем в 1960 году (см.: Rokeach, 1960), суть которого состоит в обсуждении централизации, проницательности градиента убеждений. Согласно семантическому дифференциалу Чарльза Осгуда (см.: Osgood, Suci and Tannenbaum, 1957), его фактор оценки может быть использован как мера аффективного компонента при анализе коннотативного значения, а иные факторы могут отразить когнитивный компонент. Это факторы силы, активности и другие. В 1947 году Кэмпбэлл обнаружил, что восприятие и оценка безнравственности, некомпетентности и угрозы во

враждебных группах были также тесно взаимосвязаны вопреки всегда противоречивой природе некоторых оценок этнических стереотипов (см.: Campbell, 1947). Мак-Гуайер считает, что «нетрудно заметить достаточно явное соответствие между этими тремя компонентами этнических стереотипов и Jd, Ego и Superego» (McGuire, 1969. P.155).

Аффективный компонент аттитюда, который называется также «чувственный» или «эмоциональный» компонент, отражает прежде всего чувства субъекта к данному объекту. Некоторые исследователи, считая его исключительно оценочным компонентом, склонны видеть его ядром аттитюда, в то время как когнитивный и поведенческий компоненты они рассматривают как своеобразный «прирост», который формируется вокруг него как матрицы, из которой они растут (см.: McGuire, 1969. P.156). Причем даже этот уровень «прироста», вероятно, окажется различным для разных компонентов – если когнитивный компонент еще связан так или иначе с аффективным, то поведенческий компонент находится на некотором удалении и от когнитивного, и от аффективного компонентов. Это обусловлено, вероятно, не столько нерешенностью аспектов взаимодействия различных частей аттитюда, сколько самой идеей трехчленного его деления, что неизбежно приводит к искусственности всей предложенной схемы взаимодействия аттитюда и его отдельных компонентов. «Таким образом, знание, отношение, имеющее оценочную и эмоциональную окраску и готовность действовать, поступать определенным образом, составляют те три обязательных компонента, которые и образуют социальную установку. Это – теоретическая конструкция, которая в жизни проявляется обычно не в такой простой формуле» (Рощин, 1989. С.14). Очень верно подмеченное свойство социальной установки в психологии – «теоретическая конструкция» обусловлена, на наш взгляд, не ее компонентами или способом организации, а самим подходом в психологии. Установка не может быть даже теоретически выделена не только из психической организации индивида, но из системы индивид – окружающий мир. Установка не может быть «просто» установкой, «теоретической конструкцией», она все-

гда непременно должна быть рассматриваема в рамках конкретного индивида и окружающего его мира. Это всегда «установка на», подобно тому, как Гуссерль говорит о «сознании о». Этим главным недостатком, однако, не ограничиваются последствия трехкомпонентного представления об аттитюдах. «Представление о трехкомпонентной структуре социальной установки в том виде, в котором оно сейчас существует, не может считаться удовлетворительным и в том отношении, что указанная выше неоднозначность (аффективная оценка и «совокупная» оценка объекта) превращается в противоречие, если принять во внимание тот кардинальный факт, к констатации которого пришли исследователи социальной установки. Этим фактом является несовпадение между выявленными традиционным способом (то есть на основании вербальных реакций) установками и реальным поведением» (Асмолов, Ковальчук, 1977. С.160). Шихирев считает, что помимо этого дробление аттитюда на компоненты приводит к неизбежной диверсификации знания (см.: Шихирев, 1979).

Все эти нерешенные вопросы теории аттитюда приводили часто к тому, что многократно исследованные аттитюды конкретного человека не давали гарантии прогноза его поведения, а порою и прямо им противоречили. Широко известен феномен Ричарда Лапьера, когда измеренные аттитюды не отражали реального поведения людей. За полувековой период было предложено много способов объяснения этого явления, но адекватного толкования оно все еще не получило. Мы, в свою очередь, также предложим объяснение феномена Лапьера после всестороннего обоснования нашей гипотезы экологического компонента установки. А здесь обратим внимание прежде всего на то, что реальное поведение не может быть компонентом установки, поскольку это уже совершенно иная фаза психической организации.

Представление о структуре аттитюда тесно связано с понятием его функций. Б.Ф.Ломов пишет: «В западной психологии обычно утверждается, что основные функции аттитюдов (субъективных отношений) – это приспособление (adjustment) личности к социальной среде по принципу гомеостата; схема-

тизация и симплификация знаний о сложном мире; самосохранение и самореализация. Возможно, в какой-то мере субъективные отношения выполняют эти функции. Но главное все же в другом: в том, что они обеспечивают включение личности в жизнь общества, определяя способы ее деятельности и взаимодействия с другими людьми, а следовательно, характер и меру ее участия в развитии общественных отношений» (Ломов, 1984. С.330).

М. Смит в широко известной работе 1947 года об изучении аттитюдов относительно России представил первый обоснованный анализ тех функций, которые выполняет аттитюд в структуре личности. Следует сразу отметить, что более ранние исследователи, например, такие, как Оллпорт, Ньюкомб, Шериф, Кантрил, уже так или иначе обозначали отдельные функции аттитюда, но никто из них так всесторонне не выделял их все вместе. Можно назвать лишь Мюррея и Моргейма (1945, 1946) или Френча (1947, 1948), взгляды которых наиболее близко соотносятся с идеями о трехкомпонентной структуре аттитюда М.Б.Смита.

Многие исследователи видели искусственность подобного деления и предлагали свои комплексные концепции аттитюда и его функций. Шихирев анализирует различные теории аттитюда и приводит некоторые попытки их синтеза, описывая, в частности, работу Дэвида Катца (1960), которую автор называет функциональной теорией установки. Изучение здесь происходило с точки зрения потребностей индивида, на основе которых были выделены следующие функции: 1) инструментальная функция установки (приспособительная); (бихевиористическая ориентация); 2) функция Эго-защиты (психоаналитическая ориентация); 3) функция выражения ценностей (психология личности); 4) функция организации знания (гештальттеория) (см.: Шихирев, 1979). Нам представляется, что приспособительная функция аттитюда является одной из наиболее значимых – исходя из общего представления о роли психики и ее функции приспособления в окружающем мире.

Мы неоднократно отмечали свое несогласие с перенесением принципов теории эволюции на психические закономерности

сти, но в данном случае роль бихевиористического влияния на теорию аттитюда, несомненно, очень высока. Ш.А. Надирашвили считает, что Оллпорт, Крачфильд, Мерф, Креч, Лачинс, Ньюкомб и другие придерживаются бихевиористических позиций, борясь при этом с элементаризмом и понимая установку как вторичный психический феномен, возникший на основе переживаний (см.: Надирашвили, 1974. С.14).

Многими исследователями теории аттитюда в качестве теоретической основы была использована классическая схема бихевиоризма Халла (Hall, 1943; 1951), Спенса (Spense, 1956) и Толмена (Tolman, 1932). Большинство теорий научения может быть выражено в терминах двух базовых парадигм – классического обусловливания и оперантного, или инструментального, обусловливания.

Одним из первых авторов, перенесших принципы теории научения в область исследования аттитюдов, был Леонард Дуб, опубликовавший в 1947 году статью «The behavior of attitudes», в которой определил аттитюд как имплицитную ожидаемую реакцию научения. Аттитюд представляется ему не наблюдаемой прямо реакцией на объект, который встречается впервые или на который пока нет никакой реакции.

Большинство бихевиористских теорий аттитюда сходится в понимании путей их формирования – как реакция, ассоциированная с предъявленным стимульным объектом. Базовыми условиями в парадигме исследований Стаатса (Stats and Staats, 1958; 1968) явились эффекты первенства и порядка предъявления. В дополнение к классическому обусловливанию Лотт и Лотт (Lott and Lott, 1968) придавали большое значение инструментальному обусловливанию как базисному для формирования аттитюда. Ими было предложено использование второго общего принципа в форме опосредованного общения. Согласно этому принципу, некоторые скрытые реакции ассоциируются с предъявляемыми стимулами, а также с другими стимулами, которые вызывают аналогичную промежуточную реакцию и становятся способными производить открытые реакции.

Леонард Дуб подчеркивал, что индивид первоначально усваивает скрытые промежуточные реакции (т. е. аттитюды) на соответствующие стимулы, и только потом он может научить-

ся явным специфическим реакциям. Первый процесс может быть вызван классическим обусловливанием, в то время как второй – инструментальным научением. Для других подобных стимулов, вызывающих аналогичную реакцию, применимы принципы генерализации. Таким образом, согласно Дубу, именно промежуточная реакция и является аттитюдом. Он различал подобные аттитюдные реакции и другие промежуточные ответы, к примеру привычки, относя термин «аттитюд» прежде всего к тем скрытым реакциям, которые вызваны социально релевантными стимулами. Это позволяет ему говорить о том, что люди с одинаковыми аттитюдами могут научиться вести себя различным образом. В этом же контексте определенное значение имеет вопрос комбинированного влияния двух стимулов и более, каждый из которых вызывает различные имплицитные реакции, которые каким-то образом должны иметь общее основание. Большинство исследователей вполне согласно с тем, что аттитюд может быть рассмотрен как усредненная оценочная реакция. Эта концепция очень близка к пониманию аттитюда как точки на биполярной оценочной или аффективной шкале отношений к определенному объекту. Имплицитная оценочная реакция (или аттитюд) рассматривается как predisposition индивида к осуществлению различных форм поведения. Индивид может вербально поддерживать свои различные поведенческие намерения. Однако Л. Дуб достаточно наглядно продемонстрировал, что любая индивидуальная реакция может быть сформирована только в той мере, в какой она может быть положительно подкреплена. Отсюда делается вывод о том, что два человека могут иметь одинаковые аттитюды, но усвоить при этом разные ответные реакции (см.: Doob, 1947).

Вклад Леонарда Дуба в исследование аттитюдов почти полностью основан на его теоретических построениях, поскольку он не предложил никакой сколько-нибудь оригинальной экспериментальной поддержки своим идеям. Однако эти его теоретические положения стали потом фундаментом для многих исследователей, например таких, как Фишбейн, Ховланд, Джайнис, Келли, Лотт и многих других, придерживающихся порою иных теоретических позиций (см.: Fishbein,

1967; Hoveland Janis and Kelly, 1953; Lott and Lott, 1968; Osgood et al., 1957).

Так, Карл Ховланд начал изучение проблемы установок в процессе своего исследования массовых коммуникаций во время Второй мировой войны. Изучая активность индивида в общей проблеме массовых коммуникаций, он представлял коммуникативный процесс как стимулы и реакции индивида и опосредующие их психические процессы.

Исследования этого периода широко известны как «Йельская исследовательская программа массовых коммуникаций», организованная фондом Рокфеллера. В ходе этой программы Ховланд экспериментировал поначалу с убеждающим влиянием кинофильмов на солдат американской армии во времена Второй мировой войны (Hovland, Lumsdain and Sheffield, 1949). После войны он продолжил свои изыскания в области убеждающего коммуникативного воздействия, результаты которых отражены в его работах Йельского периода (см.: Hovland, 1957; Hovland, Janis, Kelley, 1953; Hovland, Sherif, 1961).

Проблема смены установок и психология убеждающего коммуникативного воздействия

Смена установок и дополняющие ее проблемы социального влияния на личность, а также влияние на личность и до наших дней являются одним из основных центров внимания в американской социальной психологии, что стало самым веским обвинением в увлечении позитивизмом. Хотя результатом многолетних и чрезвычайно дорогостоящих исследований в политике и бизнесе может быть взят девиз из Дэвида Майерса: «Меняющиеся человеческие установки обычно не в состоянии вызвать сильного изменения в поведении» (Майерс, 1999. С.162).

Начав в годы войны, группа Ховланда сделала основные открытия в этой области. Так, она считает, что «большинство результатов может быть рассмотрено как связанные с эффектами коммуникации исходя из природы: 1) коммуникатора

(кто сказал); 2) сообщения (что сказал); 3) аудитории (кому сказал). Вместе с этим каждая из составляющих первоначально была особо вычленена из контролируемого экспериментального исследования в изучаемой аудитории» (Hovland, 1953. P.78).

Исследования Ховланда, Вейса, Манделла, Кельмана (Hovland, Weiss, 1951; Hovland and Mandell, 1952; Kellman, 1953) показали, что коммуникатор, обладающий большим доверием аудитории, имеет и больше возможности влиять на мнение аудитории. Большее доверие аудитории к коммуникатору обеспечивает также более значительную возможность немедленного влияния на реципиента. Однако и те и другие эффекты – и эффекты низкого доверия, и эффекты высокого доверия, и положительные, и отрицательные – имеют тенденцию исчезать по истечении срока в несколько недель. Сами же эффекты изменения установки не обусловлены различным вниманием со стороны слушателя.

Наибольшее изменение мнения происходит в процессе импровизированного участия реципиента в разговоре (см.: Kelly, 1955; Kelly and Volkart, 1952; Lumsdaine, 1953; Kurtz and Hovland, 1953; Sherif, 1951). Двое из членов исследовательской группы К. Ховланда – Альберта Е. Сигал и Сидней Сигал – занимались в рамках этой программы изучением референтных групп, влиянием членства индивида в группе на смену его аттитюдов. В статье «Референтные группы, членство в группе и смена аттитюдов» они отмечали, что в социально-психологической теории давно было обнаружено, что индивидуальное членство в группе имеет важное значение с точки зрения влияния на убеждения и аттитюды, которых придерживается личность. Основная гипотеза состоит в том, что смена аттитюда происходит различно в зависимости от того, как можно предсказать ее, основываясь на знании норм группы по конкретной теме (см.: Siegal, Siegal, 1957).

Психологическая школа Йельского университета среди прочих проблем аттитюда занималась также проблемами структурной организации аттитюда и его смены. В ходе эксперимента были выявлены зависимости между различными ком-

понентами аттитюда и возникающие отсюда особенности взаимовлияния и взаимозависимости различных составляющих аттитюда (см.: Hovland, Janis, Kelly, 1963; Hovland, Lumsdain Sheffield, 1949). При этом многие известные исследователи социальной установки придерживаются схематической связи переменных в экспериментальном изучении, которые видятся как независимые переменные – события, группы, люди; промежуточные переменные – аттитюды; и зависимые переменные, к числу которых относятся аффективные реакции, перцептивные реакции, поведение. Впервые подобную схему предложили К. Ховланд и М. Розенберг (Hovland, Rosenberg, 1960). Думается, что она вполне адекватно отражает истинную картину функционирования как самого аттитюда, так и его компонентов во взаимосвязи с их функциями. Данную схему бихевиористически ориентированные Розенберг и Ховланд представляют так:

Рис. 1. Связь измеряемых независимых, промежуточных и зависимых переменных при изучении аттитюда (сост. по: Fisbein, Ajzen, 1975. P. 338)

В приведенной выше схеме все реакции на стимульный объект опосредованы индивидуальными аттитюдами относительно этого объекта.

Общий вклад К. Ховланда в теорию аттитюда состоит в основном в последовательном использовании принципов бихевиористической теории при исследовании аттитюдов. В соответствии с основной проблемой изучения массовых коммуникаций Ховланд ограничил свои теоретические исследования только ситуациями, в которых присутствует вербальная коммуникация. Им выделено два основных типа процессов, которые опосредуют стимулы и реакции.

В своей теории К. Ховланд смог соотнести психические процессы с проблемами аттитюда в условиях массовых коммуникаций. Сам он следующим образом характеризует свою позицию: «Переосмысленные проблемы аттитюда в терминах бихевиористической теории вызывают интерес, будучи сфокусированными на промежуточных символических процессах, которые опосредуют приобретение, дифференциацию и угасание аттитюдальных реакций» (Hovland, 1951. P.427). Бихевиористическое направление сыграло одну из главных ролей в изучении аттитюдов. Нам оно важно еще и потому, что исток экологического подхода к восприятию Дж. Гибсона, наряду с когнитивным направлением, является именно бихевиористическое направление.

М. Фишбейн ставит пять главных нерешенных проблем: 1) фраза «последовательная положительная или отрицательная реакция» может быть понята неоднозначно; 2) предрасположенность может быть рассмотрена как специфическая или общая, и она может быть связана, а может и не быть связана с поведением; 3) последовательность реакций и уровень предрасположенности могут быть или не быть скоординированы; 4) существуют разногласия относительно природы предрасположенности; 5) различные виды прошлого опыта могут быть относительно релевантными для формирования диссонанса (Fishbein, Ajzen, 1975. P.12).

Перечисленные нерешенные проблемы бихевиористического взгляда на аттитюд, а также известные уже «грехи» би-

хевиоризма (натурализм, негативное отношение к теории, разрыв с философией, отказ от понятия целостности, невнимание к сознанию, излишнее увлечение естественными науками и другие) привели к протестам со стороны представителей других направлений в психологии.

Одними из самых ярких противников бихевиоризма были гештальтпсихологи. Позиции основателей гештальтпсихологии Келера, Коффки и Вертгеймера мы анализируем в разделе психологического эксперимента нашей работы, а здесь коснемся работ К. Левина и С.Аша, которые можно отнести к области исследования аттитюда, несмотря на то, что К. Левин не занимался напрямую аттитюдом, но, по сути, его работы вносят вклад в интересующую нас область.

Исходя из теоретических основ своей концепции он сделал попытку интегрировать все детерминанты поведения в единую динамическую систему. Для этого он использовал физическое понятие «поле», многие принципы описания из топологии. Динамическая система поведения находится в напряжении в том случае, если нарушается равновесие между поведением и средой. Таким образом, поведение имеет два уровня детерминации, один из которых принадлежит личности, другой – окружению. Он предполагал, что поведение определяется симультантными операциями моментальных условий личности в сочетании и взаимодействии со структурой ее окружения. Детерминанты, обусловленные этими двумя источниками, становятся актуальными только в том случае, когда они представлены на уровне индивидуального жизненного пространства.

Исходя из этих ориентаций Левин видел аттитюд прежде всего как детерминант поведения, а не как зависимые переменные. Чаще всего он признавал аттитюд как данность, а не в качестве самостоятельной проблемы, требующей своего решения. Однако одно понятие в левиновском теоретическом анализе жизненного пространства личности может быть рассмотрено как близкое к концепции аттитюда. В данном случае речь идет о валентности. Позитивная валентность характеризует объект в жизненном пространстве, относительно которого у индивида возникает чувство аттракции, а негативная валент-

ность характеризует объект, который отталкивает индивида. Подобное движение «от» и «к» объекту аттитюда является результатом действия сил притяжения или отталкивания в жизненном пространстве индивида.

Курт Левин использовал понятие валентности в двух различных значениях. Одно из них было идентично тому, что определялось Терстоуном как аффективное отношение к объекту аттитюда. Другое, которое наиболее часто используется в его работах, подразумевает под понятием валентности некое переходное состояние, которое определяется совместно настоящим окружением индивида, его личностными предпочтениями и его актуальными потребностями больше, чем постоянными склонностями личности. Аттитюд в этом случае используется как одна из нескольких сил, определяющих валентность в этом втором значении. Левиновский вклад в развитие теории аттитюда наиболее значителен не анализом валентности или аттитюда, а общим взглядом на человека, которого он представляет как взаимодействие когнитивной реакции организма интегрального характера и поля. Аттитюд в этом случае не является автоматическим рефлексом или константной диспозицией, он существует в личностном и ситуационном контексте.

Для нас особое значение имеет тот факт, что у К. Левина аттитюды были представлены в индивидуальном жизненном пространстве внедренными в когнитивный контекст с аффективными и когнитивными структурными операциями, независимо определяющими последующее поведение. Эти методологические ориентации теории поля являлись тем звеном, которое имело сильное влияние на последующие исследования теории аттитюда.

Современный анализ когнитивной интеграции построен на левиновской концепции жизненного пространства как динамической системы сил и областей психического пространства. Именно эти теоретические основы достаточно явно проступают в работах Абельсона, Аронсона, Мак-Гуайера, Нью-Комба, Розенберга и Танненбаума (1968), Фельдмана (1966), Осгуда (1960), Рокича и Ротмана (1965). Исследование К. Левином конфликтов имеет сегодня прямую аналогию с современными

теориями аффективной консистентности Абельсона, Розенберга (1958), Хайдера (1958) и их взаимоотношений с поведением (Инско и Шоплер, 1967; Розенберг и Ховланд, 1960). Наконец, изучение когнитивной сложности основано во многом на теоретическом анализе жизненного пространства и нашло отражение в работах Брока (1962), Крокета (1965), Харвея (1967), Керлингера (1967), Скотта (1963) и Зайонка (1960).

Представляя гештальтистские традиции, С.Аш и Левин (Asch, 1940; Lewin, 1941) подвергли сомнению представленную ранее бихевиористами известную модель смены и формирования аттитюда на основе теории научения. Аш замечает, что эти ранние теоретические исследования объектов аттитюда так же, как и согласие с коммуникатором, рассматриваются как фиксированное несогласие с источником, к которому коммуникация привязывалась. Здесь теория научения показывает недостаточную релевантность к одному из значений аргументов. Аш был уверен, что это дает неверную картину функционирования аттитюда. Согласно ему, любой фон или содержание, которые влияют на значение коммуникации как на его источник, могут влиять на индивидуальное принятие его аргументов.

Один из важнейших вкладов Аша состоит в том, что все последующие исследования аттитюда на основе теории научения обязаны были учитывать процессы приобретения и смены значений. При всем этом сам Аш никогда не сравнивал в своих работах его когнитивную ориентацию с формулировками Л. Дуба, основанными на теории научения. Однако для разработки конструкта имплицитной реакции теории Дуба лучше было бы «встретиться» с возражениями Аша, чем с формулировками Лорге и Торндайка (см.: Greenwald Brom, Ostrom, 1968). Влияние доверия коммуникатора или престижа источника информации было интерпретировано Торндайком (1935) и Лорге (1936) как обусловливание аффективной реакцией на коммуникатора, которая ассоциировалась с содержанием коммуникации.

Таким образом, гештальтистские традиции сыграли существенную роль для аттитюда. «Наиболее видным представите-

лем теории поля Левиным была введена в поле как одно из измерений личность с ее предыдущим опытом и потребностями. Этим он фактически дошел до признания роли закономерности установки. Но все же Левин пытается объяснить психическую активность человека понятием психического поля и старался изгнать понятие установки из сферы психологии. Вместе с тем следует отметить, что фактически, объективно его исследования способствовали внедрению и применению понятия установки в социальной психологии» (Надирашвили, 1974. С.14).

Надирашвили отмечает, что исследования гештальтпсихологов подтвердили невозможность понять психическую активность человека только лишь на основе понятия переструктурированности психического поля без учета понятия установка. В этой мысли Надирашвили содержится существенное для нас замечание относительно схожести установки и эффектов действия поля в гештальттеории. Гештальтистско-бихевиористические ориентации Дж. Гибсона и его понимание окружающего мира вполне соотносимы с понятием поля К. Левина – с той лишь разницей, что у Гибсона это поле пассивных возможностей и активного индивида, а у Левина особое значение придается активности сил поля.

Из этого может быть сделан вывод о важности для явления установки понятия интенциональности, направленности, которая самым непосредственным образом связана с окружающим миром как два взаимозависимых компонента в системе координат поля. Однако здесь следует отметить, что в чистом виде теория поля К. Левина должна быть отнесена не только к гештальтпсихологии, поскольку важнейшее место в ней занимают когнитивные процессы и мотивы. Это позволяет говорить о данной позиции как о промежуточной между гештальтистским и когнитивным направлением. Это же мы часто наблюдаем и у Дж. Гибсона. Как отмечают Г.М.Андреева, Н.Н.Богомолова и Л.А.Петровская, теория К. Левина, несмотря на близость к гештальтистам, имеет и новые аспекты, которые можно свести к следующему: 1) предложение принципов исследования личности, а не перцепции. Особое внимание при этом уделяется

понятию мотива. Важна проблема связи когнитивных и мотивационных процессов; 2) усвоение понятия поля. У К. Левина оно имеет отличное от гештальттеории понятие, которая употребляет понятие «поле» в значении перцептивной структуры и дается сознанию непосредственно. В представлении Левина поле – это структура, в которой совершается поведение. Оно охватывает в нераздельности мотивационные устремления намерения индивида и объекты вне его. При этом очень важной становится идея взаимодействия индивида и окружения. В теории К. Левина используется идея валентности, которая объясняет направленность «локомоций» индивида в «жизненном пространстве». Несколько в стороне здесь стоят исследования групповой динамики, которые охватывают проблемы стиля лидерства, проблемы сплоченности и групповой дискуссии. В концептуальном аппарате когнитивных теорий главным понятием является «когнитивная организация», «когнитивная структура». Ч.Осгуд считал одним из главных понятие «значение». Все теории когнитивной ориентации можно подразделить на две большие группы: 1) теория когнитивного соответствия (Ф. Хайдер; Т. Ньюкомб; Л. Фестингер; Ч. Осгуд; П. Танненбаум; Р. Абельсон; М. Розенберг) и 2) теории С.Аша, Д. Креча, Р. Крачфильда, которые используют понятия когнитивизма, но не принимают идею соответствия (см.: Андреева, Богомолова, Петровская, 1978).

Как уже отмечалось, проблема смены социальной установки видится многим исследователям как центральная проблема всей социальной психологии. М. Брустер Смит отмечает, что «тема смены аттитюда является центральной не только в теории и исследованиях в социальной психологии. Она охватывает феномены и проблемы, которые одинаково важны в изучении личности, культуры, политики и сферы потребления» (Smith, 1968. P.458). Тема смены аттитюда включает непременно изучение условий, при которых подобные диспозиции изначально формируются и впоследствии модифицируются в направлении деятельности личности совместно с окружающей ее физической, социальной и информационной средой. Данная проблема включает такие аспекты смены аттитюда, как одно-

временная смена сравнительно незначительных и специфических значений «мнения» и глубинных чувств, которые являются составляющими личности. Подобные изменения могут проходить в одном случае естественным образом, а в другом – путем преднамеренного убеждающего коммуникативного воздействия.

Проблема смены аттитудов связана с практикой изучения общественного мнения и выборов, а также проблем исследований в малых группах (Lewin, 1951; Festinger, 1950). Лазарсфельд и Катц объединили эти две исследуемые проблемы (см.: Katz, Lazarsfeld, 1955). В то время психоаналитическая интерпретация природы аттитудов была очень популярна среди американских психологов и в корне изменила их подход к теории личности. К числу этих исследователей относятся прежде всего Лассуэл (Laswell) и авторы «Авторитарной личности» (Adorno, Frenkel-Bruswik, Levinson, Sanford, 1950), которые в своей работе показали, как могут быть интегрированы этнические аттитюды. Это исследование явилось в дальнейшем составной частью разработок личностной динамики, объединив исследования личности и смену аттитюда.

Если говорить о смене аттитюда с точки зрения инструмента измерения, то в соответствии с диспозициями аттитюды традиционно измерялись путем установления согласия или несогласия с набором стандартизованных утверждений. Ожидалось, что концепция и принцип, выделенные в общей психологии, должны пролить свет на процесс смены аттитюда. Ховланд в 1961 году, К.В.Шериф, М. Шериф и Небеграл в 1965 году предприняли многообещающее начинание в этом отношении. В контексте теории убеждающей коммуникации их идеи сводились к следующему: отношение личности к противоречивому высказыванию может быть скоординировано и направлено в сторону отличной точки зрения, которую сам реципиент считает приемлемой. Эффект же убеждающей коммуникации в этом случае будет зависеть для реципиента в значительной степени от расстояния между позицией слушателя и защищаемой позицией коммуникатора, как он сам их представляет на шкале аттитюда. Максимальный эффект убеж-

дающего воздействия будет иметь место в том случае, когда позиция, занимаемая коммуникатором, окажется вблизи границ принятия реципиента. При этом условии он стремится сократить разницу в мнениях с коммуникатором. Это широко известный так называемый ассимилятивный эффект. В этот момент реципиент максимально открыт для влияния. Когда позиции коммуникатора оказываются в одной для реципиента зоне отвергания, последний становится недоступен влиянию и наблюдается эффект контрастной оценки позиции. В этом случае лишь тема, которая характеризуется низкой вовлеченностью «Я», может быть принята и способна оказать влияние на смену аттитюда, поскольку он не является значимым для личности (Sherif and Hovland, 1961).

Таким образом, выделяются три достаточно обособленных группы исследователей, изучающих проблему смены аттитюда. В общих словах, это группы, пытающиеся установить закономерности смены в зависимости от стимулов, в зависимости от личностных особенностей и в зависимости от структуры аттитюда. В первой предложены три гипотезы смены: теория конгруэнтности (Осгуд, 1957), теория когнитивного диссонанса (Фестингер, 1954), теория баланса (Абельсон и Розенберг, 1958). Второе направление исследует личностные особенности реципиента (К. Ховланд, Шериф, Небергал и другие). Третья группа занималась изучением структуры аттитюда (Брэм, Коуэн, Розенберг, Абельсон и другие). Основная идея состояла в перенесении принципа равновесия на компоненты аттитюда.

Когнитивное направление в исследованиях аттитюда

Мы останавливаемся отдельно на рассмотрении когнитивного направления в изучении социальной установки потому, что современную когнитивную ориентацию можно назвать «наиболее широким, выражающим дух современной психологии» (Ждан, 1990. С.346) направлением. А многие проблемы и подходы к их решению уходят еще в период античности.

Среди основателей когнитивной психологии называют имена Дж. Андерсона, Дж. Брунера, Д. Бродберта, У. Найссера, Д. Нормана, А. Пайвио, П. Линдсея, Г. Саймона, Л. Фестингера, Ф. Хайдера. Когнитивная концепция строилась на основе исследований Э. Толмена, Д. Миллера и Ю. Галантера и К. Прибрама.

На формирование направления сильное влияние оказали работы Гибсонов, которому У. Найссер посвящает свою книгу «Познание и реальность» (1986). «Генетические исследования Пиаже и Бауэра, работы по восприятию Джеймса и Элеоноры Гибсонов (...) можно рассматривать как вклад в содержательную когнитивную психологию» (Найссер, 1986. С.120).

Человек в когнитивной психологии рассматривается как действующий, активно воспринимающий и продуцирующий информацию. Его деятельность обусловлена своеобразными планами, стратегиями и правилами мышления. Один из ведущих представителей направления У. Найссер определяет задачи когнитивной психологии, среди которых он выделяет необходимость понимания познавательной активности в контексте целенаправленной деятельности в условиях реального мира (см.: Найссер, 1986. С.120).

Когнитивную ориентацию в современной социальной психологии наиболее трудно рассматривать как единую школу. При этом сущность подхода состоит в том, что социальное поведение объясняется при помощи описания познавательных процессов, анализируются психическая деятельность, структуры психической жизни. Главным аспектом в этом анализе становится процесс познания, который связывается в этом случае с социальным поведением: впечатления о мире интерпретируются в идеи, верования, ожидания, аттитюды, которые и выступают регуляторами социального поведения. Поведение зависит от образов, понятий и прочих когнитивных структур (см.: Андреева, Богомолова, Петровская, 1978). По мнению этих авторов, главными проблемами социальной психологии когнитивного направления являются проблемы перцепции, аттитюда и аттракции. Все это позволяет понять, почему ее теоретическим источником выступает гештальтпсихология.

Указанные выше авторы отмечают, что теории когнитивного соответствия являются ядром когнитивной ориентации, центральной идеей которой принято представление о том, что когнитивная структура человека не может быть несбалансированной. Если это возникает, то возникает тенденция к изменению подобного состояния. К этой идее были обращены взгляды сразу нескольких исследователей. Источниками принято считать идеи Курта Левина о природе конфликта и книгу Теодора Адорно «Авторитарная личность». Среди крупных теорий когнитивного соответствия наиболее известны: теория структурного баланса Ф. Хайдера, теория коммуникативных актов Т. Ньюкомба, теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера, теория конгруэнтности Ч. Осгуда и П. Танненбаума (см.: Андреева, Богомолова, Петровская, 1978).

Лучше всего, пожалуй, начать анализ когнитивного направления в исследовании аттитюдов с рассмотрения теории Ф. Хайдера, который считал себя специалистом в области межличностных взаимодействий (Haider, 1946; 1958), но своими работами оказал сильнейшее влияние на теорию аттитюда. Как и теория К. Левина, его анализ был основан на предположении о том, что для понимания действий аттитюдов и их влияния на поведение необходимо изучение индивидуальных когнитивных представлений окружающего мира, жизненного пространства личности. Люди, объекты и события взаимодействуют друг с другом аналогично динамическим когнитивным системам. Первостепенную важность в жизненном пространстве имеют каузальная атрибуция, уровень непринужденных характерных пар элементов и степень, с которой индивиду следует или не следует вовлекаться в определенную активность.

На этих нескольких базовых понятиях основывался хайдеровский анализ предпочтений и неприятий, который оказал огромное влияние на исследование в области аттитюдов. Основываясь на принципах когнитивного баланса как на центральном постулате, развивали свои теории Ньюкомб, Осгуд, Фестингер, Абельсон, Розенберг, Инско, Чоплер (Newcomb, 1953; 1961; Osgood et al., 1955; Festinger, 1957; Abelson and Rosenberg, 1958; Posenberg and Howland, 1960; Inscho and Schopler, 1967).

Характеризуя теорию структурного баланса Ф. Хайдера, авторы «Современной социальной психологии на Западе» отмечают, что он является наиболее последовательным гештальтистом, хотя идея не разрабатывалась специально для социальной психологии, а идет больше в русле общей когнитивной психологии. Ф. Хайдер считается одним из основателей когнитивной психологии. Главная его идея состоит в том, что, по его мнению, люди склонны развивать упорядоченный и связанный взгляд на проблему и на мир. Каждый индивид строит «наивную психологию» как попытку объяснить логику и источник событий, с ним происходящих. В своей книге «Социальная перцепция и феноменальная причинность» (1944) он, ориентируясь на восприятие, выдвинул свой основной тезис: важность и необходимость изучения «житейской психологии» посредством языка, литературы – методом анализа психологических понятий, употребляемых в языке, и их связи со сказками, новеллами и тому подобным. Одним из исходных постулатов теории является идея баланса, вторым постулатом – идея атрибуции.

Статьи Ф.Хайдера «Аттитюды и когнитивная ориентация», «Психология межличностных отношений» вносят большой вклад в развитие социальной психологии, определяя основные положения концепции сбалансированных структур. Главной идеей здесь является представление о том, что дисбаланс когнитивной структуры вызывает напряжение, которое фундирует силы, обеспечивающие восстановление баланса. Баланс в предположении Хайдера возникает тогда, когда вся ситуация воспринимается как гармоничная (см.: Андреева, Богомолова, Петровская, 1978).

Как уже отмечалось, хайдеровский интерес к сбалансированным фигурам возник на основе анализа факторов влияния каузальной атрибуции события на индивида. Хорошо известно, что, согласно теории атрибуции, многие факторы влияния могут иметь каузальную атрибуцию. Важнейшим для нас является то, что Хайдер основывается на феноменологическом подходе при анализе индивидуального восприятия взаимоотношений между элементами. Обычно эти взаимоотношения

включают в себя три составных элемента: индивид (P), другой индивид (O) и событие или объект (X). Гештальтистские принципы перцепции предполагают, что O и X могут восприниматься и образовывать соответствующие фигуры на основе принципов схожести, участия, принадлежности и других.

Таким образом, Хайдер в 1946 году сформулировал принцип баланса для всех целостных отношений. Основной балансный принцип сегодня может быть определен примерно следующим образом: «Балансное состояние между двумя элементами существует тогда, когда взаимоотношения между ними положительные (или отрицательные) во всех отношениях. Балансное состояние между тремя элементами сохраняется, если все три элемента взаимодействуют положительно во всех отношениях или когда существует два негативных и одно позитивное отношение (Haider, 1946. P.115). Многими исследователями отмечается очевидный факт, что основное внимание уделено динамическому взаимодействию между убеждениями и аттитюдами. Восприятие индивидом взаимоотношений между O и X может быть выражено как убеждение относительно O . Эта теория также учитывает аттитюд не только относительно объекта, но и относительно его самого. Важным моментом всей теории является то, что аттитюд может меняться в результате определенных действий индивида.

Замечание о том, что действия индивида могут быть представлены когнитивно в форме аттитюда и таким образом оказывать влияние на другие аттитюды, будет играть решающую роль в теории когнитивного диссонанса Леона Фестингера (Festinger 1957). Однако в теории баланса Хайдера можно обнаружить и некоторые ограничения – теория работает только на уровне качественных отношений, а лучше всего – в случае их максимального выражения. Ничего не говорится в ней и об уровне баланса, который, естественно, различен в каждом конкретном случае. Многие авторы пытались преодолеть эти недостатки. К примеру, Кантрил и Харари (Cantril, Harary, 1956) разработали принципы математической графической теории множественного взаимодействия между компонентами. Хотя эти отношения и не поддаются количественному исчис-

лению, но графически такая теория способна указать уровень баланса в данной форме. Авторы разработали эту теорию в приложение к реальным отношениям социальной структуры.

Симиларли и Ньюкомб (Similarly, Newcomb, 1963) использовали теорию баланса при изучении актуальных структурированных взаимоотношений между двумя индивидами. Абельсон и Розенберг (Abelson, Rosenberg, 1958) применяли понятия алгебры для выявления баланса между двумя и тремя элементами (см.: Greenwald, Brock, Ostrom, 1968).

Теория коммуникативных актов Т.Ньюкомба является близким вариантом теории структурного баланса Ф.Хайдера. Здесь основное внимание переносится на область межличностной коммуникации. Теодор Ньюкомб, к сожалению, не написал книги, но его главная статья «Подход к исследованию коммуникативных актов» (1953) выражала исходный тезис автора, который сводился к тому, что когда два человека позитивно воспринимают друг друга и строят отношение к третьему, то они имеют тенденцию развивать сходные ориентации. Развитие самих ориентаций может быть изменено за счет развития межличностных коммуникаций.

Основной задачей автору видится объяснение, каким образом в группе возникает давление, принуждение к единообразию, какие факторы делают группу сплоченной. С этой целью выявляется тенденция группового развития коммуникативных актов по отношению к отклоняющимся от нормы членам группы. Следует отметить, что обе модели (Хайдер и Ньюкомб) нашли наибольшее применение в исследовании процессов СМК, особенно в рамках изучения «убеждающей коммуникации» (см.: Андреева, Богомолова, Петровская, 1978).

Работы Теодора Ньюкомба в области аттитюда подчеркивали важность интерперсонального контекста в стабилизации и смене аттитюда. Он обнаружил в своих знаменитых беннингтоновских исследованиях, что пространство индивида сохраняется при взаимодействии групп в том случае, если они одинаковым способом формируют аттитюды. Само же по себе приобретение новой информации не имеет почти никакого влияния на аттитюды. Тем не менее, когда индивид приобре-

тает новых друзей, которые могут предлагать аттитюды, отличные от тех, которых он ранее придерживался, но консистентные с новой информацией, он с готовностью пересматривает старые убеждения и принимает аттитюды, предлагаемые своим новым окружением. Может даже возникать ситуация, когда индивид занимает позиции, противоположные прежним.

Многие идеи Т. Ньюкомба были впоследствии развиты другими исследователями именно в рамках интерперсональных ассоциаций. Это, прежде всего работы Леона Фестингера и его теория социальных сравнений (1954), работы Смита и Брунера (1956), Кельмана (1958), Катца (1960) (см.: Greenwald, Brock and Ostrom, 1968).

Сразу следует отметить тот очевидный факт, что теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера противоположна теориям коммуникативных актов и структурного баланса. Являясь учеником и последователем Курта Левина, Л. Фестингер исходил в своей теории из понятия «потребность», выделяя при этом особый вид потребности – потребность в оценивании самого себя (evaluativeneed). Стремление оценивать свои мнения, способности, эмоции Л. Фестингер соотносит с понятиями социального, группового согласия. Поскольку в социальном мире (в отличие от физического) невозможно проверить мнение эмпирически, существует только один способ верификации – социальное согласие, консенсус. Но он возможен только тогда, когда люди могут сопоставлять свои взгляды и мнения с мнениями других людей. Именно отсюда и рождается потребность человека сравнивать себя с другими. Тенденция сравнивать уменьшается, если различия между людьми возрастают. Сравнение становится устойчивым, когда нечто сравнивают с близкими мнениями, на которые личность ориентируется. Другой потребностью является потребность в знании, в том числе и в знании о себе. Это прежде всего потребность иметь непротиворечивые, последовательные и взаимосвязанные знания. Вероятнее всего, теорию когнитивного диссонанса лучше было бы назвать общепсихологической теорией (см.: Андреева, Богомолова, Петровская, 1978).

Как уже отмечалось, в основе теории когнитивного диссонанса лежит взаимодействие структур. Термины «диссонанс», «консонанс» и «иррелевантные отношения» используются для описания трех типов взаимоотношений, которые могут быть между двумя когнитивными элементами. Величина диссонанса, естественно, зависит от важности взаимодействующих элементов, которые существуют в консонансных или диссонансных отношениях. Когда два когнитивных элемента существуют в диссонансных взаимоотношениях, психологический дискомфорт побуждает индивида редуцировать диссонанс и восстановить консонанс. Единственный путь полностью исключить диссонанс – изменить отношение к одному из двух элементов.

Основные положения Фестингер изложил в книге «Теория когнитивного диссонанса» (1957) и свел их примерно к следующему: 1) между когнитивными элементами может возникнуть диссонанс; 2) существование диссонанса вызывает стремление уменьшить его; 3) проявление этого стремления может быть осуществлено: при изменении поведения, при изменении знаний, при осторожном отношении к новой информации. Основные понятия теории – когнитивные элементы, относящиеся к поведению и к среде. При этом Л. Фестингер рассматривает не любые отношения вообще, а лишь отношения консонанса и диссонанса, усматривая четыре источника диссонанса: 1) логическая непоследовательность; 2) несоответствие когнитивных элементов культурным образцам; 3) несоответствие данного когнитивного элемента какой-либо более широкой системе представлений; 4) несоответствие прошлому опыту. Аналогично способы уменьшения диссонанса выглядят как: 1) изменение поведенческих элементов когнитивной структуры; 2) изменение когнитивных элементов, относящихся к среде; 3) добавление в когнитивную структуру новых элементов (см.: Андреева, Богомолова, Петровская, 1978).

М. Фишбейн утверждает, что явления консонанса и диссонанса могут быть отнесены только к тому, что в социальной психологии называется убеждениями. В то время как другие переменные – такие, как аттитюды, намерения и поведение-

релевантны только в том случае, если они представлены когнитивно. Тем не менее взаимоотношения между убеждениями (т.е. между когнитивными элементами) могут влиять на все эти переменные. Фестингер, однако, почти не делал различия между ними. Таким образом, теория когнитивного диссонанса имеет различный прогноз относительно эффектов диссонанса в смене убеждения и аттитюда. Более того, чаще всего при применении теории диссонанса обычно не делается различия между убеждениями, аттитюдами, намерениями, поведением и их когнитивным представлением (см.: Fishbein, 1975).

Как мы уже отмечали, ученик Хайдера Т. Ньюкомб представляет отношения, которые самому Хайдеру в его теории видятся как результат взаимодействия в когнитивном поле субъекта, как результат взаимоотношений между аттитюдами и межличностной аттракцией, что являлось несколько модифицированной версией условий, при которых «*P-O-X*» отношения были либо сбалансированными, либо нет (см.: Newcomb, 1961). Следовательно, Т. Ньюкомб перенес принципы баланса Хайдера из области феноменологии в объективный мир межличностных отношений.

Теория когнитивной consistency Розенберга и Абельсона (Rosenberg, Novland, McGuire, Abelson, Brehm, 1960) состояла в попытке введения большей степени формализации и распространении принципов баланса с ограниченной сферы отношений «*P-O-X*» на более общие условия consistency между когнициями и на эмоционально значимые результаты (см.: Smith, 1968). Теория когнитивного диссонанса Леона Фестингера привлекла наибольшее внимание во второй половине 50-х – начале 60-х годов (Festinger, 1957; Brehm and Cohen, 1962). Согласно теории Л. Фестингера, только два когнитивных элемента – убеждения и «биты знания» – могут находиться в состоянии консонанса, диссонанса или иррелевантном состоянии по отношению друг к другу (см.: Fishbein, 1975).

Искусственность подхода Л. Фестингера виделась многим; Аронсон пишет: «Формально содержание теории когнитивного диссонанса Фестингера (1957) совершенно примитив-

но. В ней отсутствует элегантность и точность, которые обычно ассоциируются с научным теоретизированием». Аронсон отмечает, что работы в области когнитивного диссонанса очень многочисленны и многообразны – от опытов с крысами (Lorenz and Festinger, 1962) до формирования ценностей у детей (Aronson and Carlsmith, 1963); от исследований голодания студентов (Brem, Bek and Boonoff, 1964) до изучения установок религиозных фанатиков (Festinger, Riken and Shahter 1956) (см.: Aronson, 1969).

Хорошо известны довольно полные обзоры по проблеме когнитивного диссонанса, принадлежащие перу Фестингера (1957), а также Фестингера и Аронсона (1960), Брема и Коузена (1962), Фестингера и Брела (1962), Фестингера и Фридмана (1964). По мнению Аронсона, распространение экспериментальных исследований и теории диссонанса можно объяснить простотой теории и ее общим характером. Дэрил Д.Бэм в статье «Самосознание: альтернативное толкование феномена когнитивного диссонанса» пишет: «Теория также имеет свои кризисы. Мнения относительно различных аспектов теории когнитивного диссонанса, распространенные от умеренных (Asch, 1958; Bruner, 1957; Kelly, 1962; Osgood, 1960; Zajonc, 1960) до суровых (Charapanis and Charapanis, 1964) и альтернативных интерпретаций были предложены как результаты практического изучения. Для теории когнитивного диссонанса не было предложено никакой альтернативной теории, однако благодаря ей многие идеи получили жизнь» (Bem, 1967).

Так, в частности, Чарльз Осгуд предполагает, что диссонанс в системе установок индивида возникает и зависит прежде всего от интенсивности отношений слушателя к объекту и коммуникатору. Осгудом и его коллегами для изучения этого явления была предложена методика, которую они обозначили как «методика семантического дифференциала» (1957). Общеизвестно, что понятие «конгруэнтность» Ч. Осгуда можно приравнять к понятию «баланс» Ф. Хайдера и понятию «консонанс» Л. Фестингера. Главное отличие теории Осгуда состоит в том, что она пытается предсказать изменение аттитюдов

под влиянием стремления установить соответствие внутри ее когнитивной структуры. В случае неконгруэнтности выход состоит в том, что происходит одновременное изменение отношений к коммуникатору и к объекту.

Методика семантического дифференциала (СД) создавалась для исследования значений. В основной своей книге «Измерение значения» (1957) авторы придерживались во многом бихевиористических позиций, хотя сама проблема взята ими из когнитивной ориентации. Основываясь на уже давно замеченном факте, что стимул как знак и стимул как объект никогда не совпадают друг с другом в жизни, они предположили, что реакция на знак зависит от предшествующего ассоциирования знака с означаемым. Осгуд назвал измерение коннотаций измерением «эмотивного» компонента. Им разработана теория «семантического пространства значений» для правильного отбора биполярных шкал прилагательных в методике СД.

В отличие от Хайдера и Ньюкомба в теории Осгуда возможен прогноз изменения дисбаланса, который зависит не только от знака, но и от интенсивности, а также не только через изменение знака, но и через интенсивность отношения ко всем членам триады (см.: Андреева, Богомолова, Петровская, 1978). Методика семантического дифференциала предоставляет исследователю возможность непосредственного измерения социальных установок личности, что по ряду причин часто имеет первостепенное значение. Здесь нет необходимости в громоздких процедурах конструирования шкал аттитюдов, подобных терстоуновским, лайкертовским или другим. Все построено на предъявлении индивиду определенного списка биполярных прилагательных. Основываясь на той идее, что любая точка в пространстве, которая представляет значение, может иметь направление и расстояние от начальной точки, Осгуд считает, что эти свойства «можно рассматривать как качество и интенсивность значения соответственно» (Osgood, 1957). «Разрабатываемая Осгудом техника измерения значения прямо связывается автором с теориями научений... Вместе с тем сам же автор апеллирует к «менталистской» точке зрения на значение, а в дальнейшем приходит к построению теории,

прочно вписывающейся в чисто когнитивистскую традицию» (Андреева, 1978. С.135).

М. Фишбейн в своем обзоре теорий аттитюда резонно отмечает, что на сегодняшний день существует множество теорий в области исследования аттитюда. Все они во многом похожи друг на друга, однако имеют в то же время и определенные различия. Они различаются в терминах переменных, которые играют центральную роль в теории, в путях, которыми переменные взаимодействуют, и в терминах, объясняющих процессы формирования и смены аттитюда. Первое различие должно быть проведено между конструктами теории и операциями, которые выработаны для манипуляций с этими конструктами.

Вероятнее всего, большинство теорий может быть классифицировано на концептуальном уровне как имеющие дело с убеждениями и аттитюдами или с теми и с другими одновременно. За исключением некоторых бихевиористических теорий (Doob, 1947; Lott and Lott, 1968) и теории решений Эдвардса (Edwards, 1954), поведенческие намерения и поведение рассматриваются только на операциональном уровне, а не на концептуальном. Простая классическая условная модель рассматривает только с аттитюдом (Staats and Staats, 1958), в то время как теория диссонанса и теория атрибуции имеют дело только с убеждениями. Более изощренные бихевиористические теории, большинство моделей ожиданий – ценностей, теория конгруэнтности, балансная теория исследуют одновременно с убеждениями и аттитюдами на концептуальном уровне. Достаточно очевидно, что до сих пор различные переменные в разных теориях лишь тормозят развитие теории аттитюда вообще. Так, некоторые теории обращают внимание только на взаимодействие между аттитюдами (Staats and Staats, 1958), в то время как другие изучают взаимодействие между убеждениями и аттитюдами. Многие теории устанавливают каузальные отношения (теория ожидания – ценностей, теория атрибуции), другие анализируют динамические взаимодействия между переменными (теория баланса, теория диссонанса) (см.: Fishbein, 1975).

П.Н. Шихирев, характеризуя исследования по психологии аттитюда, отмечал, что они являются как бы миниатюрной копией всей социальной психологии. При этом он говорил, что одним из главных недостатков социальной психологии в США является ограниченность исследований рамками индивида, что ведет к пренебрежению социальной спецификой аттитюда (см.: Шихирев, 1973). При этом «саму социальную установку можно определить как фиксированный образ, имеющий единый «личностный смысл» для членов данной общности и выполняющий функцию психологического интегратора их поведения» (Шихирев, 1976. С.209). Подводя итог почти всех исследований, П.Н. Шихирев отмечает, что большинство исследований аттитюда характеризует абстрактная позиция абстрактного индивида в системе ценностей. Он предлагает, в частности, отказаться от деления на компоненты аттитюда, конкретизировать исследования, изменить технику измерения установок, добавив метод наблюдения, и четко разграничить мнение и установку. Автор считает, что «надо анализировать индивидуальное поведение в социальном контексте» (Шихирев, 1979. С.101). Именно эти задачи (и большинство других) позволяет решить предлагаемый феноменологический метод анализа в рамках экологической концепции социальной установки, ибо он исключает любую «абстрактную позицию абстрактного индивида», поскольку используется феноменологический эксперимент; учитывает систему ценностей и смыслов на основе развития теории интенциональности применительно к социальной установке, изменяет технику измерения аттитюда на основе представлений о социально-экологической нише индивида, широко использует метод наблюдения как один из главных в феноменологическом эксперименте. Все наблюдения за индивидуальным поведением ведутся только «в социальном контексте». При этом общим базисом формирования социальной установки мы видим механизм, предложенный в школе Д.Н. Узнадзе («потребность»+«ситуация удовлетворения»). «Общая позиция всей зарубежной психологии – установка – не является феноменом, основывающимся на объективно выявленном поведении и внутренней психической ак-

тивности. Установка определенного типа может подразумевать внутренний опыт, однако сам этот опыт и вообще внутренняя и внешняя психическая активность сформированы принципиально на базе установочного отношения» (Надирашвили, 1987. С.29).

Таким образом, установка в понимании Д.Н. Узнадзе видится нам базовым компонентом социальной установки, над которым «надстраиваются» аттитюд и поведенческий компонент (выводимый нами за пределы аттитюда). Главное преимущество подобного подхода состоит в том, что это позволяет корректно рассмотреть взаимосвязь индивида и окружающего мира, что мы осуществим на базе экологического подхода Дж. Гибсона. Исходя из этого нами будет дано новое определение социальной установки, ее новая структура, новые компоненты и их функции.

Часть II

ТЕОРИЯ УСТАНОВКИ В ШКОЛЕ Д.Н.УЗНАДЗЕ

Неиспользованные возможности теории установки Д.Н.Узнадзе

Исследования социальной установки в зарубежной психологии велись в направлении изучения способов формирования, структуры аттитюда. При этом почти вековые поиски так и не дали ответа, что есть такое социальная установка как феномен психической жизни, в чем суть ее взаимодействия с окружающим миром и индивидом. До сих пор не ясно, как формируется аттитюд, какова его структура и функции компонентов. Различия в понимании перечисленных проблем столь велики, что порою взаимоисключают друг друга. Нам представляется, что общим недостатком почти всех концепций аттитюда в зарубежной психологии является их методологическая несостоятельность, что проявляется в пренебрежении к философским основам той или иной концепции. Предлагаемые позиции чаще всего расположены в русле традиционных направлений психологии – бихевиоризм, когнитивное направление, гештальтпсихология, психоанализ и другие.

Хорошо известно, что ни одно из современных направлений психологии не способно адекватно решать проблему человека, не может корректно ставить вопросы философского обоснования проблем психики и человека. Упорно низвергаемый ныне марксизм, с нашей точки зрения, не позволил отечественной психологии захлебнуться в потоке известных идей о психике человека, столь настойчиво насаждаемых научной общественностью. Проблема современной психологии Запа-

да – это не столько следствие недостатков того или иного психологического направления, сколько результат неправильного видения собственно проблемы человека и его взаимоотношений с окружающим миром. Неустанно декларируемая позиция заботы об окружающем мире и поиск пути адекватного существования человека на самом деле скрывают за собой еще более жесткие философские основы понимания природы человека, его психики. Декартовский «человек-машина», фаустовский гомункулус не идут ни в какое сравнение с компьютерной метафорой человека либо гуманистической парадигмой понимания сути человека. Если в первых вариантах окружающий мир противопоставлен человеку, то во втором случае «дурной антропоцентризм» (П.Т. Шарден) заслоняет от человека истоки своей жизни, толкает его на противоборство со своими основами.

Как бы ни пытались сегодня развенчать марксизм как методологическую основу психологии, невозможно отнять у него самого главного – он вбирает в себя основные современные философские идеи. Хотя многое и не было использовано, но разве может, например, бихевиоризм или психоанализ с их философией Декарта XVII века претендовать на сегодняшнее философское осмысление психики человека? Даже гуманистическая направленность в философском плане представлена не самыми крупными именами. Без внимания психологии современности остались Кант и Гегель, Гуссерль и Аквинский, Аристотель и Хайдеггер. Список можно продолжать бесконечно, одно лишь совершенно точно: современная психология философски безнадежно безграмотна в силу своих позитивистских ориентаций.

Отечественная психология, административно отлученная в свое время от позитивизма, была вынуждена искать философские основы особого взгляда на человека. Отечественные психологи были в первую очередь свободны от ошибок ведущих психологических направлений Запада, они пытались нащупать свои пути. Достаточно назвать имена С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и других ученых, которых трудно сегодня втиснуть в узкие рамки картезианства.

На сегодняшний день не существует адекватного философского обоснования проблем психики человека, но это не значит, что надо бесконечно повторять старые схемы с их ветхими заветами.

Нам представляется, что гуссерле-гибсоновские основы понимания человека во взаимодействии с окружающим миром могут претендовать на шаг вперед в исследовании явления социальной установки. Анализируя результаты работы отечественных психологов, мы обосновываем необходимость признания идей Д.Н. Узнадзе базовыми для понимания феномена социальной установки: сама философская идея установки разработана в школе Узнадзе намного продуктивнее зарубежных аналогов концепций аттитюда, она позволяет совершить следующий шаг в познании социальной установки, использовать более фундаментальные философские основы.

В данной части работы мы предполагаем рассмотреть основные направления изучения установки в отечественной психологии. В первую очередь в этой связи должна быть изучена позиция школы, основанной Д.Н. Узнадзе, имя которого по праву принадлежит мировой психологии. Здесь же мы проанализируем позиции по данной проблеме В.Н. Мясищева, В.А. Ядова, А.Г. Асмолова.

Сразу следует отметить, что для всех отечественных психологов, занимающихся проблемой установки, исследования Д.Н. Узнадзе явились базовыми, несмотря на то, что сами их концепции вполне могли противоречить основным положениям теории установки. В настоящее время по проблемам теории установки существует обширная литература, проводятся авторитетные конференции. Тем не менее наследие Д.Н. Узнадзе еще хранит в себе неиспользованные возможности для исследователя.

Начиная анализ работ Д.Н. Узнадзе, мы обращаем внимание на незначительный факт его творчества. Как хорошо известно, в 1909 году Д.Н. Узнадзе защитил на факультете философии Лейпцигского университета докторскую диссертацию, посвященную В. Соловьеву, «крупнейшей фигуре русской философии» (Лосев, 1988. С.3). Тема работы «Die metafisische

Weltanschauung W.Solowiows, mit orientierendem Ueberblick seiner Erkenntnistheorie» близка феноменологии, а сам факт обращения к В. Соловьеву, Г. Лейбницу, А. Бергсону говорит о многом. Для нас это прежде всего возможность точек соприкосновения теории установки и феноменологического взгляда на ее проблемы.

Любое исследование проблем социальной установки и установки предполагает освещение ряда вопросов. Традиционно к таковым можно отнести вопросы: соотношения установки и аттитюда, первичности установки, формирования установки, вопрос, связанный с преодолением постулата непосредственности, вопрос экспериментального изучения установки.

Сама теория установки, согласно Д.Н. Узнадзе, возникла как попытка понять активность психического, проблемы его развития и взаимодействия с окружающим миром. Узнадзе исходит из необходимости понятия «развитие психики», а для этого, как он считает, «существует, так сказать, досознательная ступень развития психики» (Узнадзе, 1966. С.140). Рассматривая традиционную классификацию душевных явлений, Узнадзе отмечает прежде всего три главных ее компонента: познание, чувство и волю. При этом он замечает, что главная их особенность состоит в том, что все эти процессы сознательны.

Исходя из критикуемого им положения о совпадении сознательного и психического, Узнадзе говорит, что в этом случае «для понятия развития не остается места». Поэтому он и предполагает, что идея развития в психологии вполне может служить понятие бессознательного. Но здесь Узнадзе отмежевывается от психологии бессознательного, в которой бессознательное и сознание не представляются как две ступени развития, «из которых предшествующей является ступень бессознательного, а последующей – ступень сознательного» (Узнадзе, 1966. С.136). Сейчас мы не будем касаться вопросов взаимодействия психологии бессознательного и теории установки; это будет сделано в связи с рассмотрением проблемы бессознательного, но здесь мы должны отметить, что Узнадзе видит в бессознательном первую ступень развития.

Обосновывая идею развития, Узнадзе считает, что основой такового является бессознательное. «Мы увидим, что предшествующей сознанию ступенью развития психики является установка...» (Узнадзе, 1966. С.140). Уже в этом заявлении есть некоторая неточность, которая позволит многим оппонентам подвергать критике основные положения теории установки. Например, можно предположить, что установка не может быть сформирована на уровне сознания, что психика «надстраивается» над установкой.

Но сам Узнадзе все свои усилия направляет на преодоление выделенного им постулата непосредственности. Он пишет: «Современная буржуазная психология, как мне кажется, целиком базируется на предварительно не проверенной, критически не осознанной, догматически воспринятой предпосылке, смысл которой заключается в положении о том, будто объективная действительность непосредственно и сразу влияет на сознательную психику и в этой непосредственной связи определяется ее деятельность» (Узнадзе, 1966. С.158). При этом Узнадзе отмечает, что принцип непосредственной связи психических явлений основан на принципе непосредственной связи физических явлений, то есть психическое обусловлено так же, как и физическое физическим, психическими же причинами. Он называет это принципом «замкнутой каузальности природы» В. Вундта: ... «психические следствия имеют в своей основе активность психических причин». При этом отмечается, что психические процессы взаимосвязанны и взаимовлияемы, на чем основывается ассоцианистическая психология, гештальтпсихология, феноменология (см.: Узнадзе, 1966. С.159).

Строго говоря, вся психология, то есть любое ее направление, действительно следует этому принципу исходя из своего предмета исследования, выделения психических феноменов в особый класс исследуемых явлений. Другое дело, что при этом неизбежно возникает, с одной стороны, противопоставление физического мира и мира психического, а с другой стороны, всегда есть опасность психофизического параллелизма в той или иной форме. Но и здесь необходимо одно существен-

ное уточнение. С одной стороны, декартовский дуализм не столь легко преодолеваем в практике исследования, сколь часто отвергаем в работах общего характера. С другой стороны, вероятно, на сегодняшний день идеи Ренатуса еще не могут быть достаточно аргументированно отвергнуты, ибо ими все равно пользуются в той или иной степени. Наиболее оптимальный вариант соотношения физического и психического предложен, по нашему мнению, в рамках экологического подхода в психологии. Что же касается постулата непосредственности, то существуют позиции, противоположные теории установки, и им сложно отказать в убедительности. «Нужно отметить, что в некоторых психологических концепциях связь «объект и его первичный образ» трактуется как опосредованная; между объектом и образом включается еще некоторый третий член. В этой связи подвергался критике так называемый постулат непосредственности. Однако этот постулат в том виде, как он сформирован первоначально, относится совсем к другому. С точки зрения этого постулата непосредственно данными являются наши знания о собственном внутреннем психическом мире (интроспекция – это якобы привилегия психологии), тогда как знание о физическом мире формируется не непосредственно, а через целую систему референтов. Другой смысл постулата непосредственности состоит в утверждении прямой связи стимула и реакции» (Ломов, 1984. С.165). Вероятно, необходимо относиться к «постулату непосредственности» как к базовой посылке, на которой строится вся теория, ибо если мы отвергнем это положение, то нет смысла во всех последующих построениях. Однако здесь нам видится еще одна сторона вопроса, которая не может быть оставлена без внимания при обсуждении вопроса «физическое-психическое» в психологии. Нам думается, что психология вообще не должна рассуждать об абстрактных психических свойствах, процессах или состояниях. Это единственная наука, которая обязана рассматривать физическое и психическое в рамках одной системы – живого организма. Ибо если утеряна индивидуальность, утеряна жизнь исследуемого организма, то

для психологии это означает потерю почти полностью предмета изучения.

Недейственность большинства психологических доктрин обусловлена именно их интенцией на абстрактную психику неживого индивида. Психология должна заниматься только психикой живого человека во всем его многообразии, при всей его индивидуальности. Психология постепенно должна стать психологией одного человека, психологических закономерностей индивида в его взаимосвязи с окружающим миром.

Идея взаимодополнительности и взаимозависимости индивида и окружающего мира наиболее последовательно развивается экологическим подходом в психологии. Важно при этом, что и в теории Узнадзе, и в экологическом подходе базовым является понятие активности индивида, а сама установка считается степенью развития психического и введена им в психологию именно с целью «обоснования факта наличия развития в психике». При этом он рассуждает прежде всего о возможных формах психического развития и существовании психической жизни до ее сознательных форм. «Скорее, наоборот, придется признать, что ступени сознательных психических процессов по необходимости предшествует активность психики, протекающая без всякого участия сознания, что существует, так сказать, досознательная ступень развития психики» (Узнадзе, 1966. С.139). Из этого вытекает невозможность принятия аргумента А.Г. Асмолова о существовании психики (по Д.Н. Узнадзе) только как состоящей из сознания. Он считает (Асмолов. – *А.Д.*), что если согласиться с Д.Н. Узнадзе, то «социальная установка, взятая в своей интрапсихической форме, выступила бы тогда по отношению к этой базовой категории (к установке. – *А.Д.*) как вторичный феномен, как порождение первичной установки» (см.: Асмолов, Ковальчук, 1977. С.153). С этими аргументами сложно согласиться, учитывая время написания работы Узнадзе. Сам же Узнадзе традиционность психологии видит в несколько ином аспекте. «Таким образом, мы видим, что общепризнанным принципом традиционной психологии является положение о непосредственном характере связи между обычными психическими процессами и между

психическими и физическими процессами» (Узнадзе, 1966. С.162).

Сегодня нам понятна его основная идея, задачи, стоявшие перед Узнадзе в тот период, и общее состояние проблемы понимания психического, где еще не содержалось представления о положительном бессознательном, поэтому психика понималась большей частью как сознание. Однако если толковать его высказывание дословно, то возникает интересная мысль о том, что Узнадзе между психикой человека и окружающим миром ставит некое образование внепсихического характера, которое он называет установкой.

Хотя сама идея может быть отвергнута «с порога» как абсурдная и можно сказать, что Узнадзе добавляет в понятие психического еще помимо сознательных процессов и бессознательную установку, однако мысль Узнадзе о биосфере как способе преодоления постулата непосредственности наводит на размышления о том, что установка виделась Узнадзе не только как внутреннее психическое образование индивида. Важно помнить при этом, что постулат непосредственности рассматривается не отдельно, а в связи с другими постулатами, например эмпирическим, который в определенной степени сглаживает недостатки «преодоления постулата непосредственности», ибо отчасти предполагает прямое восприятие.

Эмпирический постулат, по мнению Узнадзе, состоит в том, что между животным и средой, в которой существует это животное, всегда находится «пропасть», которую животное познает методом проб и ошибок для удовлетворения своих потребностей: «К ряду таких же мало проверенных предпосылок эмпирической психологии относится положение, согласно которому в основу человеческой жизни следует полагать наличие некоторого чисто эмпирического принципа, регулирующего всю жизнь и поведение живого существа. Смысл этого эмпирического принципа сводится к следующему: между живым организмом и средой следует предположить в принципе наличие глубокой пропасти, которая не дает живому организму возможности непосредственно пользоваться данными этой среды» (Узнадзе, 1966. С.162). Между окружаю-

щим миром и организмом в принципе не может быть никакой пропасти и никакого антагонизма, ибо окружающий мир состоит в том числе и из данного организма. Они организованы по принципу взаимодополнительности, встроенности и взаимозависимости. Организм получает возможности для существования из окружающего его мира, являясь в то же время основой для существования других элементов окружающего мира. Каждому виду предоставляются лишь те возможности, которые необходимы для его существования – ни больше и ни меньше. Больших не предоставляется в принципе, в силу заведомого несовершенства тех или иных органов. Меньше – тоже не предоставляется, хотя для выживания очень существенен фактор активности организма по извлечению возможностей, которые потенциально даны в окружающем мире, но которые еще нужно реализовать для удовлетворения собственных потребностей. Если в животном мире все это достаточно понятно, то социальность человека вносит сюда дополнительные коррективы в виде нравственности, морали, законов, «формирования разумных потребностей» и так далее. Кстати, Ш.А.Надирашвили впоследствии назовет это «райское» сосуществование среды и человека взаимодействием на уровне индивида, что кажется нам очень правильным и вполне соотносимым с принципами экологического подхода.

Важно при этом помнить, что Узнадзе описывает установку «как то опосредующее образование между влиянием среды и психическими процессами, которое объясняет поведение человека, его эмоциональные и волевые процессы: то есть выступает детерминантом любой активности организма» (Ждан, 1990. С.319).

Мы особо подчеркиваем понятие «активность» в данном контексте, ибо это как раз то, что отличает установку от аттитюда, и то, что возвращает нас к пониманию имманентной активности психического у Brentano. Brentановская активность и интенциональность получают в теории установки достаточную конкретизацию механизмов активности и интенциональности, столь ей необходимых. «Дело в том, что установка сама по себе есть источник психической энергии, которую она че-

рез имманентную потребность личности черпает из реального мира при первой же встрече данной потребности с ним как с единственно возможным объектом своего удовлетворения. Ибо установка не только переводит энергию внешнего раздражения в ту или иную определенную потребность в том или ином определенном предмете, а затем и в деятельность, но и посредством следующей за этим объективацией делает возможным переход самой этой потребности в сознание, за чем следует побуждение к активности» (Шерозия, 1978. С.53).

Можно спорить относительно последовательности прохождения всех перечисленных этапов, но основное для нас состоит в том, что обосновывается активная взаимосвязь индивида и окружающего мира через «вычерпывание», «извлечение» возможностей из окружающего мира. Очень существенным видится представление о том, что здесь ведется речь об определенной потребности и определенном предмете, которые объединяет установка, являющаяся в данном случае механизмом первоначального выбора и данной конкретной потребности, и данного конкретного предмета удовлетворения потребности. Важно признание окружающего мира как единственного источника удовлетворения потребности.

Следующей важной чертой установки является определение ее как целостного, динамического и обладающего направленностью состояния. Именно эти характеристики оказываются потом утерянными в большинстве теорий аттитюда, впрочем, как и в теории установки. «Мы могли бы сказать, что это состояние, не будучи сознательным, все же представляет своеобразную тенденцию к определенным содержаниям сознания. Правильнее было бы называть это состояние установкой субъекта, и это потому, что, во-первых, это не частичное содержание сознания, не изолированное психическое содержание, которое противопоставляется другим содержаниям сознания и вступает с ними во взаимодействие, а некоторое целостное состояние субъекта; во-вторых, это не просто какое-нибудь из содержаний его психической жизни, а момент ее динамической определенности. И, наконец, это не какое-нибудь определенное частичное содержание сознания субъекта, а целостная

направленность его в определенную сторону на определенную активность. Словом, это, скорее, установка субъекта как целого, чем какое-нибудь из его отдельных переживаний, – его основная, его изначальная реакция на воздействие ситуации, в которой ему приходится ставить и решать задачи» (Узнадзе, 1966. С.150).

Данное замечание имеет для нас огромное значение, поскольку подтверждает верность предположения о существовании в механизме установки особой, изначальной направленности на предмет. В самом деле: если установка будет пониматься нами именно как «основная, изначальная реакция», то соответственно должна возникать и направленность этой реакции, она просто не может быть ненаправленной. Сам же момент изначальной реакции на воздействие ситуации, рассмотренный с точки зрения экологической психологии, есть прежде всего анализ, первичный выбор возможностей окружающего мира. Следовательно, основываясь на базовой идее Д.Н. Узнадзе о механизме формирования и главных характеристиках установки, можно далее развивать положение о взаимодействии индивида и окружающего мира исходя из понимания их в экологическом подходе в психологии.

Установка обосновывает все взаимоотношения индивида и окружающего мира и является экологическим механизмом психики, определяющим взаимоотношения на базовом уровне психической организации. Сразу следует отметить, что эти отношения могут быть как сознательными, так и неосознанными. Хотя, надо заметить, что в целом в данном случае налицо бихевиористическая модель психики. «Это значит, что в результате воздействия объективных раздражителей (...) в испытуемом в первую очередь возникает не какое-нибудь содержание сознания, которое можно было бы сформулировать определенным образом, а скорее некоторое специфическое состояние, которое лучше всего можно было бы характеризовать как установку субъекта в определенном направлении. Эта установка, будучи целостным состоянием, ложится в основу совершенно определенных психических явлений, возникающих в сознании. Она не следует в какой-нибудь мере за этими

психическими явлениями, а наоборот, можно сказать, предвещает их, определяя состав и течение этих явлений» (Узнадзе, 1966. С.151). Вероятно, важным моментом здесь может стать указание на то, что установка влияет не на всю психику, а на «психические явления», хотя это положение и требует отдельного исследования, но уже здесь можно заметить, что установка может выполнять и функцию различения возможностей окружающего мира. Впоследствии мы обозначим механизм, способный это осуществлять, как экологический компонент социальной установки. У самого же Д.Н. Узнадзе мы обнаруживаем: «Следовательно, можно считать, что установка относится к той категории фактов действительности, которая находит возможность проявления в самых разнообразных условиях: установка к оценкам «больше» или «меньше» или вообще количественных отношений этого рода может быть вызвана всюду, где только имеют место эти отношения, точно так же, как и установка на качественные особенности» (Узнадзе, 1966. С.156).

В соответствии с нашими представлениями о механизме действия интенциональности экологического компонента мы можем предполагать, что установка имеет имманентное свойство оценки возможностей окружающего мира. Важно отметить при этом, что данное свойство установки фундируется особенностями ее формирования. «Как мы увидим ниже, для возникновения этой последней (установки. – А.Д.) достаточно двух элементарных условий – какой-нибудь актуальной потребности у субъекта и ситуации ее удовлетворения. При наличии обоих этих условий в субъекте возникает установка к определенной активности. То или иное состояние сознания, то или иное его содержание вырастает лишь на основе этой установки. Следовательно, мы должны точно различать, с одной стороны, установку, а с другой – возникающее на ее базе конкретное содержание сознания. Установка сама, конечно, не представляет собой ничего из этого содержания, и понятно, что характеризовать ее в терминах явлений сознания не представляется возможным (см.: Узнадзе, 1966. С.157). Очень важным для нас является именно это упоминание о том, что сама

установка «ничего собой не представляет», она только направляет содержания сознания. Данное положение созвучно представлениям Гуссерля о «сознании о», об интенциональности как неуловимом явлении, при помощи которого можно что-то прояснить, но которое само нельзя увидеть. «Мы должны исходить из мысли о наличии двух основных условий, без которых акты поведения человека или какого-либо другого живого существа были бы невозможны: «Это прежде всего наличие какой-либо потребности у субъекта поведения, а затем – ситуации, в которой эта потребность могла бы быть удовлетворена. Это основное условие возникновения всякого поведения и прежде всего установки к нему» (Узнадзе, 1966. С.164). В этой мысли Узнадзе для нас чрезвычайно ценным является то, что он говорит о формировании не только установки, но и поведения.

Сегодня уже достаточно очевидно, что как бы мы ни рассматривали поведение, оно не может быть описано только как формирующееся на основе потребностей и ситуации их удовлетворения: существует много форм поведения, не зависящих от потребностей или от ситуации. Но здесь интересна другая сторона. Узнадзе говорит: «всякого поведения и прежде всего установки к нему», а это означает, следуя нашей логике, что и то понятие установки, которое предлагал Узнадзе, не исчерпывает всего объема установок индивида. Таким образом, мы имеем ситуацию, в которой вполне возможно дальнейшее расширение видов установки, что в конечном итоге должно привести нас к ситуации возможности объединения теории аттитюда и теории установки при общем основании последней.

Д.Н. Узнадзе считает, что ситуация характеризуется согласованностью с потребностью при формировании установки, эта ситуация есть ситуация наличная, то есть *«здесь-теперь-существующая»*. Главным же считается «совпадение потребности с наличием ситуации, включающей в себя условия ее удовлетворения» (см.: Узнадзе, 1966. С.168). Совершенно очевидно, что особое значение в данном случае имеет для нас факт, обозначенный Д.Н. Узнадзе как появление «установки в

определенном направлении», что свидетельствует о том, что установка в его представлении имеет направленность. Причем сама направленность, видимо, возникает еще до формирования установки, ибо Узнадзе пишет: «...без наличия факта совместного и согласованного воздействия ситуации и потребности...» А это означает, что какой-то механизм должен предварительно сделать воздействие «согласованным и совместным», для этого нужно как минимум, чтобы из многих ситуаций (в наших терминах – возможностей окружающего мира) была выбрана лишь одна, та, которая удовлетворяет данной потребности. Можно было бы предположить, что сама потребность выполняет роль анализатора ситуации и ее возможностей, но тогда мы должны согласиться с мыслью о том, что потребность есть (хотя бы отчасти) интерпсихическое образование. Сама ситуация едва ли может стать механизмом анализа своих же возможностей, ибо в первую очередь они (возможности) должны быть соотнесены с индивидуальными потребностями организма.

Итак, мы имеем чрезвычайно ценные для нас выводы из основополагающих идей Д.Н. Узнадзе: **1) должен существовать направленный на окружающий мир и на потребность индивида механизм, который 2) должен иметь свойство выбора возможностей, «согласовывать воздействия».** Без наличия данного механизма «нет оснований к тому, чтобы в этом последнем (субъекте. – А.Д.) образовывалась установка». Нам представляется, что установка как таковая не может быть ненаправленной, не может быть беспредметной. Хотя здесь, конечно, следует говорить о степени выраженности направленности и уровне ее осознания. Все это нам видится как действие механизма интенциональности экологического компонента установки. Строго говоря, установка вообще не может быть фиксированной, поскольку это очень динамичное образование, постоянно находящееся в движении и изменении в зависимости от состояния внутренней потребности и внешних условий ее удовлетворения.

Если рассматривать теперь установку с точки зрения потребности, то возникает интересный аспект, который может

быть обозначен как «непостоянство» потребности. Иными словами, потребность всегда находится либо в стремлении к удовлетворению (это означает ее возрастание), либо в состоянии избегания объекта удовлетворения потребности после ее насыщения (это означает уменьшение потребности, вплоть до ее отрицательного знака). Следовательно, и установка должна подвергаться аналогичным изменениям, то есть она не может иметь фиксированное, строго определенное значение. Измеренная установка – это всегда прошлая установка, она уже не актуальна для данного индивида в данных обстоятельствах.

Важно замечание Узнадзе относительно индивидуально определенного характера потребности, что вполне соотносимо, по нашему мнению, с понятием опредмечивания потребности у А.Н. Леонтьева. Хотя здесь и можно спорить относительно замечания о том, что «потребность продолжает оставаться неиндивидуализированной» до тех пор, пока не появится определенная ситуация. Вероятнее всего, потребность не может быть неиндивидуализированной вообще, она может быть актуальной либо не актуальной для данного индивида, но ее нет вне индивида, нет потребности как таковой, если в данное время ее не испытывает индивид.

Исходя из этого следует пересмотреть и позицию индивида, что очень важно для понимания функционирования экологического компонента установки. Следуя Д.Н. Узнадзе, можно сказать, что индивид пассивно ожидает, пока появится та или иная ситуация, а потом уже потребность его становится индивидуализированной и способной к формированию установки, «но достаточно появиться определенной ситуации, нужной для удовлетворения потребности, чтобы в субъекте возникла конкретно очерченная установка и он почувствовал бы в себе импульс к деятельности в совершенно определенном направлении». Конечно же, не следует понимать автора в данном случае дословно, он, несомненно, не утверждает полную пассивность индивида. Но для нас гораздо важнее здесь не сам факт пассивности индивида, а необходимость некоторого переосмысления взаимоотношений индивида и окружающего мира.

Основываясь на идеях экологического подхода, индивид должен быть (и имеет такое свойство) активным в извлечении возможностей окружающего мира, а тот в свою очередь (при общей относительной пассивности) должен предоставлять индивиду те или иные возможности. Это очень важно для нас, ибо изначально определяет характер взаимоотношений индивида и окружающего его мира, предопределяя тем самым механизм формирования и функционирования установки.

Принимая за основу главную идею Д.Н. Узнадзе о механизме формирования установки через потребности индивида и возможности окружающего мира, мы уточняем характер взаимоотношения этих двух составляющих, что будет иметь последствием постановку вопроса о механизме выбора возможностей индивидом. Именно в этой последовательности: индивид активно рассматривает и выбирает возможности, которые предоставил ему окружающий мир. А для этого действия ему (индивиду) нужен механизм выбора. Мы определяем этот механизм как интенциональность экологического компонента установки. К подобной трактовке взаимоотношений индивида (его потребностей) и окружающего мира (его возможностей) нас продвигает мысль Д.Н. Узнадзе о том, что «объективным фактором, определяющим установку, следует считать именно такого рода ситуацию», в условиях которой установка принимает вполне определенный, конкретный характер. Это очень близко к пониманию Дж. Гибсоном объективности окружающего мира, его «пассивности» по отношению к индивиду, что, соответственно, обуславливает необходимость активности индивида. Мир (и его возможности) объективен, то есть независим от индивида. Он содержит в себе все возможности для жизнедеятельности организма, но ему «безразлично», как говорит Гибсон, пользуется ли индивид этими возможностями. Индивид «обречен» на активность, на необходимость иметь механизм выбора и извлечения возможностей из окружающего мира для удовлетворения собственных потребностей. Этот механизм должен относиться одновременно и к индивиду, и к окружающему миру. Нам видится таковым экологический компонент установки с его свойством интенциональности.

Таким образом, установка возникает только после того, как из нескольких возможностей выбрана одна, которая совпадает с конкретной потребностью индивида. Важно еще раз отметить, что индивид в понимании Узнадзе – скорее существо пассивное, нежели активное, хотя сама активность декларируется неустанно. Так, размышляя о «догматических предпосылках традиционной психологии», Д.Н. Узнадзе отмечает «принцип замкнутой каузальности природы» Вундта, который означает, что психические следствия имеют в своей основе только психические же причины – механистический характер взаимоотношений представлений у Гербарта; принцип непосредственности в ассоцианистической психологии, где все определяют ассоциации и связи между представлениями; принцип влияния сложных целостных переживаний на отдельные процессы в гештальттеории. Все эти направления, по мнению Д.Н. Узнадзе, замыкаются в сфере собственно психического и не обнаруживают связи с окружающим миром. Он отмечает, что существует одно направление, которое подразумевает «возможность взаимодействия между явлениями физическими и психическими». «Однако точка зрения непосредственности и в этом случае остается в силе. Здесь допускается факт наличия прямой непосредственной связи даже между такими разрозненными явлениями, как явления физические и психические. Так называемые теории взаимодействия отличаются от параллелистических не в чем-нибудь основном и принципиальном, а лишь в производном и второстепенном: мысль о непосредственном характере связи между этими явлениями в обеих этих теориях остается догматически принятым постулатом» (Узнадзе, 1966. С.161).

Для нас самым существенным здесь является положение, которое не было так тщательно, как установка, разработано самим Д.Н. Узнадзе и упущено другими исследователями. Дело в том, что в размышлениях Д.Н. Узнадзе мы имеем две достаточно ясные позиции: во-первых, взаимоотношения индивида и окружающего мира опосредованы установкой, связь физического и психического также опосредована установкой; во-вторых, и это самое главное, подчеркивается сам факт обяза-

тельного взаимодействия психического и физического. Психическая организация индивида немыслима без окружающего мира. Самое важное состоит в том, что обосновывается обязательность взаимосвязи не только по линии «психическое-психическое», но и по линии «психическое-физическое», правда, посредством установки.

Следовательно, сам по себе принцип преодоления постулата непосредственности имеет для нас первостепенное значение именно в подчеркивании особой связи физического и психического через механизм установки. Это то, что при экологическом подходе в психологии называется взаимозависимостью, взаимодействием и встроенностью окружающего мира и индивида. Психика связана с окружающим миром через потребности и возможности их удовлетворения. Для нас это один из основных выводов из «постулата». И этому мы находим много подтверждений у самого Д.Н. Узнадзе: «Но общепризнанно, что человек так же, как и вообще все живое, достигает наличной в каждый данный момент ступени своего развития лишь в процессе взаимодействия со средой» (Узнадзе, 1966. С.161). Именно это взаимодействие со средой и есть имманентная психическая активность индивида. Именно об этом он пишет: «Словом, как потребность можно классифицировать всякое состояние психофизического организма, который, нуждаясь в изменениях окружающей среды, дает импульсы к необходимой для этой цели активности. При этом нужно помнить, что активность должна быть понимаема в данном случае не только как прием, гарантирующий нам средства удовлетворения потребностей, а одновременно и как источник, дающий возможность непосредственного их удовлетворения» (Узнадзе, 1966. С.164).

Здесь мы наблюдаем прямое соотнесение понятия активности у Д.Н. Узнадзе с экологическим подходом Дж. Гибсона, который понимает активность прежде всего как извлечение индивидом возможностей окружающего мира. Потребность, понимаемая Узнадзе как потребность субстанциональная и потребность функциональная. Как особая группа потребностей выделяется теоретическая потребность. При этом, со-

гласно автору, процесс объективации идет только на основе теоретической потребности, где происходит остановка, превращение задачи в специальный объект своего размышления. «Вот, собственно, перед нами момент объективации, (...) за которым начинается процесс теоретического отношения к задаче» (Узнадзе, 1966. С.166). Можно спорить относительно такого жесткого соотношения теоретической потребности и процесса объективации, можно спорить вообще относительно справедливости подобного деления потребностей, но для нас важнее сейчас другая мысль Д.Н. Узнадзе: «В таком случае, возникает мысль, что, может быть, без участия установки вообще никаких психических процессов как сознательных явлений не существует, что для того, чтобы сознание начало работать в каком-нибудь определенном направлении, предварительно необходимо, чтобы была налицо активность установки, которая, собственно, в каждом отдельном случае и определяет это направление» (Узнадзе, 1966. С.180).

Важным здесь представляется позиция Узнадзе, где он отмечает возможность установки определять направление деятельности. Если установка и может определять это направление, то только потому, что она одновременно является и феноменом психической жизни, и фактом окружающего мира. Изначальная направленность установки на предмет в виде интенциональности экологического компонента является ее имманентным свойством. Экологическим компонентом «выбирается» та возможность окружающего мира, которая будет наиболее целесообразна экологически для данной потребности индивида и окружающего его мира. Эту экологическую целесообразность, оптимальность взаимоотношений организма и окружающего мира мы назвали экологической логикой.

Хорошо известно, что в своей работе Узнадзе различает фиксированные установки, которые образуются в результате фиксации, повторения и высокого личностного веса опытов. Диффузные установки, по его мнению, возникают тогда, когда еще не происходит дифференциация при первом зарождении, когда действует новый объект, что чаще всего носит диффузный характер. «Таким образом, мы можем заключить, что ка-

ждый из нас носит в себе бесчисленное множество фиксированных в течение жизни установок, которые, активизируясь при всяком удобном случае, направляют работу нашей психики в соответствующую сторону» (Узнадзе, 1966. С.201). В принципе верное замечание относительно множества установок наводит, однако, на мысль о том, что человек всецело зависит от ситуации, которая обуславливает его активизацию. Это обрекает индивида на почти полную пассивность. Вероятно, это все же не так, поскольку невозможны как полная пассивность индивида, так и полная «безразличность» окружающего мира (как утверждает Гибсон). Ибо это как раз те противоположности, которые, согласно Кузанцу, совпадают. В рамках живого организма они взаимодополнительны и взаимозависимы, именно поэтому и возможно их своеобразное противостояние. Вероятно, в этом суть живого единства противоположностей окружающего мира и индивида, их активности.

Важно при этом отметить, что «не подлежит никакому сомнению, что установка не представляет собой специфически человеческой особенности.(...) Более того, мы могли бы сказать, что способность реагировать на окружающее в форме той или иной установки представляет собой наиболее характерную особенность всякого живого организма, на какой бы ступени он ни стоял. Она представляет собой самую примитивную, но и самую существенную форму реакции живого организма на воздействие окружающей среды» (Узнадзе, 1966. С.247).

Это замечание имеет для нас большое значение, ибо помимо развития самой установки, то есть формирования сначала экологического компонента, затем – эмоционального и когнитивного (в филогенезе и в онтогенезе), мы можем говорить о том, что именно понимание установки в теории Узнадзе может служить основой для объединения ее с теорией аттитюда. Существует много высказываний о том, что животное никак ни к чему не относится. Это подтверждает мысль о том, что животному не доступно такое психическое образование, как аттитюд. Однако представления о развитии животного мира, об эволюции заставляют нас предположить, что установка жи-

вотного типа должна каким-то образом перейти в установку человеческого типа, но следы ее все равно должны сохраниться у человека и по сей день.

Другой же важнейший момент состоит в том, что в соответствии с экологическим представлением об окружающем мире человек ничем не отличается от животных с точки зрения механизма непосредственного восприятия возможностей окружающего мира. Единственно, что различает человека и животное в этой ситуации, так это дополнительные социальные возможности, которые предоставлены человеку обществом. Часть этих возможностей он воспринимает непосредственно (через явное знание), часть – опосредованно (через неявное знание). Важно при этом то, что и у животного, и у человека есть общий компонент психики, общий компонент установки – экологический. Если животное ограничивается им в своем существовании, то человек добавляет к этому еще и компонент аттитюда. Экологическая же логика существования и формирования экологического компонента установки и для человека, и для животного идентична и обусловлена единым окружающим миром, принципиально одинаковым строением базовых анализаторов.

Важнейшим различающим моментом установки животного и человека, по Д.Н. Узнадзе, является акт объективации, который может возникнуть только на базе теоретической потребности, присущей человеку. Чрезвычайное значение имеет для нас обращение Д.Н. Узнадзе к процессам, которые он называет актами объективации, при этом крайне важно его представление о «последовательности актов отношения к действительности», что представляется нам не иначе, как имеющее общее основание с процессами формирования аттитюда, ибо главная характеризующая основа аттитюда заключена именно в понятии отношения. Здесь – одно из главных отличительных свойств аттитюда, который, в свою очередь, фундирован другим важнейшим свойством установки – ее способностью производить акт объективации.

Следовательно, социальная установка (то есть установка и аттитюд как единое целое) обладает свойством отношения,

которое основано прежде всего на способности объективации. При этом объективация понимается нами (да, кажется, и самим Узнадзе) все-таки шире, чем просто процессы внимания. В данном случае процесс объективации более похож на акт феноменологического эпохэ Э. Гуссерля, посредством которого он подтверждает существование мира: «Итак, в силу феноменологического «эпохэ» нейтрализуется утверждение бытия мира и, тем самым, мир из просто существующего превращается в претендующий на существование. Претензия мира на бытие в моем соответствующем утверждении приостанавливается и не реализуется; она вместе с тем и не отбрасывается, а имеется в виду и тем самым становится темой и проблемой: каков мир со стороны его претензий на бытие, в силу чего придается миру значение существующего, и, стало быть, в чем именно заключается значение и смысл бытия» (Какабадзе, 1985. С.74). Таким образом, объективация является условием дальнейшего рассмотрения окружающего мира. Она выполняет функции некоего прерывания потока действительности, сосредоточения на остановленном, выделения его из общего потока и операции с ним.

Сам по себе процесс выделения из множества есть начальный этап выбора возможностей окружающего мира. При этом сам механизм отбора может быть представлен нами на основе идей Д.Н. Узнадзе как состоящий из двух уровней – первоначально происходит выбор на уровне интенциональности экологического компонента (Узнадзе называет этот уровень установочным), затем (при необходимости) – выбор на уровне объективации, то есть на уровне отношения. Если первый уровень может быть обозначен как присущий не только человеку, то второй характеризует уже сугубо человеческое свойство. Установка, обладая свойством интенциональности на основе действия экологического компонента, имеет возможность быть связанной одновременно и с индивидом, и с окружающим миром, что вполне достаточно для осуществления первичного выбора. При этом, однако, очень сложно размышлять о чьих-то преимуществах, поскольку, вероятнее всего, в природе существует принцип разумной достаточности в форми-

ровании способностей организма. Ему дается ровно столько, сколько необходимо для извлечения возможностей из окружающего мира для нормальной жизнедеятельности. Даже если и можно говорить о каких-то резервах психики, то лишь с оговоркой их ограниченности, временности использования и сложности использования в обыденной жизни. Ибо обладание возможностями сверх необходимых потребностей, вероятно, столь же трагично, как и невозможность иметь что-то жизненно необходимое. «Лишняя» возможность одного организма оборачивается «недостающей» возможностью другого организма как существующих во взаимозависимом мире.

Форма сосуществования различных установок в окружающем мире обусловлена структурой этого окружающего мира. Узнадзе действительность представляется в форме своеобразного поля в феноменологическом его представлении. «Словом, становится бесспорным, что действительность в плане установки представляет собой поле неисчерпаемых изменений, безостановочного движения, исключающего даже мысль о тождественности в ряду явлений. Коротко говоря, действительность в плане установки представляет собой поле не имеющих конца, не знающих перерыва изменений. Другое дело – второй план этой действительности, обусловленный принципом объективации, свойственным лишь этому плану. Как только действительность сама же начинает казаться той же действительностью, сама же начинает становиться объектом для человека, она выступает из ряда фактов, непосредственно обуславливающих поведение человека, и становится самостоятельным предметом, на который направляется внимание субъекта, иначе говоря, он объективируется. На этой основе вырастают мыслительные акты, направленные на возможно всестороннее отражение объективированной таким образом действительности. В отличие от отражения в плане установки, здесь, в плане объективации, мы имеем дело с отражением, построенным на основе логического принципа тождества, необходимого для регулирования актов нашей мысли» (Узнадзе, 1966. С.257). На базе примерно аналогичного процесса Гуссерль основывает свою теоретическую установку, акцент в которой, по его мне-

нию, состоит в свободе от всяческих практических интересов, в чистой страсти к созерцанию и познанию мира. Узнадзе же говорит об объективации как средстве преодоления препятствий при помощи мыслительной деятельности.

Здесь мы не будем вступать в полемику с автором по поводу «отражения, построенного на основе логического принципа тождества», но отметим лишь, что и процесс объективации Узнадзе, и процесс теоретической установки Гуссерля можно представить как звенья одной цепи – постепенное выделение индивида как субъекта деятельности из окружающего мира. Следовательно, взгляды Узнадзе на процессы объективации вполне соотносимы с процессом эпохэ. «От универсальной, но мифопрактической установки резко отличается в любом указанном смысле непрактическая «теоретическая» установка, установка *thaumazein*, из которой гиганты первого кульминационного периода греческой философии – Платон и Аристотель – выводили начало философии. Человека охватывает страсть к созерцанию и познанию мира, свободная от всяческих практических интересов, и в замкнутом кругу познавательных действий и посвященного ей времени преследуется и творится не что иное, как чистая *theoria*. Другими словами, человек становится незаинтересованным наблюдателем, озирающим мир, он превращается в философа; или скорее жизнь его мотивируется новыми, лишь в этой установке возможными целями, методами мышления, и в конце концов возникает философия – и он становится философом» (Гуссерль, 1986. С.108).

Во всех описанных процессах – и в акте объективации, и в теоретической установке Гуссерля – неизменно присутствует окружающий предметный мир как один из важнейших компонентов взаимодействия индивида и его окружения. Важно при этом заметить, что установка, как и механизм объективации, не говоря уже о теоретической установке Гуссерля, просто не может быть ненаправленной; они не могут быть «пустыми», ненаполненными». Будучи изначальной активностью человека, установка тем самым должна стать направленной на мир.

Из этих рассуждений становится понятным, что установке не хватало именно интенциональности для того, чтобы стать жизненным механизмом. Именно направленность на предмет делает установку предметной, придает ей смысл. В противном случае она просто повисает в воздухе и уже нет никакого «опредмечивания», она становится просто теоретической условностью. Установка не может быть беспредметна, хотя и является таковой почти во всех теориях! Как отношение не может быть отношением вообще, а не к чему-то конкретному, так и установка существует только во взаимосвязи с каким-то определенным предметом. Эту функцию выполняет интенциональность экологического компонента. В свою очередь, сама направленность не может принадлежать только индивиду, поскольку она направлена вне его сознания, на окружающий мир, который имеет возможности для удовлетворения потребностей индивида. То, что мы называли «видит» в контексте: экологический компонент «видит» набор возможностей и выбирает одну из них, – Гуссерль называет термином «интендирует», «мнит». Метод Гуссерля является усмотрением сущности, он часто употребляет выражение «это видно с очевидностью», подчеркивая тем самым важность естественной установки понимания бытия.

Таким образом, одной из главнейших функций экологического компонента установки является ее опредмечивание через механизм интенциональности. Это механизм того явления, которое Леонтьев называл «личностным смыслом», «опредмечиванием» и т.д. Установка не может существовать вне предмета, ее просто нет. С предметом же ее связывает интенциональность экологического компонента.

Следует помнить при этом, что понятие направленности неизбежно должно рассматриваться только в контексте понятия «активность», которая, по Узнадзе, имеет две формы своего непосредственного выражения: установка и объективация. «Но если это верно (взгляд на психику с точки зрения развития. – А.Д.), то в таком случае мы должны различать два уровня психической активности – уровень установки, где мы кроме аффективных находим и ряд малодифференцированных пер-

цептивных и репродуктивных элементов, и уровень объективации, где имеем дело с определенно активными формами психической деятельности – с мышлением, волей» (Узнадзе, 1966. С.276).

Строго говоря, может сложиться мнение, что установка невозможна на уровне мышления, то есть на уровне объективации, поскольку она становится осознанной. Либо тогда необходимо признать, что установка на уровне объективации, на уровне сугубо человеческом имеет особый механизм образования, поскольку для объективации важно не столько наличие ситуации удовлетворения потребности, сколько существование препятствия для удовлетворения потребности при наличии ситуации удовлетворения. Сама же направленность объективации и нацелена на решение проблем для удовлетворения потребности. И здесь уже брезжит идея формирования аттитюда на основе прошлого опыта, либо, например, как результат взаимодействия ценности и отношения к ценности. Поскольку объективация есть сосредоточение внимания, то это есть, следовательно, и выработка конкретизированного, аффективно и когнитивно структурированного отношения к объекту установки. Если на уровне установки еще нет такого вполне конкретного отношения, то на уровне объективации оно, несомненно, присутствует.

Все это говорит в пользу нашей гипотезы о существовании различных уровней социальной установки, которые могут формироваться различными способами. Важно при этом помнить, что любой процесс формирования установки не является самоцелью для психики, а лишь служит поведению индивида. «Следовательно, процесс поведения представляется нам следующим образом: с целью удовлетворения потребности, имеющейся у субъекта, он обращается к окружающей действительности. Воздействуя на него непосредственно, эта действительность настраивает его к действию по отношению к предмету, необходимому для удовлетворения данной потребности. На этой основе субъект разворачивает целесообразные акты поведения, приводя в действие силы, соответствующие

нужному ему предмету, и активизируя их таким образом, как это необходимо для овладения предметом.

Следовательно, понятие установки позволяет судить, почему поведение целесообразно имеет смысл, то есть учитывает в одно и то же время и субъект, и предметную действительность, соответствует и тому и другому; оно позволяет понять, почему в участвующих в поведении силах учтен именно определенный предмет, и в случае его наличия стимулирует нас к действию, а при его отсутствии никогда не создает действительного поведения» (Узнадзе, 1966. С.333). Данная мысль имеет для нас чрезвычайное значение, ибо она вплотную подходит в основных своих принципах к проводимой нами позиции экологического подхода в процессах установки. Самое важное здесь состоит в констатации факта одновременного «учитывания» и предмета в окружающем мире, и потребности индивида, что обеспечивается механизмом установки индивида. В этом суть теории установки и ее значения для понимания механизмов психической организации поведения человека.

Нам представляется, что именно механизма установки «не хватает» организму в экологическом подходе Дж. Гибсона и феноменологии Э. Гуссерля, поскольку первый, хотя и говорит о непосредственном механизме восприятия, не может объяснить феномен, который он называет «вычерпыванием информации окружающего мира». Второй же исследователь, блестяще демонстрируя возможности человеческого мышления, считает, что феноменологическое эпохэ под силу лишь теоретической установке философа. Если бы это было действительно так, то в психике «не философов» не было бы никакой необходимости.

Представляется, что процессы, описанные Гуссерлем в его акте интенционального переживания, находят свое естественное приложение к индивиду Гибсона в окружающем мире в форме механизма интенциональности экологического компонента социальной установки.

Своеобразная «взаимодополнительность» Гибсона и Гуссерля проявляется довольно широко. Мы помним, в частности,

что Гуссерль говорил о мифопрактической установке, а Узнадзе – о так называемых природных установках. «Это дает нам возможность утверждать, что способность объективации освобождает человека от прямой зависимости от природных установок и открывает ему путь к независимой объективной деятельности» (Узнадзе, 1966. С.286). Очень важным для нас здесь является упоминание о «природных установках», которые в нашем представлении и являются механизмом экологического компонента установки. Именно «природные установки» являются той частью социальной установки, которая обладает свойством одновременного анализа потребностей индивида и возможностей окружающего мира. Природная установка обеспечивает, прежде всего, экологическое функционирование установки в рамках данного окружающего мира и его возможностей.

Данное понятие наиболее близко по значению к понятию экологического компонента установки, если исходить из общих принципов экологического подхода. «Природное» функционирование установки обеспечивает экологическое существование человека на уровне окружающего мира. В том случае, когда человек совершает акт объективации, он попросту переходит на более высокий уровень установки, вероятнее всего, на уровень аттитюда, который позволяет ему быть менее зависимым от ситуации, более автономным, но одновременно и менее «экологичным», то есть менее связанным с окружающим миром, а более – со своей психической организацией. «Но природная установка человека все же дает себя чувствовать. Она находит свое выражение в личных переживаниях субъекта и воздействует на него в определенном, специально ей соответствующем направлении» (Узнадзе, 1966. С.287).

И здесь уже мы подходим к проблеме, которой мало внимания уделял сам Д.Н. Узнадзе, но которая достаточно активно и плодотворно разрабатывалась его учениками. Это проблема социальной установки.

**Проблемы социальной установки в теории
установки Д.Н.Узнадзе**

Проблема взаимоотношения социальной установки и установки очень неоднозначна, и разные исследователи видят разные способы ее решения. Так, Г.М. Андреева замечает, что «необходимо развести сферу действия установок, как их понимал Д.Н. Узнадзе, и сферу действия «социальных установок» (...). По справедливому замечанию Ф.Н. Бассина, понимание Д.Н. Узнадзе установки как бессознательного исключает применение этого понятия к изучению сложных, высших форм человеческой деятельности» (см.: Андреева, 1988. С.349). При всей справедливости аргументов авторов нам представляется, однако, что данное суждение не учитывает работ исследователей школы Узнадзе, которые занимались проблемами социальной установки.

Прежде всего, здесь следует назвать работы Ш.А. Надирашвили, который очень подробно и успешно рассматривает многие проблемы именно социальной установки. В частности, он выделяет пять типов установки: установка практического поведения, установка познания, теоретического поведения, установка социального поведения, установка реализации психофизических сил, установка творчества (см.: Надирашвили, 1974. С.98). Основной подход при этом заключается в том, что теория установки и сама установка являются базовыми для всех остальных теорий установки и аттитюда, объединяет их позиции воедино. «Накопленные в результате этих исследований знания об установке представляют собой многие интересные данные для понимания психической природы личности, но из-за отсутствия единой общепсихологической теории установки добытые в этом направлении результаты не удалось объединить в виде научной системы, что весьма затрудняет дальнейшее развитие психологии» (Надирашвили, 1987. С.288).

Нам представляется, что работы Ш.А. Надирашвили серьезно продвигают теорию установки в направлении структурированного взаимодействия с другими теориями установки и аттитюда. При этом одной из базовых проблем у него стано-

вится проблема объективации различных уровней. «Д.Н. Узнадзе в своих работах рассмотрел детально лишь объективацию предмета. Ш.А. Надирашвили плодотворно развивает теорию установки, выделяя виды объективации разного уровня (соответственно – различные генетические ступени объективации): объективацию предмета, объективацию социальных требований (или социальности) и объективацию собственного «Я». Для теории установки такое разделение имеет весьма существенное значение, поскольку принципиально различны типы складывающихся при этом установок и отношений между установкой и деятельностью» (Фельдштейн, 1988. С.174). Надирашвили рассматривает человека в его взаимодействии с окружающим миром. В частности, он отмечает, что важно взаимодействие со средой, которая обуславливает сложность задачи, стоящей перед индивидом. Психика обеспечивается активностью различного уровня, а сам человек при взаимодействии со средой может быть рассмотрен как индивид, субъект и личность в зависимости от сложности задачи и уровня взаимодействия со средой.

Характеризуя «человека-индивида», Надирашвили пишет: «Индивид во время своей практической деятельности живет в чувственно данной среде. Его поведение соответствует этой среде, целесообразно по отношению к ней. Основным содержанием психической активности индивида является восприятие чувственно данной действительности, ее принятие-непринятие и организованное сохранение прошлого опыта. Эти компоненты психической активности являются отдельными аспектами целостной установочной активности индивида» (Надирашвили, 1974. С.37). Нам кажется интересным замечание о необходимости организации целесообразного поведения соответственно чувственной среде, окружающей индивида. Это означает, что цель поведения определяется не только самим человеком исходя из его планов, но целостной структурой «индивид-среда». В этом случае человек может реализовать только те цели, которые находятся в соотношении с возможностями данной среды.

Таким образом, принятие-непринятие и последующее сохранение опыта взаимодействия со средой может быть интерпретировано как реализация тех или иных возможностей окружающего мира. Элементарность подобной активности – лишь видимость, поскольку прямая зависимость от среды может быть понята по-разному. В том случае, если индивид ставит цели, реализация которых невозможна в данной среде, можно предположить три варианта выхода: 1) изменение среды; 2) отказ от цели; 3) попытку изыскать новые возможности в рамках существующей среды, не разрушая ее и корректируя цель. Самое простое – первое решение, поскольку для второго решения нужна определенная доля рефлексии и способность логического мышления и предвидения. Самое трудное – третье решение, когда возникает необходимость в извлечении новых возможностей, в пересмотре целей (тактических и стратегических). Но самое сложное в этом случае – понять, что человек не центр мира, а лишь его малая часть, связанная тончайшими нитями с возможностями окружающего мира. Это как раз то, что Пьер Тейяр де Шарден называл «дурным антропоцентризмом». В конце концов, просто «восприятие чувственно данной действительности» – это тоже не так уж и мало.

Изложенное выше лучше всего интерпретировано в рамках представлений экологического подхода, а замечание о том, что данные компоненты психической активности являются «отдельными аспектами целостной установочной активности индивида», дает возможность предположить наличие в установке механизма, соотносящего потребности индивида и возможности окружающего мира.

Мы склонны предположить, что экологическое взаимодействие человека на уровне организм-среда (то, что Надирашвили называет уровнем человек-индивид) может быть рассмотрено как уровень действия экологического компонента установки. Главная особенность данного уровня взаимодействия человека с окружающим миром состоит в том, что происходит непосредственный (Гуссерль назвал бы его «очевидным») анализ возможностей окружающего мира. Данный анализ опреде-

ляет потенциальную возможность выбора, всю дальнейшую психическую активность человека. Надирашвили отмечает при этом, что «наипростейшей отражающей психической активностью, осуществляемой индивидом в процессе взаимоотношения со средой, является выделение предмета восприятия из действительности. Эта наипростейшая особенность восприятия проявляется в том, что при восприятии происходит дифференциация действительности в виде фигуры-фона. (...) Эта особенность восприятия – обусловлена закономерностью установочного действия» (Надирашвили, 1974. С.37).

Вероятно, можно спорить относительно того, что есть наипростейшая психическая активность, но гораздо более важен в мысли Надирашвили другой оттенок – подчеркивается необходимость выделения предметов, их дифференциация из окружающего мира. В контексте наших размышлений это означает очень существенную деталь – дифференциация предметов подразумевает дифференциацию возможностей, предоставляемых им индивиду. Человек должен каким-то образом быстро и достаточно верно оценивать возможности каждого предмета и осуществлять выбор этих возможностей с учетом своих потребностей. Мы назвали этот механизм экологической активностью на основе экологической логики организма. И замечание о выделении фигуры и фона подчеркивает эту мысль, ибо явление, обнаруженное гештальтистами, вполне можно представить как один из универсальных механизмов экологической логики, поскольку выделение фигуры и фона – это не что иное, как элементарный выбор из двух возможностей, одна из которых становится фигурой, а другая – фоном. Трудно предположить, что механизм восприятия человека и животного был рассчитан на то, чтобы Коффка, Келлер и Вертгеймер обнаружили просто геометрические «интересности» восприятия. Все, что относимо к особенностям восприятия фигуры и фона геометрических картинок, может иметь свое продолжение и в более сложных социальных и экологических структурах. Предложенное гештальтистами есть лишь самое первичное предположение, а механизм объяснения данного явления все-таки очень сомнителен. Но тем не менее все

это не может быть отнесено к частностям восприятия; совершенно очевидно, что тут кроются глубинные закономерности психической организации. Самое значительное здесь в том, что организм получает возможность оптимальным путем (не используя когниции и эмоции) принимать то или иное решение, которое учитывало бы самое главное – потребности индивида и возможности окружающего мира, то есть обеспечивало бы целостность существования организма в данной чувственной среде.

Остается напомнить, что мы ведем речь об установочной активности, о механизме действия установки, обосновывая экологическую значимость установки для организма. В нашем представлении установка выполняет прежде всего функцию первичной оценки возможностей окружающего мира посредством интенциональности экологического компонента.

Далее Ш.А. Надирашвили отмечает, что «в процессе взаимодействия с действительностью человек, действующий как индивид, еще не выдифференцирован из своего поведения. Он не противопоставляется действительности. Поэтому он не может отчитываться о своей психической активности, последняя еще не осознается им. Но с каждым предметом он обращается соответствующим образом, как с предметом определенной категории. К предмету любой категории, связанному с его потребностями, он относится установочно, целесообразно, используя для этого ту систему категорий, которая выработалась у него в процессе взаимодействия с действительностью. С точки зрения ориентации во внешней среде применение системы категоризации предметной действительности без помощи сознания имеет для индивида особое значение» (Надирашвили, 1974. С.38). Здесь хотя и можно условно принять возможность выделения в целостном акте психической активности такого явления, как индивид, все же следует отметить, что рассматриваемое изолированно, оно может привести к элементаризму, атомизму, молярному подходу, который, кстати, и требует противопоставления человека действительности.

Даже если строго следовать задаче, определенной автором, все равно остается неясным конечный результат противопос-

тавления, ведь оно не может быть целью само по себе, тем более для последующего отчета. Вероятно, все же смысл психической активности состоит в том, чтобы обеспечить адекватность поведения окружающей действительности, а для этого не обязательно только противопоставить себя ей и отчитаться в этом перед собой. Тем более вызывает возражение использование любых операций логики для объяснения психических процессов.

В свое время Гуссерль активно боролся против психологизма в логике, делая это порою очень удачно в своих «Логических исследованиях». Но каким образом можно бороться против «логизма» в психологии, когда чуть ли не каждый автор считает само собой разумеющимся логическое обоснование психических процессов? Говоря о механизме объективации, Надирашвили отмечает ее свойство решать проблемы на основе анализа «неожиданного несоответствия». «Эти «прогнозируемые ожидания» могут не осознаваться, если вдруг не появится особое неожиданное несоответствие и не нарушит целенаправленного протекания установочной психической активности индивида» (Надирашвили, 1974. С.38). В данном случае речь идет о том, что человек, обладая сугубо человеческой формой психической активности – объективацией, способен решать задачи, которые непосильны для животного. В принципе это верно, хотя возникают некоторые вопросы и здесь. Например, совершенно очевидно, что не каждый акт объективации может привести к решению, даже наоборот – очень часто решение приходит вовсе без акта объективации, который порою только затрудняет поиск. Тем не менее независимо от того, произошел акт объективации или нет, для любого уровня психической активности нужно главное – принятие решения, адекватного ситуации.

Можно также предположить, что процесс объективации может привести к тому, что М. Вертгеймер называл неверным центрированием, то есть к неправильной оценке общей структуры ситуации, когда отдельное препятствие может стать главным объектом и по этой причине будет упущено структурное взаимодействие всех частей ситуации. В этом случае

животное, не обладая актом объективации, может часто решать задачи своего оптимального поведения в окружающем мире лучше, чем эти же задачи может решать человек. Вероятно, это обусловлено целостным и непосредственным характером восприятия. Важно при этом, что целесообразность поведения, о которой пишут и Узнадзе, и Надирашвили, обусловлена именно особенностью механизма формирования установки. «Не вся действительность, в которой находится индивид, является ситуацией поведения индивида. Ситуацию его поведения составляет часть действительности, находящаяся в определенных взаимоотношениях с системой его потребностей, так как в установке, на основе которой действует индивид, отражены как потребности индивида, так и ситуация этих потребностей, поэтому возникшее на основе этой ситуации поведение характеризуется целесообразностью» (Надирашвили, 1974. С.44).

Данное замечание представляется очень существенным, поскольку в нем содержится интересующая нас главная и необходимая особенность установки – быть одновременно частью индивида и «видеть» возможности окружающего мира. Следует отметить, что Надирашвили, определяя действительность как часть, которая находится в определенных взаимоотношениях с системой потребностей, тем самым обозначает понятие, очень близкое по смыслу с понятием «окружающий мир» в экологической оптике Дж. Гибсона. Важно при этом заметить, что человек как субъект видится Надирашвили еще более дифференцированным из действительности.

Согласно Узнадзе, человек может прервать свою практическую деятельность, выделиться из окружающей действительности. Это нарушение единства индивида и среды ведет к возникновению субъекта активности, главной характеристикой которого становится сознание. «Таким образом, можно сказать, что в процессе социализации у человека развивается способность объективации, на основе которой он устанавливает с действительностью теоретические и познавательные отношения» (Надирашвили, 1974. С.47).

Важно отметить, однако, что подобное представление об объективации (на основе социализации) противоречит ранее излагавшемуся подходу, когда объективация развивалась на основе теоретической потребности при преодолении препятствия. Означает ли это еще одну форму существования объективации или просто уточняет механизм ее формирования – не столь существенно, ибо главная мысль ясна: объективация – свойство субъекта. «Как мы отмечали ранее, человек переходит со взаимоотношений индивид-среда на субъектно-объектные отношения тогда, когда он на основе установочного взаимоотношения со средой не может должным образом отразить среду, а ему же приходится более адекватно учитывать действительность» (Надирашвили, 1974. С.49). Здесь возникает вопрос относительно того, каким образом уровень человек-индивид-среда (определенный нами как экологический уровень) может перейти на уровень человек-субъект-объект (по всей вероятности, уровень логических операций)? Ведь в окружающем мире нет логических субъектов и объектов, они могут быть выделены только теоретически в рамках научного анализа. Но ведь организм сам по себе не занимается логическими задачами, он не может перейти на уровень теоретической логики взаимоотношений субъект-объекта, как того хотел еще Аристотель. Более того, это, вероятно, должно еще больше отдалить субъект от решения жизненных задач организма в окружающем мире – ведь говорил же Гуссерль о том, что возникает «незаинтересованный наблюдатель».

Характеризуя одну из наиболее важных для нас особенностей субъекта, Надирашвили отмечает, что в то время, как в мире физическом возможность не существует реально, в мире психического она вполне реальна для субъекта. Здесь Надирашвили описывает так называемые инструментальные возможности, которые определяют психическую целесообразность поведения человека. Одновременно они являются «чем-то средним между чисто физическими и чисто абстрактными, идеальными возможностями, они реальны и в то же время направлены на возможность. Дальнейший анализ сознания как психического феномена нужно произвести именно с этой точ-

ки зрения» (Надирашвили, 1974. С.52). Здесь же сразу следует отметить, что и Гибсон называет возможности одновременно и физическим, и психическим феноменом; и идеальными, и реальными; и объективными, и субъективными. Как особый класс возможностей выделены Надирашвили структурные возможности, которые «реализуются в активности субъекта неосознанно». «Учет возможностей и их целесообразное применение происходит на базе их структурного объединения. Всякая структура психической активности после овладения ею, несмотря на то, осознается она или нет, используется субъектом целесообразно» (Надирашвили, 1974. С.53). Из этого автор выводит заключение о том, что сознательная психическая активность субъекта сложнее, чем установочная активность индивида, и что она развивается на основе усложнения и дифференциации первичной целостности. В этом случае нам представляется ценным замечание об учете и применении возможностей на основе их структурного объединения, поскольку это естественно приводит к необходимости принятия структурной организации окружающего мира, который главным своим принципом имеет закон встроенности и взаимозависимости. Окружающий мир, утверждает Гибсон, структурирован, обладает возможностями, которые он предоставляет индивиду. Следовательно, реализация возможностей индивидом будет тоже структурно оформлена. По нашему представлению, эта процедура осуществляется экологическим компонентом установки, который встраивает новую установку в уже имеющуюся у индивида систему установок на основе возможностей социально-экономической ниши индивида. Именно так нами понимается мысль об установочном освоении, овладении психической структурой в приведенной цитате. Здесь требует уточнения лишь вопрос о том, каким образом осуществляется данное владение». В случае осознания все понятно, но какой же механизм осуществляет неосознанное овладение психической структурой?

Исходя из нашего представления о возможностях окружающего мира, которые, взаимодействуя с потребностями индивида, формируют установку, из нашего представления об

интенциональности экологического компонента установки мы предполагаем, что это неосознанное овладение психической структурой будет осуществляться именно механизмом экологического компонента установки. Узнадзе отмечает, что установка – это практическое поведение, в то время как объективация – это теоретическое поведение, которое служит для решения задач, решение которых не может быть найдено на уровне практического поведения. В этом случае, на наш взгляд, объективация выступает как некий эпифеномен в общем потоке установочной активности. Узнадзе замечает, что объективация происходит на уровне познавательной активности, а практическая активность – на уровне установочной психической активности. «Тут же следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что установка, выработанная как на первом, так и на втором уровне психической активности, функционально характеризуется одной основной ценностью. Она кладется в основу поведения, приспособляющего к среде, и определяет его целесообразное течение. Установка, выработанная и на первом, и на втором уровне психической активности, кладется в основу практического поведения субъекта, и для нас опять остается неясным вопрос, что же все-таки является психическим механизмом, определяющим целесообразное течение познавательной активности, теоретического поведения» (Надирашвили, 1974. С.54). Отвечая на этот вопрос, можно было бы отметить важность формирования и функционирования общей структуры ситуации, возможностей окружающего мира и их соотносимости с потребностями индивида. Установки индивида и их общая структура ориентированы прежде всего на общую структуру окружающего мира и формируются в зависимости от них. Так же, как и Узнадзе, Надирашвили выделяет теоретическую потребность, теоретическое поведение и теоретическую установку. При этом ряд возникающих проблем по теоретической установке и поведению можно вполне свести к некоторым, которые наглядно показывают почти все нерешенные проблемы теории установки.

Мы уже упоминали о том, что в теории установки осталась почти неразработанной проблема потребностей, хотя по логи-

ке теории она должна была стать одной из центральных, поскольку установка возникает именно благодаря «встрече» потребности индивида и ситуации. Следовательно, первым же шагом должна была стать классификация потребностей и создание теории потребностей. К сожалению, кроме Узнадзе, этой проблемой в рамках теории установки эффективно почти никто из исследователей не занимался. Отсюда и возникает такое определение, как «теоретическая потребность».

Далее, совершенно была оставлена в стороне другая проблема – ситуация, благодаря которой образуется установка. Что понимать под ситуацией, конкретно так и не было до конца исследовано. Мы предлагаем в понятие ситуации включить прежде всего содержание, близкое к понятию «окружающий мир» Дж. Гибсона, имеющего ряд отличительных особенностей, главные из которых состоят в том, что мир обладает возможностями удовлетворения потребностей индивида, организован строго определенным образом – встроено и взаимозависим, мир окружает человека.

Наше возражение вызывает и стремление вывести законы мышления из логических закономерностей, которые выражаются у Узнадзе в понятии «аксиоматические закономерности интеллектуальной активности». Надирашвили отмечает далее, что «с помощью теоретической установки становится возможным предать мышлению целевое и целесообразное направление» (Надирашвили, 1974. С.57). Нам представляется, что направленность мышления возникает не на последнем этапе – уровне теоретической установки, а на этапе формирования установки, в момент выбора возможности. Конечно же, направленность мышления, установки может осуществляться в принципе на любом уровне и этапе, зависеть она может от ряда факторов. Здесь она во многом будет иметь механизм, сходный с механизмом внимания. Но в данном случае гораздо важнее другое – сама установка возникает именно как результат направленности ее компонента.

В нашем представлении интенциональный механизм установки «выбирает» одну из многих возможностей окружающего мира, соединяя ее тем самым с одной из потребностей орга-

низма. То есть интенциональность служит самым элементарным, но и самым надежным средством первичного анализа действительности. Здесь, вероятно, нужно вспомнить мысль Б.Ф. Ломова о невозможности разграничения внутренней и внешней деятельности в рамках живого организма. Одновременно возникает странное положение: разве возможно мышление «вообще», то есть мышление, не направленное на что-то. Это могло бы означать только то, что мышление это не наполнено никаким содержанием, оно «ни о чем»... Узнадзе говорит о непрерывном потоке установок. Общепринят образ потока сознания У. Джемса. Но ведь любой поток имеет направление, именно этим он отличается от статичного состояния. Движение всегда имеет направленность, оно не может возникать только в процессе движения, если только это не броуновское движение.

Далее Надирашвили рассматривает социальное поведение и социальную установку. «Установка, определяющая социальное поведение и представляющая собой его психологическую основу, является социальной установкой, так как в ее формировании, наряду с другими факторами, участвуют и факторы социальные. Социальная установка создается на третьем уровне психической активности, и осуществленное на ее основе поведение дает личности возможность действовать в социальной среде в качестве члена социальных взаимоотношений» (Надирашвили, 1974. С.68).

Данное определение социальной установки не есть определение социальной установки в теориях аттитюда. Можно еще заметить, что в рамках психологического изучения человеческой активности невозможно выделить все три описанные выше вида активности, это может быть сделано лишь с очень большой долей условности. Возможно, лучше было бы говорить о трех уровнях одной установки. Именно в этом направлении мы и предлагаем анализировать установку с точки зрения экологической концепции.

Необходимость нового представления о структуре социальной установки может быть продемонстрирована примером, в котором ясно видно, что на разных уровнях действуют раз-

ные механизмы. Надирашвили так характеризует соотношение установки и мотивации: «На формирование установки по отношению к определенным классам объектов не влияют процессы мотивации и мышления. Напротив, они сами испытывают воздействие организованной на основе опыта установки. Посредством установки в психике осуществляется принцип организованности и экономичности» (Надирашвили, 1974. С.17). Здесь можно сказать, что это достаточно резкое утверждение, которое, может быть, и не входит в замыслы автора, поскольку трудно предположить, что можно всерьез отделять, например, потребности индивида от процессов мотивации или мышления. Установка влияет на процессы мышления, которые «следуют» за ней, но она, в свою очередь, вполне может быть определена предыдущей мотивацией, не говоря уже о сложнейшем вопросе разделения собственно мотива и потребности.

Таким образом, нам кажется очень важным представлять процесс формирования и функционирования социальной установки именно как динамический акт, который имеет свое «прошлое», «настоящее» и «будущее», иными словами, каждая социальная установка формируется и «живет» в потоке других социальных установок, в общем потоке сознания, в котором переплетены самым тесным образом «начала» одной социальной установки и «концы» другой. Очень удачно это подметил Э. Гуссерль в своем рассуждении о «горизонте» и «жизненном мире»: «...интенциональность не наличествует, а функционирует. И сколько бы мы ни выявляли все новые и новые смыслы, последний смысл всегда остается невыясненным». П.П. Гайденко в своей статье «Проблема интенциональности у Гуссерля и экзистенциалистская категория трансценденции» приводит интересную мысль Ф.М. Достоевского: «Всегда остается нечто, что ни за что не хочет выйти изпод вашего черепа и останется при вас навеки; с тем вы и умрете, не передав никому, может быть, самого-то главного в вашей идее» (Достоевский. Собр. соч.: В 10 т. М., 1957. Т.6. С.447. Цит. по: Современный экзистенциализм. 1966. С.91). Сюда остается добавить описание потока сознания Уильяма Джемса,

чтобы окончательно убедиться в том, что социальная установка не может быть вырвана из общего контекста психической жизни индивида, не может быть рассмотрена как «установка вообще», а может существовать только как конкретная социальная установка к конкретному предмету или явлению. Это, с одной стороны, смягчает актуальность вопроса о первичности установки; с другой стороны, фундирует необходимость введения понятия интенциональности социальной установки, то есть ее направленности на конкретный объект. Сама эта направленность установки наталкивает нас на еще одну важнейшую проблему: анализ осознанных и неосознанных возможностей.

Нам думается, что помимо деятельности сознания по представлению возможных обстоятельств как какой-то реальной возможности существуют и другие механизмы оценки потенциальных возможностей. Это основано на том факте, что психическая жизнь имеет более широкие границы, чем размеры сознания, а значит, индивид сталкивается с более значительным количеством возможностей окружающего мира, нежели он может осознать. Отсюда возникает потребность в анализе не только осознанных, но и неосознаваемых возможностей среды. Одновременно здесь возникает еще одна интересная проблема – физическое в отличие от психического имеет возможность только настоящего воздействия «здесь и теперь», все остальные формы воздействия суть психологические. Рассуждая так, можно предположить, что Левин говорил прежде всего о времени... физическом. Как это ни парадоксально, но Гибсон, характеризуя время через последовательность совершающихся событий, тоже говорил в физическом понимании времени, хотя сам настаивал на их строгом разделении. Таким образом, можно сказать, что настоящее – это физическое, все остальное время – это время психологическое, то есть в психологии существует в основном только прошлое и будущее время, а в физике – только настоящее время. Иначе можно сказать, что еще одной характеристикой психического является его принадлежность к прошлому или будущему времени. Возможности окружающего мира всегда находятся как бы над

временем; они потенциально возможны всегда, но востребовываются только в актуальный момент встречи с потребностью.

Таким образом, одна из характеристик возможностей – явно физическая (актуальная данность в момент востребования возможности, ее реализации), другая же характеристика имеет явно психическое наполнение – существование вне настоящего времени, то есть способность находиться в прошлом и будущем одновременно. Здесь не играет большой роли различие реальной возможности и представляемой возможности. Однако в экологическом мире не существует прошлых возможностей, ибо это отвергнутая альтернатива выбранной возможности, ее другой вариант. В экологическом мире время движется строго от настоящего к будущему как к потенциальной возможности.

Неосознаваемые возможности приводят Надирашвили к размышлению о терминах «бессознательное», «неосознаваемое», «неосознанное». «Установка – это неосознанное психическое явление. Очень важно при этом представлять разницу между понятием «неосознаваемое» и понятием «неосознанное». Установка может быть неосознанной, но не может быть неосознаваемой, так как данное определение полностью исключает возможность осознания, что явно не соответствует действительности. (...) Использование термина неосознаваемости в науке вообще следует признать неприемлемым» (Надирашвили, 1987. С.89).

Таким образом, уточнив термины «бессознательное», «неосознаваемое», «неосознанное», мы открываем себе возможность дальнейшего соотнесения понятий «установка» и «аттитюд» в рамках одного подхода. Мы предполагаем, что аттитюд является в той или иной мере осознанной частью социальной установки, в то время как собственно установка в представлении школы Узнадзе будет ее неосознанным компонентом. Границы между ними достаточно условны и введены нами лишь с целью обозначить различные стороны единого явления – социальной установки, которая имеет свои осознанные индивидом аспекты, но имеет и неосознанные стороны. Это предполагает попытку соединения теории установки и теорий

аттитюда как взаимодополнительных и рассматривающих одно явление в различных ракурсах. Бессознательная теория аттитюда в рамках психоаналитического подхода должна быть рассмотрена отдельно, ибо представляет собой частный случай, который, однако, не может быть отвергнут в силу достаточного авторитета психоанализа как теории.

Следует отметить, что в рамках исследований школы Узнадзе не ведется разговор об осознанных компонентах установки, которые явно присутствуют и от которых трудно отмахнуться бездоказательными утверждениями. В свою очередь теории аттитюда, полностью упустив положительную часть бессознательного (отрицательную изучает психоанализ), не придали должного значения идеям Д.Н. Узнадзе.

Нам представляется возможным объединение этих двух подходов с целью их взаимодополнительности. В то же время понятием «социальная установка» мы обозначаем весь комплекс описываемого явления, поскольку в основу его формирования нами положен принцип формирования установки Д.Н. Узнадзе как наиболее обоснованный (с нашей точки зрения).

Для конкретизации и разведения понятий «малая установка» (то есть ее неосознанная часть) и «социальная установка» (то есть все явление целиком вместе с аттитюдальной частью – когнициями и эмоциями) мы вводим понятие «экологический компонент установки». Это понятие базируется прежде всего на экологических представлениях об окружающем мире, на возможностях окружающего мира, которые в единстве с потребностями индивида формируют установку, на представлении о необходимости выбора возможностей окружающего мира не только на основе когниций и эмоций индивида, но и на основе каких-то более первичных механизмов. Таким механизмом нам представляется интенциональность экологического компонента установки.

Таким образом, в теорию аттитюда вводится более широкое толкование понятия бессознательного, а в теорию установки добавляются аттитюдные компоненты установки – когниции и эмоции. Все это влечет за собой естественное выделение но-

вых функций и новой структуры социальной установки, новых уровней ее функционирования и взаимодействия.

Кроме указанных аргументов данный подход позволяет еще рассмотреть один немаловажный аспект – соединение практической ориентации зарубежной теории аттитюда с теоретической ориентацией школы Д.Н. Узнадзе, что само по себе имеет достаточно большое значение. Необходимо также отметить, что аспект объединения теории установки и теорий аттитюда имеет и общеметодологическую окраску, поскольку здесь встречается американский подход к проблеме социальной психологии и западноевропейская ориентация. Если первый характеризует более ярко выраженные позитивистские элементы, то второй тяготеет к использованию «новой парадигмы», одной из составных частей которой является освоение философского наследия Европы. Один из наиболее ярких примеров влияния философских традиций – самое пристальное внимание к наследию Э. Гуссерля и его школы феноменологии. Об этом достаточно убедительно писал П.Н. Шихирев (см.: Шихирев, 1989; 1999).

Если же к этому мы добавим размышления Надирашвили о том, что «установка представляет собой объединяющее сложную психическую активность человека бессознательное целостное состояние, служащее основой для связи потребности человека, предметной среды, поведения, сознания и требований социальной действительности, предъявляемые обществом индивиду» (Надирашвили, 1987. С.96), то станет еще более очевидной необходимость объединения теории установки и различных теорий аттитюда, а также принципиальная допустимость объединения теорий аттитюда и теории установки на базе экологического подхода в психологии.

Многие перечисленные характеристики установки как бы «перерастают» саму теорию и требуют новых обобщений на иной теоретической основе. Большинство поставленных вопросов обуславливает прежде всего новое представление об окружающем мире и его возможностях. Наиболее удачным в этом отношении нам кажется экологический подход Дж. Гибсона.

Другая часть вопросов требует пересмотра методов анализа психической реальности, поскольку налицо кризис позитивистских ориентаций экспериментальной психологии. Социальная психология сегодня уже не может быть по преимуществу экспериментальной. Важно употребление Ш.А. Надирашвили термина «приспособительная активность», так как он достаточно близко обозначает родственные понятия в экологической психологии, где речь идет о сущности взаимоотношения индивида и окружающего мира. Цель организма в данном случае видится, в первую очередь, как приспособление к извлечению возможностей окружающего мира на основе потребностей индивида. При этом «приспособительная активность» исходит не из активности мира, его агрессивности (что, кстати, свойственно теории Дарвина, где мир крайне враждебен организму и от последнего требуется постоянная борьба за существования в изменяющемся мире – так, как будто изменение мира есть его главная самоцель), а из «равнодушия» (как говорит Гибсон), пассивности мира по отношению к индивиду. Миру «безразлично», живем мы в нем или нет. В данном случае активность понимается как умение извлечь те возможности, которые мир предоставляет индивиду. А этих возможностей всегда огромное количество, практически неисчерпаемый ряд, бесконечный горизонт, как подчеркивал Э. Гуссерль.

«Агрессивная теория» Ч. Дарвина, кстати, имела самое непосредственное влияние на многие психологические доктрины, в частности такие, как теории Фрейда, Торндайка, Мак-Дауголла, Павлова, а вслед за ними на концепции Халла, Скиннера, Толмена, Вудвортса, Оллпорта, Мюррея, Левина, Лоренца и других. В нашем представлении «Происхождение видов» 1859 года имело не только положительное революционное значение, но и долю отрицательного эффекта, который основан, на нашем мнению, на в принципе верном утверждении о том, что развитие вида является результатом приспособления к окружающей среде и естественного отбора в борьбе за выживание. Мы возражаем против самого термина «борьба за выживание», поскольку естественным продолжением этого явления служит вопрос, с кем бороться и какие средства для

борьбы подходят. Перенесенные в область социальных отношений, данные тезисы наводят ужас даже на сторонников теории эволюции Ч. Дарвина. А перенесение в социальную среду неизбежны, поскольку понятие вида подразумевает весь комплекс характеристик, в который обязательно входит и социальность для вида «*homo sapiens*».

Лучше было бы сказать, что организм в окружающем мире борется не за выживание, а за овладение средствами среды. То есть индивид максимально стремится к тому, чтобы освоить все новые и новые возможности окружающего мира, которые тот ему предоставляет. Эта посылка, в свою очередь, приводит к простой мысли о том, что для того, чтобы выжить, нельзя уничтожать окружающий мир, поскольку все возможности для выживания находятся вне индивида, в окружающем мире. Это в корне отличается от идеи выживания через борьбу с окружающими индивидами, животными, растениями, миром. Что, кстати, и продемонстрировал весь путь исторического развития человеческой цивилизации. Борьба за выживание оборачивается для человека в конечном итоге борьбой с самим собой. Вероятнее всего, теория Дарвина «работает» применительно к животным, то есть она совершенно не учитывает социальное начало в человеке и поэтому не может быть перенесена на изучение психологии человека.

Между тем, судя по тому огромному влиянию, которое имел Ч. Дарвин на мировую психологию, последствия этого влияния можно обнаружить и по сей день. Избежал влияния Ч. Дарвина его великий современник В. Вундт и отчасти – У. Джемс. Именно линия В. Вундта выводит нас впоследствии на Н. Аха, через которого – на К. Левина, а последний оказался под влиянием Дарвина только через Фрейда, когда слушал студентом его лекции в Вене. В социальной психологии из идей Левина будут исходить Хайдер и Фестингер. Здесь влияние Дарвина окажется уже не столь существенным. Линия дарвинизма совершенно оборвется и в гештальттеории, она попросту не будет интересоваться ее создателей и последователей, хотя Келлер и занимался самым активным образом изучением приматов в своем знаменитом питомнике.

Таким образом, экологический подход Дж. Гибсона, обозначенный многими психологами как основанный на бихевиоризме и гештальттеории одновременно, взял именно ту линию, которая проникала к Халлу и Скиннеру, через Торндайка к Джемсу, исключая при этом одновременное влияние Дарвина на Торндайка, Павлова (а значит, и Дарвина) на Скиннера. «Отсеившаяся» подобным образом теория Дарвина позволила Дж. Гибсону взглянуть на окружающий мир с точки зрения экологического подхода, сделав существование индивида и мира взаимодополняющими и взаимозависимыми на основе врожденности. Индивид при таком подходе не должен бороться за существование, а обязан научиться извлекать возможности из окружающего мира. Ученик В. Вундта – Д.Н. Узнадзе – в своих рассуждениях о биосфере во многом предопределяет представления об окружающем мире. Его размышления о ситуации, в которой находят удовлетворение потребности индивида, содержательно очень близки основополагающим идеям Дж. Гибсона о возможностях окружающего мира.

Другим важным моментом являются размышления Надирашвили о приспособительной установочной активности, которая является не только ранним этапом психического развития, но и базой, на которой формируется вся последующая активность. То есть речь идет не только о том, что установочная активность формируется раньше других форм активности и в филогенезе, и в онтогенезе, что является само по себе очень интересной самостоятельной проблемой, но и о том, что установочная активность является первичной по сравнению с аттитудной. Это означает, что когнитивный и эмоциональный компоненты аттитюда начинают «работать» позже, чем тот компонент, который Узнадзе называет установкой, а мы предлагаем определить как экологический компонент установки.

Нам представляется, что данный экологический компонент выполняет роль первичного фильтра отбора возможностей на самом раннем этапе анализа окружающего мира, когда не могут еще действовать ни когниции, ни эмоции. Именно это позволяет ему стать той объединительной силой установки, которая сведет все эти компоненты воедино. «Понятие установ-

ки, данное в рамках общепсихологической теории, позволяет объединить и обобщить в себе все эти варианты. С позиции такой единой категории, установки, становится возможным дифференцировать ее отдельные виды и формы» (Надирашвили, 1987. С.294).

Здесь Надирашвили касается вопроса соотношения понятий «установка», «социальная установка», «фиксированная установка», выделяя пять основных форм установки. Отдельной проблемой является проблема ее первичности. Нами эта проблема будет рассмотрена после ознакомления с позицией А.Г. Асмолова как главного оппонента теории установки.

Нам необходимо рассмотреть вопрос о связи установки и поведения, поскольку он неизменно занимает одно из центральных мест почти во всех теориях аттитюда. В теории установки также рассматривается этот дуэт. «Установка представляет собой готовность к определенной психической активности, создающуюся под воздействием определенных внутренних и внешних факторов. Она обуславливает возникновение психической активности и ее протекание в направлении выполнения намеченной задачи. В определенных условиях установка фиксируется и управляется, в результате чего она может актуализироваться вновь при наличии лишь некоторых факторов. Актуализированная фиксированная установка определяет психическую активность человека так же, как и первичная установка, но действие ее обогащено прошлым опытом. Поэтому, выяснив фиксированные установки человека, можно прогнозировать его будущую психическую активность» (Надирашвили, 1987. С.295). Здесь сразу следует отметить, что имеет смысл развести понятия «психическая активность» и «активность как поведение». На поведение, внешнее проявление активности, могут оказывать влияние различные внеустановочные факторы, в то время как на внутреннюю психическую активность больше влияние будут оказывать факторы установки.

Надирашвили говорит об этом как о возникновении психической активности и ее протекании в направлении выполнения намеченной задачи. На наш взгляд, именно это позволяет раз-

вести понятия психической активности и поведения. Надо отметить, что социальная установка, понимаемая как фиксированная установка, может в принципе возникать в «упрощенном варианте», то есть не на базе возможности и потребности, а на базе прошлого опыта или других факторов формирования установки.

Таким образом, уровень аттитюда может рассматриваться как второй уровень социальной установки, который меньше зависит от потребности и окружающего мира, но больше – от прошлого опыта и научения. На третьем уровне установки – тенденции к действию – установочные факторы еще более ослабевают, уступая место факторам влияния внешней среды. Подобное гибкое трехуровневое строение социальной установки обеспечивает адекватное поведение индивида. Оно подобно дереву с мощными корнями, прочным стволом, но очень гибкими ветвями, иначе мало шансов быть не сломленным бурными порывами ветров жизни.

Таким образом, *социальная установка в своей основе фундирована общепсихологическим законом формирования установки на базе встречи потребности и возможности, затем на этой основе возникает аттитюд, имеющий свои закономерности формирования, который потом постепенно превращается в переходное состояние между социальной установкой и поведением – тенденцию к действию.*

Что же касается различных попыток предсказать поведение на основе установки, многочисленных экспериментов по поиску соответствия поведения и установок, подобных экспериментам Лапьера, то нам данный подход представляется отражением американского взгляда на роль психолога в обществе, которому уготованы две функции: академический ученый и «социальный технолог» (манипулятор). Именно эти две позиции, перенесенные на нашу почву, породили страстное желание манипулировать личностью «во благо общества». Думается, нет необходимости доказывать очевидное. Как отмечает П.Н. Шихирев, для иной позиции психолога в обществе важна гражданская позиция, которую он видит в европейской психологии через роль психолога-«социального критика», «эманси-

патора». Основная задача психолога здесь видится в том, чтобы осуществлять тотальную критику через вовлеченность в событие, сотрудничество с теми, для кого проводятся исследования (см.: Шихирев, 1999).

Исходя из этого для психолога будет гораздо важнее не прогноз поведения, а помощь индивиду в овладении своими потенциями, возможностями окружающего мира. При этом подразумевается, что психически здоровая личность будет направлять свои усилия прежде всего на реализацию своего внутреннего потенциала, но не на деструктивную деятельность, при возникновении которой, собственно, и нужен прогноз поведения. Задачи же манипулятивной пропаганды должны быть рассмотрены в этом случае отдельно.

Возвращаясь к вопросу соотношения поведения и установки, следует отметить, что, по Надирашвили, после экспериментов Лапьера исследования соответствия установки и поведения пошли по двум различным направлениям. Первое видело в установке один из частых факторов поведения, который действует одновременно с другими. К ним можно отнести работы Леонарда Дуба (Doob, 1947). Как уже отмечалось, для него установка – это опосредующая переменная, которой индивид научается посредством выработки определенного отношения и выработки определенного поведения.

Второе направление отмечает, что одинаковые установки – это только видимость, на самом же деле нет двух одинаковых установок. Этой позиции придерживались Чейн и другие (Chernin, 1948). Это так называемая многокомпонентная теория установки, в которой при выяснении ее особенностей необходимо учитывать все компоненты и степень совместимости между ними.

Различное поведение является следствием различных несовместимых компонентов. Эту идею развил далее Фишбейн (Fishbein, 1968). Он отмечал, что Лапьер не исследовал фактически установок владельцев гостиниц к студенческой паре китайцев. Сам анализ установки был значительно шире анализа поведения, где брался только один компонент.

Лапьер не учитывал также степень близости того, чьи установки измеряются, и объекта установки. Не бралось во внимание и то, какого рода поведение прогнозируется на основе установки. Розенберг (Rosenberg, 1963) подчеркивал, что нужно иметь данные относительно всех компонентов установки. Шоу и Уайт (Show, White, 1967) отмечали, что установка вообще не есть тот механизм, который подразумевает определенную тенденцию к действию.

Как отмечает Надирашвили, в ряде исследований подтверждается соответствие установки и поведения. Например, работа Креча, Крачфильда и Балачи приводит к выводу о том, что при соответствии между различными компонентами можно предполагать соответствие установки и поведения. Фергюссон отмечает необходимость рассмотрения всей системы установок, поскольку установка не является изолированным компонентом в созвездии других установок (Kreck, Crutfield, Balachy, 1969; Fergusson, 1939). Важно также определить степень вовлеченности «Я», периферийность установки, чтобы обозначить степень ее влияния на поведение.

Надирашвили объясняет парадокс Лапьера с позиций теории установки в общей проблеме связи установки и поведения, отмечая при этом, что необходимо наличие актуально-моментальной установки, с которой связана и социальная установка как вид фиксированной установки. Без актуальной установки не может осуществляться активность индивида, хотя иногда вместо нее может возникать фиксированная установка.

В парадоксе Лапьера Надирашвили видит проблему взаимоотношений поведения с оценкой социального объекта, а не установки и поведения, поскольку выражение отношения еще не есть установка. Во втором случае (вопрос в письме Лапьера) у владельцев гостиниц возникает акт объективации, которого не было, по мнению Надирашвили, в первом случае. Мы также предложим далее свое объяснение парадокса Лапьера, исходя из нашего понимания структуры и функций социальной установки. Сейчас же важно еще раз напомнить, что поведение необходимо рассматривать только во взаимосвязи с дру-

гой важнейшей категорией в теории установки – активностью. Д.Н. Узнадзе начинает свое исследование именно с понятий развития и активности.

Нам представляется, что приводимое ниже высказывание Узнадзе отвечает феноменологическому подходу к установке. «Всякая активность означает отношение субъекта к окружающей действительности, к среде. При появлении какой-нибудь конкретной потребности субъект, с целью ее удовлетворения, направляет свои силы на окружающую его действительность. Так возникает поведение. Как видим, оно подразумевает, с одной стороны, потребность и силы субъекта, с другой стороны, среду, предмет, который должен ее удовлетворить. Поведение представляет собой приведение в действие этих именно сил, и понять его вне потребности и предмета, ее удовлетворяющего, совершенно невозможно: конкретное действие определенных сил обусловлено конкретной потребностью, которая удовлетворяется определенным предметом. Следовательно, то, какие силы приведет субъект в действие, каково будет это действие, зависит от нужного субъекту предмета, на который он направляет свои силы: особенности действия, активности, поведения определяются предметом. Активность имеет всегда предметный характер; беспредметное действие было бы хаотично, бессмысленно, лишено всякой определенности, так что никто и не смог бы его назвать поведением» (Узнадзе, 1966. С.332).

Здесь важно то, что установка не мыслится вне отношения, вне своего предмета, вне окружающего мира. А сама активность индивида определяется предметом, окружающим миром. В этом нам видится принципиальная возможность анализа проблем установки с точки зрения экологического подхода Дж. Гибсона, в котором не хватает именно этого механизма установки, который мог бы «учитывать в одно и то же время и субъект, и предметную действительность», одновременно соответствуя одному и другому. В экологическом подходе эту функцию выполняет непосредственное восприятие, но не разработан механизм этого непосредственного восприятия.

Таковым нам представляется именно экологической компонент социальной установки. Узнадзе пишет: «Следовательно, понятие установки позволяет судить, почему поведение целесообразно и имеет смысл, то есть учитывает в одно и то же время и субъект, и предметную действительность, соответствует и тому, и другому; оно позволяет понять, почему в участвующих в поведении силах учтен именно определенный предмет, и в случае его наличия стимулирует нас к действию, а при его отсутствии никогда не создает действительного поведения» (Узнадзе, 1966. С.333). Если соотнести теперь проблему Лапьера с последними словами в данном высказывании Узнадзе, то ответ будет достаточно очевиден.

Поведение и его связь с установкой – это одна из важнейших проблем установки. Другой такой проблемой является проблема первичности установки и деятельности. Данный вопрос активно разрабатывался А.Г. Асмоловым в его концепции установки. Спор между теорией деятельности и теорией установки породил множество работ, наиболее значительные среди которых – «Установка и деятельность» Ш.А. Надирашвили и «Деятельность и установка» А.Г. Асмолова. Рассмотрим позицию последнего автора.

Проблемы взаимодействия установки и деятельности

В свое время А.Г. Асмолов, касаясь центрального вопроса, писал: «В социально-психологических исследованиях всегда упоминается теория Узнадзе, когда речь заходит об установке. Но при этом иногда допускается неоправданное смешение ключевого понятия этой теории – понятия первичной установки – с понятием социальной установки, несмотря на то, что представители школы Узнадзе неоднократно выступали против такого смешения. Однако развести понятия первичной установки и социальной установки не удастся до тех пор, пока не будет решен вопрос об отношениях между установкой и деятельностью. Представители школы Д.Н. Узнадзе в течение многих лет последовательно отстаивают идею о существова-

нии первичной установки, предваряющей и определяющей развертывание любых форм психической активности (Ш.А. Надирашвили, А.С. Прангишвили, Ш.Н. Чхартишвили). Представители же деятельностного подхода (А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин) не менее последовательно отстаивают альтернативную позицию, которая может быть лаконично передана формулой: «Сначала было дело» (Асмолов, Ковальчук, 1977. С.148).

Анализируя причины, заставившие Д.Н. Узнадзе постулировать первичность установки, А.Г. Асмолов предполагает, что психика рассматривалась Узнадзе как состоящая только из сознания. Мы уже отмечали, что едва ли возможно подобное понимание психики в работах Узнадзе, поскольку он сам неоднократно на это указывает, а также потому, что уже невозможно называть психологию сознания традиционной для двадцатых годов XX века, когда уже было сформулировано большинство современных направлений психологии, в том числе и наиболее мощные – психоанализ, бихевиоризм, гештальтпсихология.

В работах школы Узнадзе установка – явление сугубо первичное в отношении любого психического феномена и психики вообще. В этом и был основной замысел преодоления «постулата непосредственности». Сам же А.Г. Асмолов обосновывает свою мысль следующим образом: «Если же мы вслед за некоторыми авторами (см., напр.: Бжалава, 1971) предположим, что установка первична по отношению к любым формам поведения вообще, появляется до поведения и, следовательно, любые уровни деятельности являются производными от установки, ее реализацией, то при переходе к конкретно-психологическому содержанию понятия установки как тенденции, готовности к определенному действию сталкиваемся с серьезными трудностями» (Асмолов, 1978. С.28), которые, по мнению А.Г. Асмолова, можно свести к двум основным положениям. Во-первых, это должно приравнять понятие «установка» к таким понятиям, как «либидо», «самость» и так далее.

Здесь А.Г. Асмолов приводит примеры подобного подхода у Фрейда, Адлера, называя это идеализацией. Им приводятся

слова Узнадзе, который, по мнению А.Г. Асмолова, предвидел возникающие трудности и поэтому писал: «Установка является соответствующей объективному положению вещей, модификацией живого существа, отражением в нем как в целом объективного положения вещей. Для понятия установки именно это и имеет существенное значение, а без этого указанное понятие не имело бы никакой ценности для психологии» (Узнадзе, 1940. Цит. по: Шерозия, 1969. С.191).

Однако этот отрывок из Узнадзе представляется нам гораздо более важным в другом отношении: здесь очень хорошо показана взаимозависимость индивида и окружающего мира, обусловленность установки не только внутренним состоянием индивида, что в конечном итоге будет характерно для концепции А.Г. Асмолова, но и окружающим миром в виде его возможностей. Во-вторых, возникает «заколдованный круг», когда установка есть результат взаимодействия ситуации и потребности, а сама ситуация есть не что иное, как восприятие. Это же означает первичность восприятия, то есть в данном случае – деятельности.

В этих словах есть определенный смысл, но, по нашему мнению, не там, где его видит Асмолов. Дело в том, что ситуация может пониматься не только как восприятие, и даже не столько как восприятие. Ведь Д.Н. Узнадзе всегда подчеркивает ситуацию как нечто внешнее, индивиду не принадлежащее, как то, на что направлены деятельность индивида, его потребности. Восприятие же – явление сугубо интрапсихическое, которое, конечно же, первично для данного мгновения. Однако и само восприятие можно понимать по-разному. Нам, например, глубоко симпатично изложение взглядов на восприятие Дж. Гибсоном, который говорит о непосредственности процесса восприятия, о постулате непосредственности, то есть о том, с чем, на первый взгляд, боролся Д.Н. Узнадзе.

Таким образом, мы пытаемся подойти к проблеме с двух позиций: 1) уточнить понятие «среда»; 2) уточнить понятие «восприятие». Среда видится нам как понятие, близкое по своему содержанию к понятию «окружающий мир» в экологическом подходе в психологии, что означает многое, но прежде

всего – его особое строение, а именно: встроенность элементов, взаимозависимость частей, взаимодополнительность мира и индивида.

Для нас самым существенным в понятии «окружающий мир» является тот факт, что этот мир содержит в себе возможности для удовлетворения потребностей индивида. В этом – суть их взаимосвязи и взаимодополнительности, в этом особенность экологического подхода Дж. Гибсона. Потребности индивида и возможности окружающего мира, таким образом, обречены на взаимодействие в рамках одной системы – окружающего мира. Иными словами, *ситуация у Д.Н. Узнадзе – это вовсе не восприятие, а возможности окружающего мира.*

Восприятие же само по себе является непосредственным и прямым, суть же восприятия состоит в извлечении возможностей окружающего мира. Индивид воспринимает не свет, звук и так далее, а возможности, которые предоставляет ему световая волна, колебания воздуха в окружающем мире. Звук падающего дерева в глухом лесу не существует для индивида, поскольку нет возможности его воспринимать, хотя сама по себе звуковая волна в лесу такая же, как на площади среди толпы. Это положение имеет для нас чрезвычайную важность, ибо снимает обвинения в теории «порочного круга», когда одно неизвестное объясняется другим неизвестным явлением.

Нам также представляется, что нет противоречия между постулатом непосредственности Дж. Гибсона и преодолением онога в теории Д.Н. Узнадзе, ибо за счет введения экологического компонента в установку мы получаем возможность установки оценивать через механизм интенциональности возможности окружающего мира непосредственно, прямо.

Установка, таким образом, принадлежит (именно своим экологическим компонентом) одновременно и индивиду, и окружающему миру, что подчеркивалось в школе Д.Н. Узнадзе.

А.Г. Асмолов для решения этого же вопроса предлагает свой вариант, который может быть выражен в двух формах: 1) отказаться от решения вопроса о соотношении восприятия и

установки; 2) обратиться к теории отражения. «Попытка объяснить иерархию деятельности через иерархию лежащих в ее основе регулятивных механизмов вступает в противоречие с ходом развития регулятивных механизмов и поведения в филогенезе, поскольку поведение постоянно опережает в филогенезе формирование этих механизмов» (Асмолов, 1979. С.30). И далее он отмечает: «При исследовании вопроса об отношении между деятельностью и установкой всегда необходимо четко различать два аспекта рассмотрения: генетический и функциональный. Сказанное выше целиком и полностью относится к генетическому аспекту рассмотрения, но отсюда ни в коем случае не вытекает, что и в функциональном аспекте наблюдается аналогичная картина взаимоотношений между установкой и деятельностью. Напротив, в функциональном аспекте установка, сформированная в предшествующей деятельности, может вести деятельность и определять ее устойчивость» (Асмолов, 1979. С.31).

Второе решение предлагает Ш.А. Чхартишвили (1971), который полагает, что противоречие в данном случае можно решить, обращаясь к теории отражения. «Материальным базисом установочного отражения везде и всюду является физическое отражение и, следовательно, нет надобности для допущения какого бы то ни было восприятия, предшествовавшего возникновению установки» (Асмолов, 1979. С.31). Однако он считает, что это тоже не дает выхода, ибо физическое отражение в снятом виде есть во всех уровнях отражения.

Третье решение предлагает сам Д.Н. Узнадзе. Он вводит помимо двух факторов (потребности и ситуации) еще и фактор, который назвал «особым восприятием», «замечанием». Таким образом, возникают три степени восприятия: 1) степень замечания; 2) степень восприятия; 3) степень объективации. Вслед за этим А.Г. Асмолов замечает, что если существует замечание, то есть активность, то это предполагает работу, а значит, и деятельность.

Оставив в стороне размышления о том, что замечание есть работа, а работа есть деятельность, обратим особое внимание на сам факт выделения Д.Н. Узнадзе данного феномена. В на-

шем представлении он понадобился Узнадзе именно потому, что перед ним стояла проблема «самого первого восприятия» – то, что мы называем первоначальным выбором возможностей.

Данный механизм замечания, особого восприятия должен служить самому первичному анализу возможностей окружающего мира. Мы предполагаем, что это механизм интенциональности экологического компонента установки, который имеет имманентное свойство быть направленным одновременно на потребность индивида и возможность окружающего мира и может их анализировать.

Д.Н. Узнадзе пишет: «Мы должны признать, что в случаях актуальности какой-нибудь потребности и наличия объекта как условия ее удовлетворения субъект в первую очередь должен заметить, должен «воспринять» этот объект, чтобы затем, получив установку, быть в состоянии обращаться к соответствующим актам деятельности, рассчитанной на удовлетворение потребности. Словом, получается, что «восприятие» объектов, касающихся поведения, возникает раньше, чем установка на поведение» (Узнадзе, 1961. С.172).

Совершенно не случайно Д.Н. Узнадзе берет понятие «восприятие» в данном случае в кавычки, подчеркивая тем самым то, что концепция восприятия не может объяснить данное явление. Существовавшее в то время представление о механизме восприятия (которое во многом осталось таковым и до сих пор) не позволяло корректно решить данную проблему. Только понимание восприятия как существующего непосредственно дает нам шанс прояснить вопрос.

Восприятие, понимаемое как восприятие возможностей, а не как восприятие стимулов, позволяет решить вопрос первичной установки без разрушения основной идеи опосредования Д.Н. Узнадзе.

Здесь же следует вернуться к понятию «биосфера», которое использовал Д.Н. Узнадзе для преодоления постулата непосредственности. Именно в рамках данного понятия, на наш взгляд, будет проще понять, каким образом автору видится «восприятие до восприятия». Важно замечание о том, что по-

нятие «биосфера» включает в себе явления как физического, так и психического мира, оно является своеобразным психическим феноменом и имеет способность влиять на поведение индивида. Во-первых, здесь можно говорить о неосознанной форме восприятия, которая первична по отношению к установке и более зависима от ситуации, нежели сама установка. Нам же гораздо более значимым кажется второй аспект – неосознанная часть восприятия. Это не что иное, как **интенциональная часть установки, которая имеет имманентное свойство анализа возможностей внешнего мира.**

Таким образом, нам представляется вполне реальным предложить еще и четвертый вариант ответа – установка на разных уровнях своей структуры может быть первична по отношению к восприятию и вторична по отношению к восприятию и деятельности. На первом уровне, определяемом нами как уровень экологического компонента установки, восприятие обусловлено интенциональностью экологического компонента, на втором уровне, уровне собственно аттитюда, установка вторична по отношению к деятельности и восприятию.

Завершая размышления о состоянии установки и деятельности, установки и восприятия, А.Г. Асмолов делает выводы, что существуют два плана анализа первичной установки: 1) методологический и 2) онтологический. В первом плане установка рассматривается как опосредующее звено в преодолении постулата непосредственности, во втором плане необходимо вычленять реальные признаки первичной установки. В методологическом плане установка первична по отношению к сознанию в момент введения понятия в психологию, затем возникает другой смысл – первичность по отношению к деятельности. Это стало результатом абстрактного понимания установки как опосредующего компонента. Принципиальная бессознательность установки, по Д.Н. Узнадзе, – это стремление выйти за границы сознания. В онтологическом плане первичность установки по отношению к деятельности приводит к парадоксам. Допущение активности приводит к введению деятельности в схему установки, но вместе с другими компонентами (см.: Асмолов, 1979. С.35).

Формирование установки затрагивает два принципиальных вопроса – связь потребности и установки и связь ситуации и установки. Узнадзе сам определял потребность как психофизическое состояние, выражающее нужду, которое обуславливает динамичность установки. «Сама по себе среда не дает субъекту никакого стимула действия, если он совершенно лишен потребности, удовлетворение которой стало бы возможным в условиях этой среды. Среда превращается в ситуацию того или иного нашего действия лишь сообразно тому, какой мы обладаем потребностью, устанавливая с ней взаимоотношения» (Узнадзе, 1940. С.74. Цит. по: Асмолов, 1979. С.37).

В данном случае, соотнося подходы Узнадзе и Гибсона с понятиями «среда» и «окружающий мир», можно сказать, что здесь мы находим прямое признание обязательности активности индивида, а также невозможность рассмотрения взаимоотношений между индивидом и средой по схеме стимул – реакция: «среда не дает никакого стимула».

Ранее мы говорили о том, что *восприятие не может пониматься традиционно как стимулирующий рецепторы поток из окружающего мира, но должно пониматься как извлечение возможностей окружающего мира.*

Таким образом, мы находим подтверждение этой идеи у Узнадзе. Само по себе узнадзевское «превращение среды в ситуацию того или иного действия лишь сообразно тому, какой мы обладаем потребностью, устанавливая с ней взаимоотношения», наглядно демонстрирует, с одной стороны, невозможность стимульно-реактивного подхода в восприятии, с другой стороны, позволяет перейти к более углубленной трактовке среды через понятие гибсоновского окружающего мира с его принципами организации и возможностями. Поэтому у индивида появляется свойство извлечения возможностей только из окружающего мира для удовлетворения своих потребностей.

Активность понимается Д.Н. Узнадзе не только как прием, но и как источник. Если человек впервые испытал потребность, но у него нет средств, чтобы ее удовлетворить, то у него не возникает и установка. Если у человека нет прошлого опы-

та, то нет и установки. «Мы особенно акцентируем внимание на этих положениях, чтобы отметить кардинальный и, к сожалению, часто забываемый факт: до того, как в процессе активности не будут найдены средства удовлетворения потребности, до поведения активности установки не возникает» (Асмолов, 1979. С.38).

С этим можно согласиться, но надо сделать лишь небольшую оговорку – речь идет о формировании аттитюда. Для нас имеет большое значение мысль А.Н. Леонтьева о переходе потребности на собственно психологический уровень, который происходит при обращении индивида к окружающему миру, где он черпает возможности: «Встреча потребности с предметом есть акт чрезвычайный, акт опредмечивания потребности – «наполнение» ее содержанием, которое черпается из окружающего мира. Это и переводит потребность на собственно психологический уровень» (Леонтьев, 1975. С.88). Активность индивида, направленная на извлечение возможностей из окружающего мира, приводит к тому, что он получает возможность удовлетворить свои потребности.

Нам представляется, что в данном случае термин «содержание» более удобен для обозначения того, что Гибсон называет информацией окружающего мира. Опредмечивание потребности здесь есть момент придания установке направленности, в то время как момент формирования установки относится, таким образом, несколько вперед – к моменту выбора возможности в окружающем мире. Конечно же, А.Н. Леонтьев не использует в данном контексте термины Дж. Гибсона «возможность», «информация», хотя его понимание термина «содержание» кажется достаточно близким к ним. В книге «Деятельность. Сознание. Личность» Алексей Николаевич пишет: «Развитие потребности на уровне психологическом происходит в форме развития их предметного содержания (...) И так, потребности управляют деятельностью со стороны субъекта, но они способны выполнять эту функцию лишь при условии, что они являются предметными. Отсюда и происходит возможность оборота терминов, который позволил К. Левину говорить о побудительной силе (Aufforderungsscharakter) самих

предметов» (Леонтьев, 1975. С.145). Если в данном случае быть педантичным, то надо отметить, что возникает первичность потребности по отношению к деятельности. Но не это является самым существенным; гораздо важнее, что потребность только тогда наполняется каким-то энергетическим содержанием, когда она находит предмет своего удовлетворения в окружающем мире. Это как раз феномен установки Д.Н. Узнадзе, только выраженный другими словами. А «побудительная сила самих предметов» есть не что иное, как возможности окружающего мира, которые всегда потенциально в нем содержатся, предоставлены индивиду и тем самым притягательны для него.

Рассматривая роль самих предметов, А.Н. Леонтьев далее пишет: «Процесс развития предметного содержания потребности не является, конечно, односторонним. Другая сторона состоит в том, что и сам предмет деятельности открывается субъекту как отвечающий той или иной его потребности» (Леонтьев, 1975. С.145).

Для нас здесь чрезвычайно важна мысль о необходимости для индивида активно извлекать предметное содержание. Таким образом, здесь нет особой необходимости спорить о первичности установки или деятельности – они прекрасно взаимодополняют друг друга. А что касается требования теории установки о первичности последней, то оно вполне справедливо хотя бы только потому, что такие основания лежат в базовых посылах теории, и это делает ее внутренне непротиворечивой. То же самое можно сказать и о понимании установки А.Г. Асмоловым: для его системы ему понадобилось другое представление об установке, и он ее обосновывает вполне логично исходя из консистентности своей гипотезы.

А.Г. Асмолов на основе анализа приходит к выводу, что за понятием первичной установки у Д.Н. Узнадзе стоит конкретно-психологическое явление, известное в психологии под именем феномена «побуждающего характера предметов». Он отмечает, что в процессе возникновения первичной установки можно выделить три момента: потребность, активность, ситуацию удовлетворения. Первый и третий, по мнению

А.Г. Асмолова, образуют единство лишь в том процессе активности, который и является основным источником возникновения активности. Отсюда он делает вывод, что установка представляет собой не что иное, как момент деятельности субъекта.

Рассудив таким образом, нам кажется, А.Г. Асмолов полностью нейтрализовал специфику теории установки, подчинив ее теории деятельности. Он выделяет в концептуальном аппарате теории установки по отношению к деятельности две формы потребностей: 1) потребность «до встречи» с предметом удовлетворения – условие и предпосылка возникновения деятельности; 2) потребность «после встречи» с предметом – установка, направляющая процесс деятельности (см.: Асмолов, 1979. С.40).

Анализируя «мотив» и «поведение», А.Г. Асмолов отмечает, что при соотношении мотива и поведения Узнадзе не сводит мотив к внутренней побудительной оценке и помещает его вне субъекта. При этом он подчеркивает неотъемлемость мотива от поведения. Д.Н. Узнадзе считает, что для установки важнейшим является то, на что она направлена. Это имеет для нас чрезвычайное значение, ибо подчеркивает важность понятия окружающего мира и подводит вплотную к понятию интенциональности установки.

В понимании Д.Н. Узнадзе именно направленность на предмет установки является ее самой важной характеристикой, ее важнейшим имманентным свойством. «В зависимости от того, непосредственно или опосредованно предмет, «нужный» субъекту, вызывает установку на целостное состояние, Д.Н. Узнадзе выделяет план установки и план объективации» (Асмолов, 1979. С.45). План объективации рассмотрен здесь как продукт деятельности субъекта, а план установки – как импульсивное поведение, которое возникает лишь в простых стандартных ситуациях.

Далее автор представляет «эскиз» классификации установок, которые он видит как непосредственные и опосредованные по отношению к предмету. Первые, в свою очередь, могут быть индивидуальными (своя объективация) либо результатом

чужой объективации (опытом поколения). По происхождению установки делятся им на установки практического поведения и установки теоретического поведения.

А.Г. Асмолов приводит различия между первичной и фиксированной установкой, которые выработаны Ш.А. Чхартишвили: первичная установка прежде всего характеризуется тем, что это всегда состояние субъекта, его модус, в котором заранее отражен общий характер всего поведения. В то же время это – динамичное явление, которое «само себя снимает», то есть исчезает после совершения акта поведения. Это преходящее состояние, которое обладает целостной природой. «Она определяет ход течения явлений сознания, никогда не вступая в пределы сознания, в то время как фиксированная установка – это, прежде всего, «состояние хронического порядка», которое существует в инактивном виде, пока не попадет в соответствующие условия, после чего она актуализируется независимо от адекватности.

Фиксированные установки могут быть организованы в неограниченном числе в рамках структуры личности. «Перечислив все эти признаки первичной и фиксированной установки, Ш.А. Чхартишвили делает вывод, что фиксированная установка – традиционный объект исследований в школе Д.Н. Узнадзе – вообще не может быть признана установкой» (Асмолов, 1979. С.51). А.Г. Асмолов отмечает, что Д.Н. Узнадзе для изучения первичных установок изучал фиксированные установки, однако его последователи стали целиком изучать только фиксированные установки. «На наш взгляд, из исследований Ш.А. Чхартишвили вытекает не вывод о том, что фиксированные установки вообще не относятся к установочным объектам, противоречащим представлениям об установке как о готовности к действию, а только то, что различные по своей природе установки не могут быть приведены к одному общему знаменателю – единой всепоглощающей установке. Такое сведение будет тем не менее происходить, пока во всей полноте не будет поставлен вопрос о содержании, которое выражает в деятельности та или иная форма готовности и от которого зависит ее специфика» (Асмолов, 1979. С.84).

В данном случае совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечен факт постоянного стремления к интеграции отдельных установок в единую систему, что вполне закономерно ставит вопрос о содержании этой единой системы. Однако данный процесс представляется нам вполне закономерным и необходимым в рамках любой теории вообще, поскольку дальнейшие обобщения есть свойство любой теории.

Вероятнее всего, следует признать необходимым объединение теории установки и теорий аттитюда как занимающихся оттенками единого по своей сути явления. Процессы дифференциации самого явления вызваны не только сложностью его познания, но и многоплановостью его проявления в личности. Сложность феномена установки ни у кого не вызывает сомнения, как и настоятельная потребность комплексного подхода к проблеме, что и осуществляется с разной степенью успешности в различных направлениях. Следующим шагом неизбежно будет объединение всех теорий в единую концепцию о «всепоглощающей установке». Нам представляется, что данное соединение может быть осуществлено уже сейчас на базе экологического подхода в психологии.

Определяя место и функции установочных явлений в общей структуре деятельности, А.Г. Асмолов рассматривает их исходя из психологического строения деятельности. «Содержание установок зависит от того, какое место в структуре деятельности они занимают» (Асмолов, 1979. С.62). Он определяет три уровня установки соответственно структурным элементам деятельности – цели, смысла, операции.

На уровне смысловой установки А.Г. Асмолов обозначает следующие ее особенности: 1) выражение личностного смысла в виде готовности к действию; 2) установка на этом уровне может осознаваться и не осознаваться; 3) сдвиг смысловых установок всегда опосредован изменением деятельности; 4) смысловые установки выступают в роли фильтра по отношению к установкам нижележащих уровней – целевой и операционной. Главная особенность, по мнению автора, состоит в том, что смысловая установка – это «цементирование» общей направленности деятельности, придание ей стабильности.

На уровне целевой установки А.Г. Асмолов выделяет следующие характеристики: 1) целевая установка – это готовность, которая вызвана предвосхищением (осознаваемым образом) результата действия и выполняет функции стабилизации; 2) без препятствия феноменологически не проявляет себя; 3) проявляется только при возникновении препятствия. Уровень целевой установки обозначается им как готовность к осуществлению действия, которая возникает в результате разрешения задачи на основе учета и предвосхищения.

Типы операциональной установки: 1) ситуационно-действенный; 2) предметный; 3) импульсивный (потребность момента). Первые два типа выделены А.В. Запорожцем. Все эти установки вырабатываются классическим методом «фиксирования». На их основе возможно вероятностное прогнозирование. При этом А.Г. Асмолов считает, что необходимым и определяющим моментом операциональной установки является «значение» предмета установки (см.: Асмолов, 1979. С.70).

Характеризуя взаимоотношения между установками различных уровней, он подчеркивает, что «между установками различных уровней складываются определенные взаимоотношения. Установки одного уровня могут переходить в установки другого уровня в том случае, если возникают изменения в структуре деятельности».

Таким образом, Асмолов видит установку как иерархический механизм стабилизации деятельности. Подобная позиция не могла не вызвать ответной реакции школы Д.Н. Узнадзе. Как результат родилась книга Ш.А. Надирашвили «Установка и деятельность» (1987), которую мы уже подробно рассматривали. В рецензии на эту книгу читаем «Критика теории деятельности А.Н. Леонтьева в монографии Ш.А. Надирашвили затрагивает, без сомнения, ее наиболее уязвимое звено, а именно игнорирование ею бессознательной психической активности, что приводит, по мысли автора, к постулату фиктивности индивида, когда «для Леонтьева субъект и вообще осуществляющий деятельность индивид психологически представляет фикцию», поскольку «деятельность существует еще до возникновения индивида, психики и сознания и поэто-

му не принадлежит к категории психологических явлений» (Надирашвили, 1987. С.160). С точки зрения теории деятельности, к последователям которой мы себя относим, понятие установки также не охватывает всех существенных моментов в объяснении развития индивида, особенно форм становления его как личности, то есть высших форм психической активности, основанных на сознательной регуляции им своей деятельности, своей социальной активности» (Фельдштейн, 1988. С.174).

Верно подмеченный недостаток в теории установки не снимает, однако, недостатков в теории деятельности. Помимо перечисленных можно говорить о спорности деления функций на «высшие» и «низшие», что само по себе освещает проблему осознанности и сознания совсем под другим углом. Если не делить психику на «высшую» и «низшую», тогда отпадает необходимость в разграничении сферы действия сознания и бессознательного. Тем более, что, по Д.Н. Узнадзе, установка может быть как явлением сознания, так и явлением бессознательного.

И здесь опять возникает еще один очень важный вопрос, который анализируется Д.Н. Узнадзе лишь вскользь, вопрос «особого замечания», который А.Г. Асмолов трактует в свете теории деятельности. «Но вопрос в данном случае, как нам кажется, не столько в том, что конкретно понимал под «замечанием» Д.Н. Узнадзе, а в том, что, говоря о «замечании», Д.Н. Узнадзе имплицитно предполагает наличие активности, которая предшествует возникновению первичной установки. Отсюда можно сделать вывод о том, что у самого Д.Н. Узнадзе установка в действительности выводится из поведения, из того, что делает субъект, а не поведение из установки» (Асмолов, Ковальчук, 1966. С.155). Очень верно подмеченное А.Г. Асмоловым слабое место теории, трактовка которого легла краеугольным камнем во всю его теорию.

И в самом деле! Если мы уберем этот момент, невольно разрушается вся логика рассуждений автора. Мы же позволим себе отметить следующую особенность, которая тоже обосно-

вызывает многое в наших рассуждениях и которая начинается там, где были недосказанные моменты в старой теории.

Главное здесь состоит в том, что *Д.Н. Узнадзе постоянно подчеркивает «особый» характер восприятия, особое замечание.* Можно принять мысль о том, что это активность, но тут же надо оговориться, что это особого рода активность, и особенность ее состоит в том, что она имеет интенциональный характер.

Как хорошо известно, в феноменологии Э. Гуссерля и психологии актов Ф. Brentano психика, сознание наделялись свойством интенциональности как имманентной данности психического. Однако нигде не был проработан вопрос о том, что же является механизмом интенциональности, какая часть психики или сознания обладает этим свойством? Что в сознании является интенциональным? – ведь сознание как таковое «лишено собственной психической специфики. (...) Поэтому сознание рассматривалось как общее «бескачественное» условие существования психики и обозначалось, по существу, метафорически (...), либо столь же неправомерно отождествлялось с какой-либо психической функцией, чаще всего со вниманием или мышлением». Даже если мы возьмем сегодняшние характеристики сознания – активность, интенциональность, способность к рефлексии, самонаблюдению, мотивационно-ценностный характер сознания, различные уровни ясности – и прибавим к нему позицию деятельностного подхода, который отмечает, что «структуры сознания формируются в раннем онтогенезе благодаря присвоению ребенком структуры такой деятельности, как общение (...), а структура совместной деятельности порождает структуру сознания, определяя его основные свойства: социальный характер (...), способность к рефлексии, внутренний диалогизм, предметность» (см.: Психология: Словарь. 1990. С.369). Даже и в этом случае мы не сможем ответить на вопрос: а что же, собственно, в сознании, какая его «часть» обладает тем или иным свойством? То есть фактически речь идет о механизмах сознания. Причем термин «механизм», естественно, условен, поскольку постепенно с развитием психологии им называют все более и более глубин-

ные структуры. Конечно же, и это не самый «последний» механизм психической организации, но он более детальный, несколько более конкретизированный.

В своей теории Д.Н. Узнадзе удивительно точно почувствовал необходимость существования какого-то более тонкого механизма именно в том месте, которое он назвал «особым восприятием», «замечанием». Если мы будем следовать логике А.Г. Асмолова, которая не лишена оригинальности, то невольно вернемся на «круги своя», то есть опять к категории деятельности, не прояснив тем самым наши представления о глубинных механизмах психики, поскольку так требует представление об установке как стабилизаторе деятельности. Нам же видится более глубинное свойство установки, которое характеризуется нами как механизм интенциональности экологического компонента установки.

Мы предполагаем, что «особое восприятие», замечание Д.Н. Узнадзе характеризуется прежде всего его интенциональностью, то есть способностью быть направленным на конкретный предмет. Особая активность установки в данном случае обеспечивает направленность на возможности окружающего мира и выбор одной из этих возможностей. Таким образом, мы дополняем теорию Д.Н. Узнадзе представлением о том, что есть такое его «особое восприятие», а феноменологию Э. Гуссерля – конкретным «носителем» интенциональности, которая обладает единственным свойством – направлять, но сама не имеет никакого содержания, не может быть определена эмпирически.

Теперь наиболее отчетливо предстает предлагаемый А.Г. Асмоловым путь решения проблемы «особого восприятия». «Если предложенная нами интерпретация содержания понятия «первичная установка» верна, то мы попытаемся определить то место, которое установка занимает внутри деятельности, опираясь на представления о деятельности, выработанное в отечественной психологии, в частности на теорию деятельности А.Н. Леонтьева. Нам представляется, что первичная установка в деятельности выполняет чрезвычайно важную роль, а именно: она направляет поисковую активность на

предмет, то есть понятие первичной установки отражает в концептуальном аппарате теории деятельности акт «встречи» потребности с предметом потребности. С нашей точки зрения, первичная установка представляет собой не что иное, как момент в формировании фиксированной установки. Первичная установка существует до тех пор, пока не произойдет «встреча» с предметом потребности. Предмет же потребности – материальный или идеальный, чувственно воспринимаемый или данный только в представлениях, в мысленном плане – есть мотив деятельности. Тогда функционально акт развертывания деятельности до первого удовлетворения потребности может быть представлен следующим образом: потребность → направленность поисковой активности на предмет потребности (первичная установка) → предмет потребности (мотив)» (Асмолов, Ковальчук, 1977. С.155).

В приведенной пространной цитате содержится много своеобразных и ценных наблюдений, однако все-таки остаются некоторые вопросы. Например, если считать первичную установку только моментом «до тех пор, пока не произойдет «встреча» с предметом потребности», то каким же образом формируется сама первичная установка? Ведь, если следовать Д.Н. Узнадзе, первичная установка и возникает в момент «встречи», а фиксированная установка есть результат закрепления первичной установки (и не более того!). Понятие фиксированной установки введено Узнадзе для экспериментального изучения установки вообще. Он даже подчеркивает однажды, что между ними нет особой разницы.

Чрезвычайно важной мыслью представляется замечание о том, что первичная установка «направляет поисковую активность на предмет». Но опять возникает вопрос: ведь предмет уже «найден», коль существует данная установка. Она может стать фиксированной, но все равно предмет не изменится, он уже есть, уже «найден» в момент «встречи». Все это говорит о том, что направленность на предмет, поиск предмета происходит несколько раньше, надо искать более глубинный механизм поиска этого предмета до момента «встречи».

Опредмечивание потребности – факт фундаментального значения, очень верно подмеченный А.Н. Леонтьевым. Но для того, чтобы произошло «опредмечивание», необходимо направить потребность на встречу с предметом, нужно задать ей верное направление. Направленность не может возникать в момент встречи. Направленность не может быть зависима только от потребности и работать по предложенной схеме, поскольку обе они зависят еще от одного главного компонента – предмета.

Нам представляется более удачным термин не «предмет», а «возможность», если исходить из понимания последнего в экологическом подходе в психологии. Следовательно, направленность может возникнуть в результате взаимодействия потребности индивида и возможности окружающего мира. Она имманентно присуща тому механизму, который находится на стыке этих двух составляющих, механизму, который гениально определен Д.Н. Узнадзе.

Кстати, сам Д.Н. Узнадзе, размышляя в своей работе «Психология деятельности» над тем, как достигается намеченная цель, замечает, что в современной ему науке существуют две теории: теория детерминирующей тенденции и теория квазипотребностей К. Левина. В первом случае представление цели способно воздействовать на поведение человека, во втором случае – «поведение есть результат разгрузки той энергии, источником которой являются наши потребности» (см.: Узнадзе, 1966. С.383). Автор замечает, что подобное введение ничего не дает для понимания причин целесообразного поведения. «Согласно Левину, решение порождает некое напряжение, и это автор называет квазипотребностью. Отсюда возможно объяснить только то, почему после принятия решения появляется тенденция его выполнения. А почему процесс выполнения характеризуется упорядоченной целесообразностью, и притом без непрерывного сознательного контроля со стороны субъекта, об этом одно только понятие потребности ничего не говорит» (Узнадзе, 1966. С.384).

И в самом деле! Если мы перенесем теперь все отмеченное выше Д.Н. Узнадзе на схему «функционального акта развер-

тывания деятельности до первого удовлетворения потребности» [потребность (направленность поисковой активности на предмет потребности (первичная установка) (предмет потребности (мотив))] А.Г. Асмолова, то и здесь останутся справедливыми все замечания Д.Н. Узнадзе. Он предлагает решать эту проблему не через понятие потребности, а через понятие установки. «Таким образом, мы видим, что в основе процесса выполнения решения лежит установка. Это и делает понятным и сравнительную легкость, как бы автоматичность протекания и все же упорядоченную целесообразность данного процесса» (Узнадзе, 1966. С.385).

Однако и сам Д.Н. Узнадзе не отвечает на главный для нас вопрос: каким же образом принимается решение в отношении того или иного предмета (возможности – в нашем толковании)? Как происходит выбор того или иного предмета (возможности) для удовлетворения потребности? Кто определяет направленность на конкретный предмет (возможность), если этим свойством не обладают «представление цели» и сами предметы – квазипотребности? Вот именно здесь и всплывает вопрос о неразработанности в теории установки понятия «потребность», когда отчетливо проявляется недостаточность деления потребностей на функциональные и субстанциональные.

Нам представляется, что решение этой проблемы возможно на путях анализа механизма интенциональности во взаимодействии с экологическим подходом в психологии. Таким образом, мы задействуем одновременно и феномены сознания – потребности индивида, и факты окружающего мира – возможности удовлетворения потребностей организма. При этом за основу нами принимается механизм формирования установки, предложенный Д.Н. Узнадзе, который обосновывает, по нашему мнению, не только взаимоотношения индивида и окружающего мира, но и отношения установки и социальной установки. «На наш взгляд, конструктивной для решения этого вопроса представляется концепция установки, предложенная Узнадзе и продуктивно разрабатываемая его школой. Именно установка, представляющая собой целостное состояние моби-

лизованности индивида на определенное действие, обеспечивает объединение всей системы включающихся в него психологических процессов» (Ломов, 1984. С.227).

Основные позиции концепции В.Н. Мясищева и В.А. Ядова

К сожалению, мы вынуждены весьма коротко осветить чрезвычайно важные вопросы, относящиеся к концепции отношений человека В.Н. Мясищева и к диспозиционной концепции регуляции социального поведения В.А. Ядова. Происходит это по двум основным причинам – ограниченность объема нашей работы и, главное, невозможность ассимилировать их в экологическую концепцию социальной установки. Теория установки Д.Н. Узнадзе и концепция установки А.Г. Асмолова активно использованы нами для фундирования собственного подхода. И, несомненно, вопрос диспозиционных установок и вопрос отношений являются для нас чрезвычайно важными, но, вероятно, это можно назвать делом ближайшего будущего. При этом вопрос отношений прямо касается нашего подхода и может стать основой ряда продуктивных идей в данном направлении исследования установки.

Характеризуя позиции теории отношений В.Н. Мясищева, Б.Ф. Ломов отмечал, что им разработана психологическая концепция субъективных отношений личности. «Понятие «субъективные отношения личности» близко по содержанию к понятиями «установка», «личностный смысл» и «аттитюд». Но, с нашей точки зрения, оно является по отношению к ним родовым. Понятие «установка», раскрываемое как центральная модификация личности (Узнадзе), подчеркивает интегральный характер субъективно-личностных отношений; «личностный смысл» – их связь с общественно-выработанными значениями; «аттитюд» – их субъективность» (Ломов, 1984. С.326).

Интересную особенность подмечает исследователь Бакрадзе: «Наконец, существует еще один класс нереальных предме-

тов, которые сами по себе нереальны, но связаны с реальными; эти нереальные предметы представляют собой отношения» (Бакрадзе, 1973. С.16). Итак, с одной стороны, отношения – это система связей, а с другой стороны, эта система не может существовать сама по себе, вне индивида, она всегда строго индивидуализирована, и это придает ей сходство с установкой. Принципиальную невозможность вычленения из общего потока психического понятия «отношение» и изучения его в том или ином виде (установка, аттитюд и так далее) можно встретить у многих авторов.

Интересна в этом смысле идея Секста Эмпирика почти двухтысячелетней давности: «Восьмой троп говорит об отношении к чему-нибудь; на основании его мы заключаем, что раз все существует по отношению к чему-нибудь, то мы удержимся говорить, каково оно обособленное и по своей природе» (Секст Эмпирик, 1976. Т. 2. С.234). Важнейшей особенностью при этом остается то, на что обращал внимание еще Герберт Спенсер, когда говорил, что психология должна рассматривать «не соотношения между внутренними явлениями, не соотношения между внешними явлениями, но соотношения между этими соотношениями» (Спенсер, 1898. Т. 3. С.85). На наш взгляд, эта очень тонко подмеченная особенность свойственна именно области отношений.

Важно здесь помнить замечание самого В.Н. Мясищева, который писал: «Прежде всего надо указать на необходимость разграничить понятие «отношение» как принцип психологического исследования и как категорию психического (в отличие от процессов, функций и состояний). Ограничивая и отграничивая понятие «отношение», мы столкнулись с необходимостью учесть два психологических понятия, которые (одно раньше, другое – сравнительно недавно) стали привлекаться к решению ряда вопросов психологии, а отчасти – и медицины для понимания психогенеза и обоснования психотерапии и болезненных состояний. Это понятия установки и значимости» (Мясищев, 1960. С.414). Характерно, что при этом самому В.Н. Мясищеву связь и различия между установкой и отношением видятся следующим образом: «Сформированное

отношение – сознательно (...) установка – бессознательна. Сознательное отношение, сформированное прошлым опытом, ориентируется на настоящее и на будущее. Отношение и ретроспективно, и перспективно. Установка определяет действие в настоящем и на основе прошлого. Отношение ретроспективно. Установка справедливо рассматривается как динамический стереотип, а отношение, становясь привычным, в значительной степени меняет свой характер» (Мясищев, 1960. С.414).

Согласно Мясищеву, в определении психического отношения надо отнести следующие признаки: 1) избирательность; 2) активность; 3) целостно-личный характер отношения; 4) сознательность. Нам представляется, что это слишком широкое определение понятия «отношение», допускающее, однако, и некоторое ущемление возможностей его употребления. Например, достаточно спорным представляется описание отношения как только сознательного феномена. Некоторые части определения при этом могут противоречить друг другу.

По Мясищеву, психическое отношение является собой внутреннюю сторону связи человека с окружающим миром. Мясищев выдвигает подход, в котором он все проблемы психологии предполагает рассматривать с точки зрения проблемы отношений. Ему кажется важным выявление связи между отражением и отношением, которые, по его мнению, представляют собой единство, поскольку объективная действительность отражается субъектом, который в это время так или иначе к ней относится. «Психологически отношения человека в развитом виде представляют интегральную систему избирательных сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности, вытекающую из всей истории его развития и внутренне определяющую его действия и переживания. Мы говорим «интегральную», потому что относится к действительности человек в целом. Если действовать может рука, воспринимать – глаз, то относится к чему-либо человек как личность, как субъект в целом» (Мясищев, 1957. С.143).

Не будет ошибкой, если к сказанному добавить, что в эту систему входят не только «сознательные связи личности» и что не только отношения могут определять его действия, име-

ются и другие детерминанты поведения. Но самое существенное возражение вызывает утверждение о том, что «действовать может рука, воспринимать – глаз». Эти утверждения – не более чем такой же конструкт, как следующее далее понятие «личность». Либо мы признаем условность и теоретическую возможность рассмотрения их отдельно (неизвестно, правда, с какой целью), либо мы должны сказать себе, что нет руки, которая «действует», нет глаза, который «воспринимает», нет личности, которая «относится», поскольку все это должно рассматриваться только в границах единого конкретного живого организма. Воспринимает не глаз, а весь организм в целом. Теоретическая абстракция подобного рода может быть приемлема разве что в физике, психология не может себе позволить «разложить» человека на «атомы», даже с целью изучения отдельных его частей.

Важным представляется тот факт, что Д.Н. Узнадзе рассматривал установку в тесной взаимосвязи с проблемой развития психики, это является его задачей, и с этого он начинает свое исследование. Однако развитие у него основывается на установке, на ее способности объективации. Если установочный уровень существует и в животном мире, и у человека, то уровень объективации мы можем наблюдать лишь у человека.

Можно, конечно, здесь спорить относительно «человеческих преимуществ над животным» и относительно основ человеческого мышления как логических законов, но ценно то, что Д.Н. Узнадзе пытается обрисовать механизм психического развития. В.Н. Мясищев пишет: «Отношения как сознательные избирательные связи являются продуктом индивидуального развития. В сущности, вопрос о развитии человека неразрывно связан с формированием его отношений» (Мясищев, 1957. С.148). Совершенно очевидно, что здесь, в отличие от Д.Н. Узнадзе, отношения сами являются продуктом развития, то есть их роль является второстепенной в вопросе психического развития, а механизм такого развития не детализируется и не исследуется.

Заслуга же Д.Н. Узнадзе в том, что он пытается решить вопрос механизма психического развития. Это сближает теорию

отношений В.Н. Мясищева с теориями аттитюда, где аттитюд также имеет зависимое, второстепенное значение по сравнению с процессами развития. Однако Б.Ф. Ломов склонен считать, что понятие «отношение» является родовым понятием по отношению ко всем перечисленным. «На наш взгляд, наиболее общим понятием, обозначающим перечисленные характеристики личности (и ряд других, не перечисленных здесь), является понятие «субъективные отношения личности». Речь идет о том, как личность относится к тем или иным событиям и явлениям мира, в котором она живет. В данном случае термин «отношение» подразумевает не только и не столько объективную связь личности с ее окружением, но прежде всего – ее субъективную позицию в этом окружении. «Отношение» здесь включает момент оценки, выражает пристрастность личности. Понятие «субъективные отношения личности» близко по содержанию к понятиям «установка», «личностный смысл» и «аттитюд». Но, с нашей точки зрения, оно является по отношению к ним родовым. Понятие «установка», раскрываемое как центральная модификация личности (Узнадзе), подчеркивает интегральный характер субъективно-личностных отношений; «личностный смысл» – их связь с общественно выработанными значениями; «аттитюд – их субъективность» (Ломов, 1984. С.326).

Еще раз подчеркнем, что мы здесь не претендуем на исчерпывающее описание понятия «отношение», поскольку это отдельная, очень сложная и интересная проблема. Мостиком же связи между теорией отношений В.Н. Мясищева и диспозиционной концепцией В.А. Ядова является все те же понятия «отношение» и «потребность».

Как известно, Ядов, предлагая диспозиционную концепцию регуляции социального поведения, исходил из базовой идеи Д.Н. Узнадзе о формировании установки в момент «встречи» потребности и ситуации. Поскольку установка рассматривалась в работах Узнадзе главным образом на элементарном уровне, то при классификации потребностей Ядов опирался на представления о социальном поведении. За основу классификации потребностей им взята известная классификация А. Маслоу, а ситуации квалифицированы «как условия дея-

тельности и структурированы по длительности времени, в течение которого сохраняется основное качество данных условий» (Андреева, 1988. С.359). Сама по себе подобная классификация ситуаций кажется нам не очень убедительной, но с точки зрения нашего подхода к установке понятие времени является очень существенным в системе формирования установки.

Исходя из подобной основы Ядов выделяет ситуации предметные, ситуации группового общения, деятельность в сфере профессии, быта, досуга, ситуации жизнедеятельности. В свое время Ш.А. Надирашвили писал о концепции Ядова: «Читатель, наверное, приблизительно понимает, какие психические явления подразумевает Ядов под диспозициями указанных уровней, однако до конца разобраться в них несколько затруднительно вследствие сложности природы этих психических образований и неясности принципа классификации. Если под диспозициями первых двух уровней понимаются фиксированные, сенсомоторные и социальные установки, то диспозиции третьего и четвертого уровней считаются структурами познавательно-эмоциональных переживаний» (Надирашвили, 1987. С.314).

Ядов при этом выделяет три уровня активности: практическую, теоретическую, социальную. Ядов больше склоняется к теории деятельности. Он создал теорию регуляции социальной активности человека на основе ценностно-установочных ориентаций.

Согласно Ядову, система регуляции социальной активности личности состоит из структуры четырех различных уровней. Первый уровень – иерархии диспозиций системы фиксированных установок, на основе которых совершаются простые действия и импульсивное поведение. Это установки практического поведения по Надирашвили.

Второй уровень – система фиксированных социальных установок. Именно этот уровень очень активно изучается в зарубежной социальной психологии. Второй уровень соответствует третьему уровню психической активности у Надирашвили.

Третий уровень – это система сложных социальных установок, где формируется общая доминирующая направленность

социальной сферы личности. «Третий уровень психической активности, введенный Ш.А. Надирашвили, относится уже к социальному поведению личности. Это – волевая активность, которая регулируется системой ценностных ориентаций, нравственных принципов, как они фиксируются в самосознании индивида, в его «психологическом автопортрете». Таким образом, установка – и фиксированная установка в частности – является психологическим механизмом регуляции как бессознательной, так и сознательной активности субъекта, она содержит механизмы и простейших, и сложнейших форм поведения» (Ядов, 1979. С.21).

Четвертый уровень является высшим и обуславливает ценностные ориентации личности на цели жизнедеятельности. Характеризуя концепцию Ядова, Надирашвили отмечает неясность принципа классификации как потребностей, так и ситуаций и постепенный переход на позиции теории деятельности, что и подтверждается Г.М. Андреевой: «Предложенная иерархия диспозиционных образований, взятая в целом, выступает как регулятивная система по отношению к поведению личности. Более или менее точно можно соотнести каждый уровень диспозиций с регуляцией конкретных типов проявления деятельности: первый уровень означает регуляцию непосредственных реакций субъекта на актуальную предметную ситуацию, второй уровень регулирует поступки личности, (...) третий уровень регулирует уже некоторые системы поступков (...) четвертый уровень регулирует целостность поведения, или собственно деятельность личности» (Андреева, 1988. С.361). При этом существует одна особенность, на которую мало кто обращает внимание, – Ядов говорит не об установках, а о диспозициях. И хотя это во многом похожие понятия, они не идентичны. Причем делает он это не с психологических, а с сугубо социологических позиций, а это должно быть непременно учтено при анализе конструктивности вклада в теорию установки.

Конечно же, высказанные замечания в адрес той или иной концепции установки ни в коей мере не умаляют заслуг их авторов, а позволяют наметить пути их дальнейшего развития,

которые лежат в области нерешенных проблем. Характеризуя позицию отечественных исследователей установки, следует отметить, что ими внесен значительный вклад в изучение общей проблемы этого сложнейшего психического образования. Основные идеи Д.Н. Узнадзе, высказанные им почти век назад, позволяют и сегодня плодотворно развивать изучение установки в оригинальном направлении. Особый вклад в это вносят ученики в последователи Д.Н. Узнадзе. И здесь надо назвать имена Ш.А. Надирашвили, И.Т. Бжалавы, И.С. Бериташвили, В.Г. Норакидзе, Д.А. Чарквиани, З.И. Ходжавы и многих других. Оригинальные концепции установки предложены А.Г. Асмоловым в общей психологии и В.А. Ядовым в социологии. Нам представляется, что позиции отечественных исследователей проблем установки, несомненно, вносят значительный вклад в дело изучения как проблемы установки, так и проблемы аттитюда.

Обозначив (очень условно) позиции отечественных психологов по проблеме установки, нам предстоит теперь последовательно высказать свои тезисы о том, что социальная установка может быть рассмотрена с позиций экологического подхода Дж. Гибсона. Это касается прежде всего вопросов соотношения понятий «ситуация» и «возможность», «ситуация» и «окружающий мир»; более подробного описания требуют такие понятия, как «экологический компонент социальной установки», «механизм интенциональности экологического компонента» и другие. Все это заставляет обратиться к более тщательному анализу экологического подхода Дж. Гибсона, что приведет нас в конечном итоге к феноменологическим проблемам экологической концепции социальной установки.

Основные проблемы исследования социальной установки в общей и социальной психологии

Формулируя основные результаты первых двух частей настоящего исследования и определяя главные перспективы исследования социальной установки, следует отметить прежде

всего возрастающее значение проблемы установки в психологии. На это указывают все без исключения авторы, изучающие аттитюд, социальную установку, установку и близкие к ним понятия. Вероятно, в перспективе это понятие станет одним из центральных в проблематике общей и социальной психологии.

Несмотря на это, в настоящее время существует большое количество вопросов установки, требующих своего решения. Прежде всего необходимо решить проблему позитивистского ориентирования исследований в области общей и социальной психологии на материале аттитюда и установки. Существующее сегодня относительно стабильное количество ежегодных работ (на общем фоне признания важности проблемы) свидетельствует как о пагубности позитивистского подхода, так и об исчерпанных возможностях основных направлений в психологии.

Вероятно, перспектива общего развития психологии (и проблемы установки в частности) связана с освоением философских традиций как прошлого, так и современности. Парадигма идей и подходов психологии должна быть расширена на основе ассимиляции философского наследия, с одной стороны, и новых нетрадиционных подходов к изучению окружающего мира, с другой стороны. Конкретизация указанных задач видится нам на путях использования феноменологического метода в области установки на базе экологического подхода в психологии.

Предлагаемый реальный мир экологического подхода сводит к минимуму позитивистские интенции экспериментального изучения установки и фундирует реализацию феноменологического метода исследования. Это обуславливается основными нерешенными проблемами установки. Проведенный анализ показывает ограниченность традиционных способов изучения установки, хотя многие ее проблемы были поставлены еще в конце XIX века.

Изучив различные точки зрения на процесс формирования аттитюда и установки, мы пришли к выводу о необходимости придерживаться позиций Д.Н. Узнадзе. Хорошо известно, что установка, согласно его гипотезе, формируется на основе

«встречи» потребности и ситуации ее удовлетворения. Проанализировав понятие «ситуация», мы посчитали необходимым заменить его на понятие «окружающий мир» в представлении Дж. Гибсона. Поскольку понятие «окружающий мир» характеризуется с точки зрения экологического подхода в психологии, в том числе и как содержащее возможности для удовлетворения потребностей индивида, то формула Узнадзе «потребности+ситуация» приобрела у нас вид: «потребности+возможности».

Как логическое следствие из данной посылки возник вопрос о механизме выбора возможностей в процессе формирования установки. Ведь реально индивид в данное мгновение всегда имеет в своем распоряжении больше чем одну возможность для удовлетворения потребности. Особо оговаривается, что речь идет о ситуации установочного поведения, которая отличается от ситуации принуждения любого вида. Важен тот факт, что момент выбора возможности окружающего мира должен быть осуществлен до момента начала формирования установки, поскольку данная возможность должна быть выбрана до «встречи» с потребностью.

Проанализировав различные точки зрения на вопрос соотношения аттитюда, социальной установки, установки и прочих родственных образований, мы пришли к выводу о необходимости объединения всех концепций аттитюда и социальной установки с теорией установки. Это определено задачами изучения единого психического образования. При этом понятие «социальная установка» видится нам как базовое для всех остальных.

Приняв за основу новое представление о взаимоотношениях окружающего мира и индивида, мы пришли к выводу о необходимости формирования новой структуры, новых функций, новых компонентов социальной установки.

На основе тщательного анализа работ по проблеме аттитюда и работ по проблеме установки мы пришли к необходимости констатировать неудовлетворительную разработку представлений о структуре, компонентах, функциях и определении социальной установки.

Вводя новый компонент социальной установки, мы пытались решить задачу целостного функционирования социальной установки в общей структуре психики индивида, находящегося в окружающем мире. Это определило поиск механизма выбора возможности окружающего мира. Поскольку ранее ни один из известных нам компонентов социальной установки не выполнял этой функции, то мы выделили новый компонент, названный нами «экологический компонент социальной установки». ***Функцией этого компонента является первичный выбор возможностей окружающего мира для последующего взаимодействия их с потребностями при формировании социальной установки.***

Введение нового компонента и его новых функций потребовало пересмотра всей структуры социальной установки и ее функций. С этой целью нами был предпринят тщательный анализ работ по проблемам аттитюда и установки.

Поскольку в качестве центрального механизма экологического компонента социальной установки нам видится механизм интенциональности, то параллельно мы проводили анализ проблемы интенциональности, который неизбежно вывел нас на проблему феноменологического метода. Постепенно мы пришли к выводу о том, что именно на основе базовых идей Д.Н. Узнадзе и экологического подхода Дж. Гибсона в психологии возможно использование феноменологического метода для обоснования новой концепции социальной установки.

Важно отметить при этом, что теория установки выгодно отличается от большинства концепций аттитюда по ряду позиций, имеющих для нас особое значение. Прежде всего – это понятие активности и развития, с которых начинается свое исследование Д.Н. Узнадзе. Понятие «активность» приводит нас к понятию «интенциональность», которое имеет очень древнюю философскую традицию, но не имеет самого механизма интенциональности (Аристотель, Аквинский, Августин, Брентано, Гуссерль). Поскольку школа Д.Н. Узнадзе подразумевает установку как источник энергии, которую она черпает из окружающего мира через потребность, то установка тем самым

обуславливает активную взаимосвязь возможностей и потребностей. Важно при этом, что установка является целостным, динамическим, обладающим направленностью психическим образованием (Шерозия). Установка лишь направляет активность, она не может быть выделена как абстрактный теоретический конструкт, не может быть «просто установкой» – это всегда «установка на...», подобно гуссерлевскому «сознанию о...»

Вероятно, механизмом интенциональности является механизм экологического компонента; через него социальная установка имеет свойство имманентной направленности на предмет, на конкретную возможность окружающего мира. При этом определены некоторые отличия индивида, находящегося в окружающем мире у Гибсона и в теории Узнадзе.

Экологический подход подразумевает активность индивида, находящегося в окружающем мире у Гибсона и в понимании окружающий мир. Здесь психическое связано с физическим через механизм установки. Понятие «развитие» видится Узнадзе также через механизм установки, которая есть и у животных, и у человека. У последнего кроме этого возникает еще и механизм объективации. Важно, что общим компонентом и у человека, и у животного является экологический компонент, который имеет свойство выбора возможностей окружающего мира и встраивания уже сформированных установок в общую структуру установок. Человек дополнительно приобретает еще и способность извлекать социальные возможности из окружающего мира – и в этом его главное отличие от животного. Узнадзе соотносит этот момент с актом объективации.

Мы отмечаем некоторое сходство понятия «объективация» с понятием «феноменологическая редукция» Гуссерля в части «приостановки» существования. Гуссерль называет это теоретической установкой, которая возникла у человека исторически с появлением философии. Позиция Узнадзе отличается от «отстраненной» точки зрения философа тем, что объективация возникает в момент появления препятствия при осуществлении установочного поведения. Если эпохé не подразумевает никакого отношения к рассматриваемому предмету, то акт

объективации не исключает момента отношения, что сближает его с компонентом аттитюда. Говоря обобщенно, можно сказать, что человеческое в человеке возникает при «достраивании» к экологическому компоненту аттитюдного компонента.

Важно отметить, что и акт объективации, и акт эпохэ не могут быть ненаправленными, «пустыми», бессодержательными. Социальной установке не хватает именно экологического компонента, чтобы стать жизненным механизмом анализа окружающего мира.

Интенциональность делает установку предметной, придает ей смысл. Поскольку установка обеспечивает целесообразность поведения, то ее механизм должен учитывать одновременно и потребности индивида, и возможности окружающего мира.

Именно механизма экологического компонента социальной установки не хватает Гибсону в его экологическом подходе. Здесь экологический компонент вполне может быть соотнесен с понятием «природная установка» Д.Н. Узнадзе, которое, однако, не было им развито и конкретизировано. То, что потом будет названо Ш.А. Надирашвили понятием «человек-индивид» в отличие от понятий «человек-субъект» и «человек-личность», наиболее адекватно можно обозначить именно как уровень действия экологического компонента социальной установки.

Здесь возникает проблема преодоления эгоцентризма мышления человека, где центр тяжести должен быть перенесен с проблем собственно человека на проблемы структуры «человек-среда». Это обеспечивает новые возможности человеку и фундирует их наивысшую экологичность использования (то, что мы назвали экологической логикой). Вероятно, эгоцентричность мышления – это свойство не только мышления ребенка (как отражение развития в онтогенезе – см. Ж. Пиаже), но и определенный этап филогенеза человека. Наиболее эффективно эта проблема может быть решена с точки зрения экологического подхода в психологии.

Таким образом, на уровне «человек-среда» (Надирашвили) обнаруживается действие механизма интенциональности эко-

логического компонента, который производит непосредственный анализ окружающего мира на основе непосредственного восприятия возможностей. Как пример наипростейшей активности приводится феномен выделения «фигуры-фона», который анализируется с точки зрения выбора возможности, когда одна возможность становится фигурой, а другая – фоном.

Важной представляется проблема структурирования не только установочной и сознательной психической активности (Надирашвили), но и структурирование возможностей окружающего мира. В третьей части нашей работы мы вводим понятие социально-экологической ниши как содержащей определенный набор структурированных человеческих возможностей, доступных данному индивиду.

В этой связи обсужден вопрос об общей модели взаимоотношения окружающего мира и человека. Подвергается сомнению возможность перенесения принципов теории эволюции в психологию при одновременном обосновании убедительности экологического подхода к проблемам психической организации человека.

Обоснование новой структуры социальной установки, ее функций и особенностей взаимодействия с окружающим миром требуют анализа соотношения социальной установки и поведения. Рассмотрены позиции различных исследователей в связи с анализом феномена Лапьера.

Подчеркивается, что выделение разных уровней социальной установки позволяет выделить различные степени свободы поведения от установки. Если на уровне экологического компонента взаимозависимость социальной установки и поведения наиболее выражена, поскольку она наиболее экологична, то на уровне аттитюда она становится уже не столь жесткой, а на уровне поведенческой тенденции она еще менее заметна. Разные уровни социальной установки имеют разное установочное влияние на поведение.

Особым вопросом является взаимоотношение понятий установки и деятельности, который поднимается представителями теории деятельности и теории установки. Этот вопрос требует уточнить понятия «среда» и «восприятие». Чрезвычайно

тесно с этим связана проблема «постулата непосредственности», которая обсуждается как Узнадзе, так и Асмоловым, Гибсоном и другими. Анализируя понятие «среда» как близкое к понятию «окружающий мир», мы предполагаем наличие в нем таких характеристик, как взаимозависимость отдельных элементов структуры окружающего мира (в том числе – индивида и мира), их взаимодополнительность, встроенность и наличие возможностей. Восприятие при этом видится как непосредственное восприятие возможностей окружающего мира. Поскольку Д.Н. Узнадзе выделяет три ступени восприятия: 1) ступень замечания («особое восприятие»); 2) ступень собственно восприятия; 3) ступень объективации, то нами это «особое восприятие» трактуется именно как действие экологического компонента установки – в отличие от А.Г. Асмолова, который представляет это как деятельность, говоря о примате деятельности.

Сущность проблемы состоит здесь в том, что в данном случае «не работает» традиционная модель восприятия, необходимо новое представление о его механизме. Наиболее адекватной моделью подобного представления нам видится экологическое понимание непосредственного восприятия возможностей. Таким образом, и «постулат непосредственности» Гибсона, и «преодоление постулата непосредственности» Узнадзе, и «первичность установки», и «первичность деятельности» являются взаимодополнительными моментами, «работающими» на разных уровнях социальной установки. Все это обосновывает объединение воедино различных концепций аттитюда и теории установки как занимающихся одним явлением, но на разных уровнях его проявления.

Таким образом, нами обосновывается следующая структура социальной установки. *Социальная установка имеет три уровня:*

- 1) уровень экологического компонента установки;*
- 2) уровень аттитюдного компонента социальной установки;*
- 3) уровень тенденции к действию.*

Уровень экологического компонента социальной установки имеет свойство первичного (экологического) выбора возможностей окружающего мира, свойство встраивания сформированных установок в общую структуру социальных установок индивида.

Экологический компонент социальной установки обладает свойством интенциональности, которое позволяет ему анализировать возможности, содержащиеся в социально-экологической нише индивида.

Уровень аттитюдного компонента традиционно содержит в себе когнитивный и аффективный элементы и обладает известными функциями аттитюда.

Уровень тенденции к действию выделен нами в отдельный уровень с тем, чтобы подчеркнуть его особую – не жесткую – связь с поведением индивида.

Проанализировав с подобных позиций определения социальной установки, мы пришли к выводу, что в нашем понимании *социальная установка должна быть психосоматической функцией организма, которая обладает свойствами анализа возможностей окружающего мира, свойствами встраивания сформированных социальных установок в консистентную систему социальных установок*. Эта функция должна отражать особенности вида *homo sapiens* и учитывать прошлый опыт индивида.

Помня обоснованные ранее позиции по борьбе с позитивизмом и намерения использовать богатства философской мысли, оставленные психологией в стороне, мы обращаем свои взоры на решение двух главных проблем: структуры окружающего нас мира и структуры механизма действия экологического компонента социальной установки.

Первая проблема решается нами на основе экологического подхода к восприятию Дж. Гибсона и ставит вопросы устройства окружающего мира, его возможностей, его взаимодействия с организмом. Особым образом понимаются понятия «возможность», «информация», «окружающий мир», «восприятие», «социально-экологическая ниша», «время» и многие другие.

Все это подробно анализируется во второй главе, где и обосновывается экологическая концепция социальной установки.

Вторая проблема затрагивает вопросы метода исследования, методологической ориентации исследования, способов анализа экологического компонента социальной установки. В частности, ставятся проблемы интенциональности экологического компонента, структурирования социальной установки, темпоральности социальной установки, извлечения сущностной информации, аналогичного феноменологической редукции в акте интенционального переживания, и другие. Это круг вопросов отдельного психологического исследования, которое требует оригинальных подходов к определенным выше проблемам.

Часть III

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ УСТАНОВКИ

Проблема формирования социальной установки в экологической концепции социальной установки

Обозначенные проблемы социальной установки ориентируют нас на поиск решения в границах экологического направления в психологии восприятия. Нам представляется это наиболее целесообразным по причине особого понимания Дж. Гибсоном окружающего мира и способов взаимодействия с ним индивида. Поскольку Д.Н. Узнадзе не разрабатывает понятия «среда», «возможность», то мы обосновываем корректность их понимания с точки зрения экологического подхода. Ни одна из существующих концепций аттитюда, социальной установки и установки не интересуется проблемой выбора возможности для формирования социальной установки по схеме Д.Н. Узнадзе. Мы вынуждены обосновывать наличие в структуре социальной установки механизма выбора возможностей окружающего мира. Последний представляет собой базисное понятие всей экологической оптики Дж. Гибсона и фундирует новое понимание процесса восприятия, которое влечет за собой, согласно Гибсону, новую теорию познания.

Также мы излагаем особое видение понятий «информация», «экологическая ниша» и предлагаем введение понятий «сущностная информация» и «социально-экологическая ниша». Механизм выбора возможностей как свойств окружающего мира есть механизм постижения сущностей, которые предоставляют эти возможности. Это акт выбора живого наблюдате-

ля, описание которого можно найти у Шекспира, Киркегора, Аббаньяно, Хайдеггера, Ортеги-и-Гассета, Гуссерля.

Особое устройство экологического окружающего мира требует особого механизма, который мы определили как экологический компонент социальной установки, обладающий свойством извлечения сущностной информации окружающего мира, то есть возможностей для последующего формирования социальной установки.

Именно выбор возможностей определен нами главной характеристикой социальной установки как психосоматической функции. Новая структура социальной установки требует подробного обоснования новых функций экологического компонента.

Современный экологический подход в психологии восприятия связан, прежде всего, с именем Джеймса Джерома Гибсона, профессора Корнельского университета. Принято излагать его концепцию в разделе «когнитивная психология» (см.: Величковский, 1981). У. Найссер посвящает Дж. Гибсону и Элеоноре Дж. Гибсон свою книгу «Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии» (1981). Нам подобная позиция (отнесение экологического подхода к когнитивному направлению) представляется недостаточно убедительной, и мы попытаемся это доказать в дальнейшем.

Правильнее всего было бы выделить экологический подход Дж. Гибсона в отдельное направление в психологии, хотя сам автор просит считать свою идею и ее разработку всего лишь концепцией. Общий подход Гибсона основан, вероятно, на позициях гештальтпсихологии и бихевиоризма. «Многим я обязан гештальтпсихологам, особенно Курту Коффке. (...) Я в неоплатном долгу перед американскими психологами-функционалистами Уильямом Джемсом и Э.Б. Хольтом» (Гибсон, 1988. С.22).

Упоминание функционализма вместе с именем Алберта Мишотта, которого Гибсон называет феноменологом и «близким ему по духу психологом», позволяет говорить о некотором созвучии идей феноменологии и экологического подхода. Эта мысль является для нас одной из основных, позволяющих

рассмотреть проблемы социальной установки с позиций феноменологии и экологического подхода Дж. Гибсона. Здесь, например, мы подробно анализируем представления Гибсона и Гуссерля об окружающем мире, теорию возможностей и другое. Основная цель исследования в том – что феноменологически рассматриваемый механизм социальной установки будет проанализирован нами в неразрывном единстве с окружающим миром.

Отмечая особенности своего подхода, Гибсон пишет, что «к проблеме восприятия необходимо подходить с экологической точки зрения» (Гибсон, 1988. С.24). Обосновывая свою позицию, Дж. Гибсон отмечает, что необходимо отказаться от старой идеи восприятия как превращения чувственных данных в образы. Он рассматривает процесс извлечения инвариантов стимульного потока, для чего он описывает окружающий мир на экологическом уровне, анализирует информацию для восприятия, которая содержится в освещенной среде. Все это обуславливает принципиально новую концепцию восприятия (см.: Гибсон, 1988. С.26).

Конечно же, каждое направление в психологии претендует на свою «философию человека», где в той или иной форме должны быть отражены основные идеи активности, места человека в мире, взаимодействия организма с окружением. Хотя учение Гибсона и имеет бихевиористические истоки, он категорически протестует против любых форм превращения человека в некие «переменные» характеристики, изолированные от реального мира.

Традиционная пассивность локковского гомункулуса и его картезианский двойник являются объектами непримиримой критики Дж. Гибсона. Причем сетования самого Гибсона на недостатки своей концепции лучше отнести не к слабостям самой идеи, а к необъятности темы. Речь в экологическом подходе идет не только о теории восприятия, здесь ставятся и онтологические вопросы. Сам Гибсон отмечает: «Учение об окружающей среде превратилось в мощное движение нашего времени, но в психологии оно пока не породило ничего, кроме энтузиазма. Еще нет теоретической концепции, которая могла

бы лечь в основу этого учения. Не найден верный концептуальный уровень. В данной книге делается попытка найти этот уровень» (Гибсон, 1988. С.27).

Вероятно, центральным вопросом у Гибсона и у нас ставится вопрос о взаимодействии индивида с окружающим миром – субъект познания не может быть изолирован, как это предлагалось в традиционной психологии. При этом одним из самых спорных вопросов является идея о прямом характере восприятия окружающего мира. Гибсон исключает какие бы то ни было промежуточные механизмы восприятия между психикой и реальностью. Более того, он вообще отказывается рассматривать вопрос функционирования «того, что в голове», считая его несущественным. И здесь он вступает в прямое противоречие с когнитивной психологией. «В последние годы Джеймс Гибсон подверг сомнению те постулаты, на которых в основном зиждется современная когнитивная психология», – пишет У. Найссер и с глубоким почтением отвечает ему взаимностью: «Моя позиция фактически не совместима с «гибсоновскими» принципами. К их разочарованию, я счел необходимым предположить, что воспринимающий располагает некоторыми когнитивными структурами, называемыми схемами, функция которых состоит в сборе содержащейся в среде информации. Это понятие является центральным в моей попытке примирить концепции переработки информации и сбора информации, в каждой из которых содержится слишком много истинного, чтобы игнорировать их» (Найссер, 1981. С.20).

Основа гибсоновского подхода состоит в постулировании идеи взаимозависимости мира и индивида, что, в свою очередь, предполагает непосредственное их взаимодействие на основе экологических принципов. Здесь нам видится принципиальным неприятие основных идей Ч. Дарвина о взаимоотношении мира и организма, хотя Гибсон и не критикует напрямую автора эволюционной теории. Ни мир, ни индивид не могут иметь в своей основе идею агрессивности, борьбы, поскольку это противоречит самой идее существования мира.

Психологами уже отмечалось много общих моментов между деятельностью подходом А.Н. Леонтьева и экологической

оптикой Дж. Гибсона: «Между экологическим и деятельностным подходами к восприятию гораздо больше общего, чем может показаться неискушенному читателю. И Леонтьев, и Гибсон понимали восприятие как процесс активного вычерпывания информации из окружающего мира. И тот и другой усматривали «сверхзадачу» восприятия в постижении предметных значений, открывающих поле деятельности для воспринимающего. Оба они были непримиримыми противниками рецепторных концепций восприятия, сложившихся в созерцательно-сенсуалистической психологии» (Логвиненко, 1988. С.6).

При этом особенностью стратегии Гибсона является изучение именно того, что предлагается окружающим миром для восприятия индивиду. Иными словами, «исследователи потратили много сил, пытаясь определить, как осуществляется восприятие, и не обратили внимания на вопрос о том, что воспринимается, хотя ответ на первый вопрос явно зависит от ответа на второй» (Величковский, 1982. С.271). Хотя и здесь требуется некоторое уточнение. Дело в том, что важно не просто поставить вопрос «что воспринимается?», но и правильно увязать его с вопросом «как воспринимается?». А это может быть связано только через общие представления об устройстве окружающего мира, частью которого является и человек. Индивид имеет возможность воспринимать мир, потому что он часть этого мира.

Изложение своего подхода Гибсон начинает с анализа понятия «окружающий мир». Причем даже в самом названии первой части уже заявлена его позиция: «Окружающий мир, который нужно воспринимать». Автор не устает еще и еще раз повторять мысль об активности восприятия, отмечая при этом, что его нельзя рассматривать в отрыве от реального мира, в котором находится животное. «Окружающий мир любого животного – это то, что его непосредственно окружает» (Гибсон, 1988. С.31).

Для нас это имеет особое значение потому, что установку, как и восприятие, вероятно, не следует рассматривать как некий гипотетический конструкт, поскольку тогда моментально

теряется ее главный смысл. Установка не может быть чем-то теоретическим, как и восприятие.

Представляется, что это один из главных недостатков всех предыдущих теорий установки. Он обусловлен прежде всего тем, что индивид рассматривается в отрыве от окружающего его мира, хотя такая связь неустанно декларируется. Вероятно, это естественное следствие подхода, который начинается со стороны индивида. Гибсон вначале анализирует окружающий мир, а только потом – индивида и его восприятие, получая от этого огромные преимущества.

Позитивистские ориентации многих исследователей социальной установки не позволяли им обоснованно «встроить» свои концепции установки в более общие теории психического, что естественно приводило эти концепции к их практической бесполезности, то есть лишало их главной цели изучения установки.

Гибсон характеризует взаимоотношения животного (в том числе и человека) с окружающим миром и отмечает их взаимозависимость. «Не следует забывать (а это часто упускается из виду), что слова «животное» и «окружающий мир» неразрывно связаны друг с другом. Употребление любого из этих понятий подразумевает наличие другого. Ни одно животное не смогло бы существовать без окружающего мира. Точно так же, хотя это и не столь очевидно, говоря об окружающем мире, мы подразумеваем какое-то животное (...), которое он окружает. Это значит, что поверхность нашей Земли на протяжении миллионов лет до того момента, как на ней появилась и стала развиваться жизнь, не была окружающим миром в строгом смысле этого слова. До появления жизни Земля была всего лишь физическим телом, частью Вселенной» (Гибсон, 1988. С.32).

Можно спорить здесь с автором относительно корректности его утверждения, но гораздо важнее другое – введение данного понятия позволяет нам рассматривать совершенно новую парадигму психологических реалий, названную Пьером Тейяром де Шарденом «преджизнью».

К тем новым возможностям, которые открывает данный подход, в первую очередь надо отнести взаимозависимость и взаимодополнительность окружающего мира и человека. Это потом ляжет в основу принципа построения окружающего мира и, как выразался Тейяр, «внутреннего вещей». «Идея взаимозависимости животного и окружающего мира не могла возникнуть в физических науках. Такие фундаментальные понятия, как «организм» и «окружающий мир», или «вид» и «среда его обитания», нельзя вывести из понятий пространства, времени, материи и энергии – понятий, лежащих в основе всех физических наук. Исходя из этих физических понятий, можно в лучшем случае прийти к идее о том, «что животное представляет собой очень сложный объект физического мира» (Гибсон, 1988. С.32).

Проводя различия между окружающим миром и физическим миром, Гибсон пишет, что окружающий мир состоит из элементов, при этом «более мелкие элементы содержатся в более крупных. Этот факт имеет принципиальное значение для излагаемой здесь теории, и поэтому я ввожу для него специальный термин «встроенность». (...) Земной окружающий мир нельзя разложить раз и навсегда на какие-то особые, подлинно первичные элементы. Если мир рассматривать как среду обитания, то в нем не найти атомарных элементов. Вместо них вы найдете элементы, соподчиненные друг другу» (Гибсон, 1990. С.34).

Гибсон говорит о неизменности и изменчивости как важных характеристиках окружающего мира и подчеркивает разницу их понимания в физике и его теории. Прежде всего это относится к тому, что «предметы не сохраняются; сохраняется материя. В экологии это называется несохранением, разрушением объекта, тогда как в физике это называется просто изменением состояния» (Гибсон, 1988. С.40).

Для нас этот факт имеет большое значение в связи с нашей попыткой обосновать принципиально различное понимание причинности в физическом мире и мире психическом. Если в физическом мире ничего не исчезает и не появляется из ничего, то есть во всех явлениях физики присутствует так называемое

мая каузальность, то психическое может быть и лишено этого именно в силу того, что предметность, в отличие от материи, вполне может исчезать.

Психическое по своей природе интенционально, как подчеркивалось в истории психологии уже неоднократно, что и заменяет при необходимости понятие причинности. Например, с точки зрения физики смерти не существует, что для понятия живого, психического совершенно абсурдно. «Уход в небытие, прекращение существования или разрушение представляет собой такое событие в окружающем мире, которое крайне важно уметь воспринимать» (Гибсон, 1988, С.41).

Подчеркивая важность понимания окружающего мира для формирования новой концепции восприятия, Гибсон пишет: «Я считаю, что, овладев концепцией среды, мы приходим к совершенно новому пониманию восприятия и поведения» (Гибсон, 1988. С.45). Мы же отмечаем, что и новое представление об установке тоже возможно только с точки зрения предлагаемого экологического подхода. В своей концепции Гибсон различает явное и неявное знание. Под неявным он понимает свое новое представление о восприятии, которое само, по мнению Гибсона, активно извлекает информацию из окружающего мира и предоставляет ее в пользование индивиду. Явное же знание возникает тогда, когда человек пытается выразить что-либо словами или другими известными ему способами передачи информации. Не останавливаясь сейчас на понимании Гибсоном термина «информация» (этому будет посвящен отдельный параграф), мы должны отметить, что наше представление об интенциональности установки соотносимо с пониманием Гибсоном неявного знания, вернее, извлечения этого знания из окружающего мира. Вероятно, при переходе этого знания в явное знание интенциональность теряется.

Описывая значимый окружающий мир, Гибсон отмечает, что «в мире физической действительности нет места предметам, которые что-то значат. А вот в экологической действительности, которую я пытаюсь описать, такие предметы есть. Если бы то, что мы воспринимаем, представляло собой математические или физические объекты, значения приходилось

бы искусственным образом присоединять к ним. Если же мы воспринимаем экологические объекты, то их значение мы можем просто обнаружить» (Гибсон, 1988. С.66).

Важной особенностью окружающего мира является то, что он содержит в себе информацию, которую активно извлекает организм для поддержания своего существования. При этом Гибсон отмечает, что «информацию для зрительного восприятия несет свет».

Очень значимы его замечания относительно различия между светящимися и освещенными телами, излучением и освещением, между излучаемым светом и объемлющим светом, размышления относительно структурирования объемлющего света.

Наиболее существенным является различие между стимульной информацией и информацией, понимаемой в теории коммуникации. «Информацию – в том смысле, как она здесь понимается, – нельзя передавать или принимать, она не состоит из сигналов или сообщений, она не предполагает наличия отправителя или получателя. (...) Такого явления, как сохранение информации, не существует. Ее количество не ограничено» (Гибсон, 1988. С.97).

Анализируя понятие сбора и сохранения информации, У. Найссер отмечает, что оно является центральным и у него, и у Гибсона. Однако при этом он замечает принципиальную разницу между ними.

Гибсон полагает, что информация не передается, не перерабатывается, а имеется потенциально в окружающем мире в виде возможностей. Найссер полагает, что понимание информации Гибсоном можно вполне соотнести с классическим представлением об информации у Клода Шеннона. «Согласно определению Шеннона, информация – это в первую очередь выбор альтернатив. Об информации можно говорить тогда, когда данная система находится в каком-то одном из ряда возможных состояний. Информация считается переданной (по определению), когда состояние одной системы, Б, таким образом обусловлено состоянием другой системы, А, что в принципе наблюдатель может узнать нечто об А, исследовав Б»

(Найссер, 1981. С.79). При этом У. Найссер отмечает, что, согласно Дж. Гибсону, информация всегда уникальна, единственна, то есть нет необходимости осуществлять выбор между двумя вариантами. «Информация, содержащаяся в свете, специфицирует пространственное расположение и многие другие свойства окружающего мира. Дж. Гибсон утверждает, что в нормальной среде эта спецификация всегда единственна; нет такого мыслимого мира, в котором могла бы появиться оптическая структура, тождественная актуально существующей. (Оптическая структура в данном случае означает как изменения во времени, так и распределение в пространстве)» (Найссер, 1981. С.80).

Сразу может показаться, что ставя вопрос таким образом, У. Найссер выбивает почву из-под ног нашей идеи о необходимости выбора различных вариантов возможностей. На самом же деле происходит всего лишь конкретизация двух очень важных этапов: во-первых, никто не утверждает, что возможности идентичны, ведь в этом нет никакой необходимости.

Более того, именно факт выбора той или иной возможности открывает перед индивидом иногда совершенно противоположные пути дальнейшего их воплощения. Во-вторых, это подчеркивает, что необходимо должен существовать механизм оценки той или иной возможности (даже если она единственна и уникальна, организм должен решить, приемлема ли она для него).

Таким образом, правы и Дж. Гибсон, и К. Шеннон, ибо структура той или иной возможности действительно уникальна, но таких уникальных структур всегда больше, чем одна (иначе было бы проблематичным существование не только других видов, но и других индивидов).

Суть нашей идеи именно в том и состоит, чтобы попытаться объяснить механизм оценки и выбора уникальной возможности для индивида. Это представляется нам развитием как общей теории экологической оптики Дж. Гибсона, так и теории установки.

Особое место в новой концепции восприятия отводится теории возможностей. «Возможности окружающего мира –

это то, что он предоставляет животному, чем он его обеспечивает и что он ему предлагает – неважно, полезное или вредное. Нужно сказать, что в существительное *возможность* я вкладываю смысл, отличный от того, который вы можете найти в толковом словаре или словаре математических терминов. Под ним я подразумеваю нечто, что относится одновременно и к окружающему миру, и к животному таким образом, который не передается ни одним из существующих терминов. Он подразумевает взаимодополнительность окружающего мира и животного» (Гибсон, 1988. С.188). Давая описательные характеристики окружающего мира, Гибсон отмечал, что он состоит из поверхностей, вещества, среды и возможностей.

Итак, воспринимать мир по Гибсону означает воспринимать те возможности, которые предоставляет этот мир через среду, вещество, поверхности, события, объекты и других животных, в том числе и человека. «В таком случае, воспринимать их означает воспринимать те возможности, которые они предоставляют. Эта гипотеза очень важна, поскольку она подразумевает, что «значение» и «смысл» вещей в окружающем мире могут восприниматься непосредственно» (Гибсон, 1988. С.188). При этом Гибсон отмечает, что «возможности нужно измерять иначе, нежели физические величины. (...) Различные вещества окружающего мира предоставляют различные возможности для питания и производства. Различные объекты окружающего мира предоставляют различные возможности для манипуляций. Другие животные предоставляют, помимо всего прочего, богатые возможности для сложных взаимодействий... Для человека то, что сулит другой человек, составляет целую область социальных значимостей» (Гибсон, 1988. С.190).

Мы хорошо помним, что в теории установки Д.Н. Узнадзе, к сожалению, не уделено почти никакого внимания отдельному рассмотрению возможностей. Постулируется, что они принадлежат объективному миру. Гибсон же отмечает, что «возможности в определенном смысле объективны, реальны и физикальны – в отличие от значений и смыслов, которые, как часто считают, субъективны, феноменальны и духовны. Но на

самом деле предоставление возможности не является ни объективным, ни субъективным свойством; или, если хотите, оно является одновременно и тем, и другим. Понятие возможности не укладывается в узкие рамки дихотомии *субъективное-объективное* и помогает понять всю ее несостоятельность. Возможность в равной степени является и фактом окружающего мира, и поведенческим фактом. Это одновременно и физическое, и психическое, хотя и ни то, и ни другое. Возможность обращена и к окружающему миру, и к наблюдателю» (Гибсон, 1988. С.191).

Понимаемая подобным образом возможность окружающего мира положена в основу нашего представления об установке и механизме ее формирования.

Отдельным пунктом у Гибсона выделено понятие ниши. Для развиваемого нами взгляда оно имеет определенное значение, поскольку позволяет рассматривать социальную установку во взаимосвязи с другими социальными установками индивида, причем способ организации данных социальных установок в определенные группы заложен уже в самой их основе – способе организации возможностей. «В экологии есть понятие ниши. Считается, что животные одного вида пользуются определенной нишей в окружающем мире или занимают ее – это совсем не то же самое, что ареал обитания вида; ниша скорее указывает на то, как живет животное, чем на то, где оно живет. Я считаю, что ниша – это набор возможностей. (...) Ниша подразумевает определенный тип животного, а конкретное животное подразумевает определенный тип ниши. Обратите внимание на взаимодополнительность того и другого» (Гибсон, 1988. С.190).

Обращаем еще раз внимание на главное: ***ниша – это набор возможностей***. Из существующего набора возможностей можно образовывать набор социальных установок, которые уже будут организованы определенным образом. Это происходит через процесс интериоризации, когда возможность реализуется на основе потребности и становится интересубъективным фактором психического, а не явлением внешнего окружающего мира.

При характеристике возможностей земного окружения, которое состоит из среды, веществ, поверхностей и объектов, Гибсон касается в своих рассуждениях предметного мира человека, отмечая, что человек воспринимает не качества объектов, а возможности, которые они предоставляют (см.: Гибсон, 1988. С.198). Вероятнее всего, качества предмета действительно передаются человеку посредством обучения, в то время как возможности предмета воспринимаются человеком непосредственно. Это важно для общего представления о предметности, которое имеет большое значение для определения понятия «смысл».

Вероятно, предметность можно рассматривать как состоящую из двух частей – прежде всего это возможности предмета, которые воспринимаются непосредственно, а уж потом это качества предмета, которые передаются человеку от другого человека. С этим тесно связана проблема классификации и наименования объектов. Гибсон убежден, что восприятие возможностей не подразумевает классификации объектов. Все возможности, которые содержит в себе предмет, тесно взаимосвязаны, и нет особой разницы в том, как мы их назовем. «Те названия, которые им произвольно даются, не имеют никакого значения для процесса восприятия. (...) Теория возможностей ограждает нас от существующей ныне путаницы, связанной с философским принципом, согласно которому объекты объединяются в фиксированные классы по определенным общим признакам, а затем этим классам даются названия. (...) Для того, чтобы воспринимать возможности, которые предоставляют вещи, совсем необязательно их классифицировать и именовать» (Гибсон, 1988. С.199). В то же время для понятий «смысл» и «значение» классификация и наименование все-таки необходимы.

И здесь мы должны вернуться к делению Гибсоном знания на явное и неявное. Первое есть осмысление и передача различными способами второго знания, которое получено прямым путем через восприятие. В повседневной жизни мы очень часто даже не называем вещи их именами, понимая при этом те возможности, которые за ними стоят.

Описывая те возможности, которые предоставляют человеку другие люди, Гибсон пишет: «Самые богатые и самые разнообразные возможности в окружающем мире для животного открывают другие животные, а для нас – другие люди. (...) Поведение одного существа открывает возможности для поведения другого, и к исследованию этого фундаментального факта можно свести все содержание не только психологии, но и других социальных наук. Сексуальное, родительское, воинственное, кооперативное, экономическое и, наконец, политическое поведение – все эти форумы поведения зависят от восприятия того, что сулит другая личность или другие личности, а иногда и от ошибочного восприятия этого. (...) Процесс восприятия таких взаимных возможностей крайне сложен, но все же он подчиняется определенным закономерностям и основан на извлечении информации из объемлющего света, звука и так далее. Он в такой же степени основан на стимульной информации, как и более простое восприятие опоры, которой служит земля под ногами. Ибо люди и животные могут служить источником информации о самих себе лишь постольку, поскольку другие люди и животные могут их видеть, слышать, обонять и так далее. Другой человек, обобщенный другой, *alter* как противоположность *ego*, представляет собой экологический объект (...), объект особенный, и поэтому, называя его, мы употребляем местоимения *он* и *она*, а не *оно*» (Гибсон, 1988. С.201).

Мы еще будем более подробно рассматривать то, что Гуссерль назовет непосредственным уяснением сущности в интенциональном переживании, однако уже теперь видна очевидная связь проблемы значения смысла и проблемы возможностей. Гибсон решает эту проблему со свойственной ему оригинальностью: «Между философами и психологами ведутся бесконечные споры о том, являются ли значения явлениями физическими или феноменальными, принадлежат ли они материальному миру, или они присущи лишь миру духовному. К понятию возможности эти споры отношения не имеют. Для нас не встает вопрос, к какому из миров отнести возможности, поскольку теорию двух миров» мы отвергаем. Существует

только один окружающий мир, который открывает множеству находящихся в нем наблюдателей неограниченные возможности, в том числе и возможность жить в нем» (Гибсон, 1988. С.204).

Анализируя предысторию происхождения концепции возможностей, Гибсон отмечает позицию гештальтпсихологов, которые считали, что смысл и значение вещи воспринимаются непосредственно и составляют особенности внутреннего опыта. «Валентность объекта присваивается ему по мере накопления внутреннего опыта у наблюдателя благодаря наличию у наблюдателя потребностей» (Гибсон, 1988. С.205). Это замечание Гибсона имеет для нас важное значение, особенно в соотношении с нижеследующим: «Понятие возможности ведет свое происхождение от понятий валентности, приглашения, навязывания, но у него есть одно решающее отличие. Возможности, которые сулит наблюдателю тот или иной объект, не изменяются при изменении потребностей наблюдателя. Наблюдатель может воспринимать, а может и не воспринимать возможность, может обратить или не обратить на нее внимание – это зависит от его потребностей, но возможность является инвариантом, всегда существует и всегда доступна для восприятия. Возможность не присваивается объекту потребностями наблюдателя и актом его восприятия этого объекта. Объект предоставляет только те возможности, которые он предоставляет, будучи таким, каков он есть» (Гибсон, 1988. С.205).

Остановившись на характеристиках оптической информации для восприятия возможностей, Гибсон отмечает, что «теория возможностей представляет собой радикальный уход от существующих теорий значения и смысла». Сущность этой особой позиции состоит в том, что «возможность (...) обращена в обе стороны – и к окружающему миру, и к наблюдателю. То же самое можно сказать и об информации, задающей возможность. Но это ни в коей мере не подразумевает деление на два царства – духа и материи, то есть психофизического дуализма. Это говорит лишь о том, что информация, задающая полезность окружающего мира, сопутствует инфор-

мации, задающей самого наблюдателя – его тело, ноги, руки, рот. Это только лишний раз подчеркивает, что экстероцепция сопровождается проприоцепцией, то есть воспринимать мир – значит одновременно воспринимать самого себя» (Гибсон, 1988. С.209). Здесь полезно вспомнить о психологии актов Ф. Brentano, где психический акт направлен одновременно и на «вне себя», и на себя, что является основой его эвидентности.

Одной из главных характеристик восприятия, по Гибсону, является то, что человек наряду с восприятием окружающего мира всегда воспринимает себя. Рассмотрению этого вопроса он посвящает целую главу. Эгорецепция и экстероцепция неразделимы, по его мнению. «Информация о себе самом сопутствует информации об окружающем мире, и эти два вида информации неотделимы друг от друга. Эгорецепция неразрывно связана с экстероцепцией, как связаны две стороны одной медали. У восприятия есть два полюса, субъективный и объективный, и имеется информация, задающая как тот, так и другой. Воспринимаемая окружающий мир, мы воспринимаем самих себя» (Гибсон, 1988. С.187). Запомним эту особенность восприятия, ибо нечто подобное мы обнаружим и в установке, вернее, в том, что Д.Н. Узнадзе назвал особым восприятием: каким-то образом происходит оценка потребностей индивида (субъективная часть восприятия) и возможностей объективного мира (объективная часть восприятия).

Подводя итоги первых двух частей своей книги, Гибсон, прежде чем перейти непосредственно к изучению зрительного восприятия, пишет: «Среда, вещества, поверхности, объекты, места и другие животные открывают для данного животного определенные возможности. Они несут пользу или вред, жизнь или смерть. В этом причина того, почему возможности должны восприниматься. Возможности окружающего мира и образ жизни животного неразрывно связаны друг с другом. Окружающий мир накладывает ограничения на то, что животное может делать, – этот факт отражает экологическое понятие ниши. (...) Возможности – это свойства, соотношенные с наблюдателем. Они не являются ни физическими, ни феноме-

нальными. **Центральная гипотеза экологической оптики состоит в том, что возможности задаются информацией, имеющейся в объемлющем свете. Учение об инвариантах, которые связаны на одном полюсе с мотивами и потребностями наблюдателя, а на другом полюсе – с веществами и поверхностями внешнего мира, является новым подходом в психологии»** (Гибсон, 1988. С.212).*(выделено нами. – А.Д.)*

Характеризуя теорию извлечения информации, Гибсон подчеркивает, что ему «пришлось отказаться от традиционных теорий восприятия». То же самое ему пришлось сделать и с теориями информации, которые, по его мнению, совершенно не отражают существа вопроса. И хотя Гибсон сам отмечает, что его не устраивает термин «информация», однако продолжает пользоваться им. Если быть до конца последовательным, то лучше было бы отказаться от этого термина, поскольку его употребление имеет на сегодняшний день совершенно четкую коннотацию, обусловленную авторами теории информации, и вряд ли стоит оспаривать соответствие термина теории, в рамках которой он был предложен. Как бы то ни было, но вопрос до сих пор остается открытым.

Обсуждая проблему информации, Гибсон вновь возвращается к понятиям «смысл» и «значение», не соглашаясь с «эмпиристами» в том, что источником смысла и значения является прошлый опыт. Тем более он отвергает претензии «нативистов» придать этим терминам некую основу в виде «врожденных идей» через прошлый опыт всего человечества. Не нравится ему и термин «когнитивная обработка», ибо ничего принципиально нового он не вносит, поскольку и здесь опять используются «устаревший язык умственных действий: опознание, истолкование, умозаключение, понятие, идея, хранение, извлечение и тому подобное».

Обосновывая новизну теории извлечения информации, Гибсон отмечает, что «теория извлечения информации коренным образом отличается от традиционных теорий восприятия. Во-первых, она подразумевает новую концепцию восприятия, а не просто новую теорию этого процесса, Во-вторых, в ней оговорено, что именно должно восприниматься. В-третьих,

она содержит новое представление об информации для восприятия, которая всегда присутствует в двух видах – в виде информации об окружающем мире и в виде информации о самом наблюдателе. В-четвертых, эта теория требует нового представления о воспринимающих системах... В-пятых, извлечение информации требует от системы такой активности...» (Гибсон, 1988. С.338).

Развивая далее свои представления о новом определении восприятия, Гибсон подчеркивает, что «восприятие – это то, чего индивид достигает...» Это процесс непосредственного контакта с окружающим миром, «процесс переживания впечатлений о предметах, а не просто процесс переживания как таковой. [Разве можно в этот момент не вспомнить о том, что Гуссерль называл подобный процесс интенциональным актом переживания, в момент которого происходит уяснение сущности – возникает смысл? – А.Д.]. Восприятие включает осознание чего-то конкретного, а не осознание само по себе. Осознавать можно что-то либо в окружающем мире, либо в наблюдателе, либо в том и другом сразу, но осознание не может существовать независимо от того, что осознается» (Гибсон, 1988. С.339). Это очень похоже на нашу идею относительно того, что установка не может быть «просто установкой», теоретическим конструктом, она непременно должна быть конкретна, то есть «установка на...», подобно гуссерлевскому «сознанию о...». Имея в виду психологию актов Франца Brentano, которая стала предтечей феноменологии Гуссерля, Гибсон замечает, что «близкие идеи развивались в прошлом веке в психологии актов, но я не могу согласиться с тем, будто восприятие является умственным действием. Не является оно и телесным действием. Процесс восприятия – это и не умственный, и не телесный процесс. Это психосоматический акт живого наблюдателя. (...) Дискретные восприятия, как и дискретные идеи, представляют собой нечто мифическое» (Гибсон, 1988. С.339).

Уточняя свое представление об информации, Гибсон замечает: «Используемое в этой (и только в этой) книге определение *информации* соотносится не с рецепторами и не с органами чувств наблюдателя, а с окружающим его миром. (...) В

этой книге значение термина информация отличается от того, которое можно найти в словаре: сведения, которые передаются получателю. Я воспользовался бы любым другим термином, если бы это было возможно. Единственный выход – просить читателя помнить, что извлечение информации не мыслится здесь как передача сообщения. Мир не разговаривает с наблюдателем. (...) Положение о том, что информация может передаваться или что ее можно хранить, верно только в теории связи, но не в психологии восприятия. (...) Шенноновская концепция информации превосходно вписывается в теорию телефонной связи и радиовещания, но она, как мне кажется, неприменима к первичному восприятию того, что находится во внешнем мире... Информацию для восприятия, к сожалению, нельзя определить и измерить, как это делал Клод Шеннон» (Гибсон, 1988. С.343). При этом Гибсон постоянно подчеркивает, что «для теории извлечения информации нужна концепция воспринимающих систем, а не концепция чувств».

Все вышеизложенное логично приводит Гибсона к необходимости обрисовать новый поход к познанию, который, по его мнению, обусловлен тем, что «теория извлечения информации (...) уничтожает разрыв между восприятием и знанием, существование которого допускают другие теории. (...) Различие между восприятием окружающего мира и его постижением – количественное, а не качественное. Восприятие неразрывно связано с постижением» (Гибсон, 1988. С.366).

По Гибсону, «познание – это расширение процесса восприятия». При этом он выделяет три способа «вооружения познания» – использование приборов, словесное описание и картины. Все это способствует расширению познания и позволяет передавать полученные непосредственно в восприятии знания. Нам представляется, что общепринятая теория информации очень похожа на описание Гибсоном познания при помощи слов. Он называет это познание явным, подчеркивая его нескрытый характер в отличие от неявного, имплицитного знания. Он говорит о том, что «восприятие предшествует высказыванию», и с этим сложно спорить.

Самым главным недостатком этого способа познания Гибсон считает невозможность осуществить тест на реальность, что вполне возможно при непосредственном извлечении информации – то есть нельзя подойти, выявить новые стороны и элементы, получить новую информацию. Может быть, поэтому в свое время Гуссерль пришел к необходимости «изгнать» любые зачатки психологии из логики, поскольку, действительно, в словесной форме невозможно осуществить проверку истинности, кроме как при помощи законов логики. Любой «психологизм» здесь вреден хотя бы только потому, что это средство проверки на истинность совсем из другого ряда познания – неявного, по Гибсону. Однако существенен и другой факт из «жизни феноменологии» – сам Гуссерль потом стал называть ее «феноменологической психологией». И это не случайно, ибо он, предлагая анализировать «чистые формы сознания», невольно должен был прийти к выводу о том, что их невозможно логическими средствами проверить на истинность, поскольку это уже опять «непосредственное восприятие», которое постигается прямо, а критерий истинности – тест на реальность.

По нашему мнению, Гибсон и Гуссерль, начав с разных сторон решать одну и ту же проблему, пришли к одному результату, который был ими выражен в различной форме. «Экологическая теория прямого восприятия не замкнута на себя. Она подразумевает принципиально новую теорию познания. А она в свою очередь приводит к новой теории некогнитивных видов сознания – вымысла, фантазии, сновидений, галлюцинаций. Восприятие – простейший и наилучший способ познания. Однако существуют и другие формы познания» (Гибсон, 1988, С.373). Чтобы закончить эту мысль Гибсона, забегаая вперед, мы отметим, что нами предполагается имплицитное существование имманентного механизма интенциональности экологического компонента социальной установки, который по своему характеру деятельности напоминает феноменологическую редукцию, предложенную Э. Гуссерлем. Разница состоит в том, что если экологический компонент «осуществляет» интенциональное переживание, уясняя таким об-

разом смысл возможности, то эпохé исследователя может быть направлено на уровень когнитивно-эффективного взаимодействия индивида и окружающего мира. Уровень оценки экологических возможностей окружающего мира осуществляется на неосознанном этапе интенционального переживания.

Таким образом, существует как бы два представления об интенциональном акте переживания – как о методе в феноменологии и как о механизме непосредственного восприятия через экологический компонент социальной установки. Все наши дальнейшие попытки будут направлены на доказательство существования механизма интенциональности экологического компонента социальной установки через понимание окружающего мира в границах экологического подхода, понимание возможности и информации в рамках феноменологического анализа понятий интенциональности, времени, смысла, жизненного мира и других. «Феноменология является фундаментом, обязательным преддверием не только чистой логики, гносеологии и психологии, но и всей философии вообще» (Яковенко, 1913. С.108). Здесь, однако, невозможно допустить некое идеалистическое толкование метода феноменологии или противопоставление феноменологии другим известным методологическим системам. Было бы ошибкой отстаивать идеалистические принципы, поэтому важно обозначить сферу деятельности феноменологического метода, и лучше всего, кажется, это было сделано А.Ф. Лосевым, который писал: «Феноменология не есть теория и наука, ибо последнее есть проведение некоторого отвлеченного принципа и отвлеченной системы, приводящей в порядок разрозненные и спутанные факты. Кроме того, наука всегда есть еще и некое «объяснение», не только описание. Феноменология есть точка зрения и узрения смысла, как он существует сам по себе, и потому она всецело есть смысловая картина предмета, отказываясь от приведения этого предмета в систему на основании каких-нибудь принципов, лежащих вне этого предмета. Феноменологический метод поэтому, собственно говоря, не есть никакой метод, ибо сознательно феноменология ставит только одну задачу – дать смысловую картину самого предмета, описывая

его таким методом, как этого требует сам предмет. Феноменология – там, где предмет осмысливается независимо от своих частичных проявлений, где смысл предмета – самоидентифицируется во всех своих проявлениях» (Лосев, 1990. С.159).

Таким образом, нам представляется, что философские основы экологического подхода в психологии неудержимо влекут нас к феноменологическим посылкам Э. Гуссерля. Новая теория познания основана на новом представлении о теории восприятия Дж. Гибсона. Уяснение сущности возможности, предоставляемой индивиду окружающим миром в рамках установки, происходит «автоматически» – за счет действия механизма интенциональности экологического компонента. Исследователь этого процесса должен использовать метод феноменологической редукции, ибо сама сущность непосредственного восприятия для него недоступна, поскольку сущность непосредственного восприятия есть само это непосредственное восприятие.

«Механизм» выбора возможностей окружающего мира и экологический компонент социальной установки

Проанализировав подробно особенности экологического подхода Дж. Гибсона и предположив существование механизма экологического компонента в социальной установке, мы должны обосновать способы анализа и извлечения возможностей окружающего мира механизмом экологического компонента. Этот компонент должен обладать способностью анализа за возможностей и выбора возможностей для формирования социальной установки. Мы анализируем вводимое нами понятие *«социально-экологическая ниша» как набор возможностей человека*, предоставляемых ему окружающим миром и другими людьми.

Характеризовать понятие «возможность» можно с двух позиций – философской и психологической. При этом основной массив исследований относится именно к сфере философии,

поскольку разработка данной проблемы в «психологии, по существу, еще только начинается. В психологической литературе можно встретить лишь отдельные высказывания относительно использования этих категорий (имеются в виду категории возможности и действительности. – *А.Д.*). Специальные психологические работы, посвященные данной проблеме, по существу, отсутствуют» (Артемьева, 1988. С.89).

Общепринято, что философские категории возможности и действительности являются соотносимыми. «Возможность – объективная тенденция становления предмета, выражающаяся в наличии условий для его возникновения. Действительность – объективно существующий предмет как результат реализации некоторой возможности, в широком смысле – совокупности всех реализованных возможностей (Старостин, 1983. С.87). Сразу следует отметить, что в нашей концепции социальной установки понятие возможности будет использовано строго в понимании экологического подхода как стимульной информации окружающего мира. Это отличается от представлений о категории возможности в любом из взглядов в философии. «Действительность» в нашем представлении будет заменена понятием «окружающий мир», который с точки зрения экологического подхода имеет совершенно определенные оригинальные характеристики, отличные от качеств действительности как категории философии.

Хорошо известно, что изучение категорий возможности и действительности активно велось еще в античной философии. Здесь можно говорить об элейской и мегарской школах. Аристотель называл элейцев «не-физиками», Платон – «неподвижниками», Секст Эмпирик – «противоестественниками». В эту школу входили Парменид, Зенон Элейский, Мелисс Самосский. В мегарскую школу как в одну из сократических входили Евклид из Мегары, Евбулид, Стилпон, Диодор Крон; часто их называли «спорщиками». Действительное бытие, с их точки зрения, является единственно возможным.

Аристотель связывал эти категории с понятиями «акт» и «потенция» и соотносил их с движением. Аристотель считал, что действительность предшествует возможности. Потом у

Гегеля мы тоже найдем эту схему: действительность → возможность → действительность. И нам представляется, что в этом есть определенный смысл, поскольку с точки зрения экологического подхода возможности содержатся в окружающем мире и извлекаются индивидом.

Если же мы будем рассматривать возможность просто как еще нереализованную, потенциальную действительность, то тогда, по экологической логике рассуждения, эту возможность просто будет некому еще извлекать. У Аристотеля подчеркиваются именно эти пассивность материи (возможности) (Гибсон постоянно говорит о пассивности окружающего нас мира) и активность формы, которая может превращаться в действительность.

При этом важно помнить, что возможность реализуется, извлекается не случайно, как на этом настаивал Гегель, а строго в соответствии с будущими структурами окружающего мира и реализованными возможностями. «В земных вещах таятся причины будущего, как нива в семени; стали говорить, что через такое движение разворачивается и распространяется то, что свернуто в мировой душе, как в клубке» (Кузанский, 1979. С.128).

Нам представляется это положение чрезвычайно важным с точки зрения характеристики понятия «возможность», ибо именно в способности индивида извлекать ту или иную возможность наложено будущее «проектирование», предвидение будущего, поскольку реализация возможности – это всегда момент предвидения. Но само по себе прогнозирование результатов реализации возможности может быть построено только на основе умения увидеть данную возможность еще в «свернутом» виде, еще не реализованную, даже еще не извлеченную. «Ясно, что всякое предчувствие есть химера; в самом деле, как можно ощущать то, чего нет? Но если это суждения, исходящие из смутных понятий о такой причинной связи, то это не предчувствие; понятия, ведущие к этому, можно развить и объяснить, как это бывает при всяком строго обдуманном суждении» (Кант, 1966. Т. 6. С.424).

Забегая вперед, сразу следует ответить на этот вопрос Канта словами Кузанца, который считал, что сама структура психической организации человека такова, что позволяет осуществлять данный прогноз и выбирать те самые «смутные понятия о причинной связи», которые потом могут реализоваться в действительность (см.: Кузанский, 1979. С.326) В свое время Аристотель называл эти реализованные возможности энтелихиями – это «нахождение-в-состоянии-полной-осуществленности». Энтелихия, в понимании Аристотеля, противоположна материи (как чистой возможности) и соотносима с формой, которая обладает активностью. Психическое обладает первой энтелихией (знание): «Но живое в возможности – это не то, что лишено души, а то, что ею обладает. Семя же и плод суть именно такое тело в возможности. Поэтому как раскалывание (для топора) и видение (для глаза) суть энтелихия, так и бодрствование; а душа есть такая энтелихия, как зрение и сила орудия, тело же есть сущее в возможности (Аристотель, 1976. С.396).

Позиции Аристотеля являлись во многом определяющими как для философов Средневековья, так и для последующих поколений. Поскольку Аристотель увязывает категорию возможности с понятиями «акт» и «потенция», то многие философы пользовались именно этими понятиями. Так, читаем: «Потенцией называется предрасположение вообще, в силу которого ничто не становится актуальным и не возникает ничего такого, благодаря чему что-либо могло бы стать актуальным. [Это потенция вообще]. Потенцией называется, далее, это же предрасположение, когда для данного предмета реализуется только то, в силу чего он может достигнуть актуального состояния без чего-то опосредующего. [Это возможная потенция]. Потенцией, наконец, называется это предрасположение, когда оно получило завершение благодаря орудью. [Это опыт]» (Ибн Сина 1968, Т.1. Ч.2. С.859). При этом мы уже упоминали на предыдущей странице, что возможность находится в каком-то странном положении – она должна, с одной стороны, предшествовать тому, что потом станет действительностью, но, с другой стороны, кто-то должен эту возможность

реализовать, то есть этот «кто-то» должен уже существовать до самой возможности. Гегель определит это как переход из одних форм действительности в другие, а Гибсон – как извлечение организмом возможностей из окружающего мира. Фома Аквинский же заметит: «Мы видим, что все, что есть в мире, переходит из потенции в акт. Но оно не само переводит себя из потенции в акт, ибо того, что есть в потенции, еще нет, а потому оно и не может действовать» (Аквинский, 1968. Т.1. Ч.2. С.859).

Вероятно, именно исходя из этой сложности, в современной психологии есть предложения упростить ситуацию и рассматривать понятия актуального и потенциального вместо категорий возможности и действительности, предлагаемых философией. «В психологической литературе одно из проявлений диалектики возможности и действительности раскрывается через связь категории потенциального и актуального. Не исчерпывая всего богатства взаимосвязи категорий возможности и действительности, потенциальное и актуальное позволяет тем не менее отразить многие стороны этой взаимозависимости применительно к психологии личности» (Артемьева, 1988. С.94). Далее мы подробно охарактеризуем данную позицию, а предварительно нам надо уяснить соотношенность категории «возможность» в философии и понятия «возможность» в предлагаемом экологическом подходе.

Возвращаясь к развитию представлений о категории возможности, нельзя не упомянуть великого Кузанца, в работах которого можно встретить прообразы почти всех будущих философских идей и психологических направлений. Едва ли в конце двадцатого века следует доказывать, что сущность философских работ Николая Кузанского ни в коем случае не может быть сведена к теологическому направлению. Бог в его понимании, как и у большинства мыслителей того времени, скорее не объяснительный принцип, а методический прием философствования. Кузанец очень подробно интересуется понятием «возможность» и высказывает мысли, близкие к пониманию возможности как получаемой через стимульную информацию окружающего мира. Например, его утверждение о

существовании возможности в окружающем мире. «О ней (возможности. – А.Д.) много сказано древними, которые все согласно решили, что из ничего ничего не возникает, и на этом основании постулировали некую абсолютную возможность бытия всего, считая, что она вечна и что в ней возможностным образом свернуто все в мире. К понятию этой материи, или возможности, они пришли так же, как к понятию абсолютной необходимости, только умозаключая, в обратном порядке, то есть абстрагируя форму телесности от тела и мысля тело нетелесно» (Кузанский, 1979. С.118).

Исходя из своих представлений о троичности единства Вселенной (возможность, актуальность и связь), Кузанский выводит четыре универсальных модуса бытия. К первому модусу он относит абсолютную необходимость, ко второму модусу – «...тот, каким вещи существуют в сложной необходимости, где формы вещей, истинные в себе, пребывают с различиями и в природном порядке, как в уме». Третий модус бытия – это актуальность вещи в возможности. Четвертый, или низший, модус бытия – «тот, каким вещи могут быть; это – абсолютная возможность» (см.: Кузанский, 1979. С.117). При этом он отмечает: «Три последние модуса бытия существуют в едином универсуме, то есть конкретном максимуме. Из них состоит единый универсальный модус бытия, потому что без них не может существовать ничто. Не то что универсальный модус бытия образован тремя этими модусами, словно частями, как дом образован крышей, фундаментом и стенами; он состоит из этих модусов в том смысле, как роза, зимой пребывающая в кусте потенциально, а летом актуально, переходит из одного модуса бытия, возможности, в другой, актуальной определенности, откуда видим, что имеется один бытийный модус возможности, другой – необходимости, третий – актуального определения. Универсальный модус состоит из трех вместе, потому что без них ничего нет. Причем ни одного из этих модусов тоже актуально нет без другого» (Кузанский, 1979. С.118).

Если мы теперь назовем окружающий мир как то, что Кузанский называет «единым универсумом», или «конкретным

максимумом», то, действительно, все существует только в окружающем мире. Более того, возможности для существования организма предоставляет организму именно окружающий мир (согласно Гибсону), но сам этот мир не может существовать без того, кому он эти возможности предоставляет. Ибо в противном случае надо говорить уже не об окружающем мире, а о физическом – это четкая позиция Гибсона. Здесь основа и взаимозависимости, и встроенности, и особого взаимодействия мира и индивида: пассивный окружающий мир (как и у Аристотеля, как и у Гегеля) и активный индивид (форма у Аристотеля, активность души у Ф. Аквинского, интенциональность у Ф. Брентано, извлечение информации у Гибсона).

Важно, что понятие особенного устройства окружающего мира является базовым для рассмотрения всего комплекса проблем – и возможности, и жизнедеятельности индивида в мире. Это именно то, что потом не захотел увидеть Ч. Дарвин в своей конструкции среды обитания. «В самом деле, Вселенная как бы природным порядком, будучи совершеннейшей полнотой, заранее всегда уже предшествует всему, так что каждое оказывается в каждом: в каждом творении Вселенная пребывает в качестве этого творения, и так каждое вбирает все вещи, становящиеся в нем конкретно им самим: не имея возможности из-за своей конкретной определенности быть актуально всем, каждое конкретизирует собой все, определяя все в себя самого. Соответственно, если все – во всем, то все явно предшествует каждому» (Кузанский, 1979. С.110). Мы еще раз подчеркиваем, что мысль Гибсона о структуре окружающего мира и о возможностях окружающего мира не есть просто красивая идея экологически модного течения, но есть экологически-гуманистический императив нашего времени, выстраданный всем предыдущим развитием философской мысли.

Для того чтобы стало возможным говорить о взаимодействии человека с окружающей средой (и в философском, и в психологическом, и в экологическом, и в биологическом плане), необходимо помнить, что и окружающий мир, и человек строго определенным образом устроены. Вероятно, это та самая структура, о которой говорили гештальтпсихологи, ставя

ее во главу угла своей теории. Структура окружающего мира определена структурой входящих в нее элементов, и наоборот. Но ни первое, ни второе не может быть сводимо друг к другу, поскольку вместе они образуют уже некую новую структуру, сущность которой будет в том, что это будет живая структура организма в окружающем мире. Мы назовем это **«жизнь-структуры-окружающего-мира»**.

При этом важнейшим элементом данной структуры станет индивидуальная психическая жизнь. Сама же структура будет организовываться по известным принципам целостности, имплицитности, равновесия, простоты, близости, прегнантности, симметричности – того, что Гибсон называет терминами «встроенность» и «взаимозависимость». Возможности окружающего мира могут быть извлечены только посредством использования аппарата психической организации (не только человека, но и всего живого, кроме растения – это особый случай). Но и **окружающий мир структурирован так, что в нем заложена возможность и необходимость существования механизма психики в индивиде, ибо возможности должны восприниматься**.

Позже мы подробно будем говорить о том, что это восприятие осуществляется через извлечение сущности информации. «Соответственно, душа мира обладает бытием только слитно с возможностью, которой она определяется, и так же, как ум, не отдельна и неотделима от вещей: ведь если мы рассмотрим ум, как он существует отдельно от возможности, то это будет сам же божественный ум...» (Кузанский, 1979. С.126). Кузанский характеризует возможность как исходящую из вечного единства, а «определяющее, ограничивая возможность определяемого, происходит из равенства единства. В самом деле, равенство единства есть равенство бытия: сущее и единое взаимно обратимы» (Кузанский, 1979. С.116).

Таким образом, **возможность, понимаемая как существующая в окружающем мире, уже в своей структуре несет потенцию быть воспринятой «определяющим», то есть механизмом психики, который сам в свою очередь тоже является возможностью окружающего мира и имеет тождественную с ним структуру функционирования**.

Поскольку мы постоянно говорим о возможности в соотношении с идеей установки и необходимостью выбора одной возможности для формирования социальной установки, то именно психическое с его структурным взаимодействием в рамках нашего понятия жизни-структуры-окружающего-мира и есть тот механизм извлечения и первичного анализа возможности с целью ее выбора, который присущ экологическому компоненту социальной установки. «Наша душа есть универсальная различительная сила, единая и простая, цельная в целом и в каждом органе: так что, например, вся различающая сила глаза дана ему душой, отдающей зрению» (Кузанский, 1979. С.326).

Именно о подобном непосредственном восприятии говорит Гибсон при анализе зрительного восприятия. Это же можно понять и как интенциональное уяснение сущности Э. Гуссерля. Здесь душа есть именно та энтелихия, которая способна извлечь и реализовать возможность. Аристотелевская пассивность материи (возможности), гибсоновская пассивность окружающего мира (информация находится в мире, но не передается и не принимается) противопоставлены способности души стать энтелихией – реализованной возможностью. «Итак, (...) очевидно, что душа есть некоторая энтелихия и смысл того, что обладает возможностью быть таким (одушевленным существом)» (Аристотель, 1978. С.399).

Поскольку возможностями обладает окружающий мир, а смысл формируется в момент интенционального переживания, то душа становится здесь смысловым различительным механизмом, механизмом, способным анализировать различные возможности окружающего мира. **Мы называем этот механизм экологическим компонентом социальной установки.** Важно при этом, что Аристотель говорит об одушевленном существе – это важнейшая характеристика индивида-в-окружающем-мире.

Именно индивидуальная психическая жизнь является основой структурного взаимодействия окружающего мира и индивида в рамках жизни-структуры-окружающего-мира.

При этом еще Аристотель подчеркивал их обязательную взаимозависимость и взаимодополнительность, которая является основой как выбора возможности, так и смысла существования индивида: борьба между ними лишает их смысла существования. «С относящимися к душе дело обстоит почти так же, как и с фигурами, вот в каком смысле. А именно: и у фигур, и у одушевленных существ в последнем всегда содержится в возможности предшествующее (...)» (см.: Аристотель, 1976. С.400). Вслед ему Н. Кузанский выделяет такие характеристики понятия «возможность»: вершина созерцания есть само по себе могу, возможность всякой возможности; (...) к самой по себе возможности нельзя ничего прибавить, поскольку это возможность всякой возможности; (...) бытие ничего не прибавляет к возможности быть человеком, есть только то, что может быть; (...) поскольку сама по себе возможность предшествует всякой возможности с прибавлением, ее нельзя ни назвать, ни ощутить, ни вообразить, ни понять (...); как возможности Аристотелева ума обнаруживаются в его книгах, (...) так и сама по себе возможность есть во всех вещах; (...) только живой интеллектуальный свет, именуемый умом, созерцает в себе самую по себе возможность; (...) *возможность выбирать свертывает в себе возможность существовать, возможность жить и возможность понимать*; (...) все, что видит ум, есть модусы проявления самой по себе негленной возможности; (...)» (см.: Кузанский, 1979. С.430).

Нам представляется, что то понятие возможности, которое кажется Кузанцу и возможностью, и невозможностью одновременно и жить, и существовать, есть то, что Гуссерль понимает под смыслом, сущностью, возникающей при интенциональном переживании. Гибсон считает, что возможность извлекается на основе информации, которая понимается им совершенно иначе, нежели это общепринято. Он сетует на то, что не может подобрать подходящий термин для его представления о стимульной информации. При этом стимульная информация понимается им как то, что стимулирует возникновение возможностей, то есть организм, активно извлекая стимульную информацию, приобретает способность извлекать

информацию. *Стимульная информация – это стимул, который вызывает появление возможности.*

Мы предлагаем ввести новый термин для обозначения описанного феномена – «сущностная информация». Это означает, что индивид воспринимает из окружающего мира информацию о сущности непосредственно в акте восприятия.

Сущностная информация извлекается через интенциональное переживание и обеспечивает формирование смысла, который ложится в основу оценки той или иной возможности. К такой сущности информации, которая заложена в каждой возможности и от которой отделена информация о существовании (в понимании К. Шеннона), конечно же, уже нечего прибавить, поскольку она и есть «возможность всех возможностей». Невозможность прибавления к возможности говорит о необходимости очищения от всего лишнего, что и делает Гуссерль в своем усмотрении чистых сущностей путем феноменологической редукции. Первичность же возможности, или сущностной информации, обеспечивается особым экологическим устройством окружающего мира: «все свернуто в мировой душе, как в клубке...»

Сущностная информация, возможность возможности воспринимается непосредственно, в акте усмотрения, в акте восприятия: «созерцатель во всем видит саму по себе возможность, как в изображении видится истина».

Важнейшим представляется размышление о том, что не каждый может видеть возможность, «хотя во Вселенной не содержится ничего, кроме самой по себе возможности, лишённые ума не могут этого видеть». Из этого закономерно вытекает, что возможность одновременно может восприниматься всеми (ибо нет ничего кроме возможности) и одновременно она воспринимается не всеми (лишённые ума не могут этого видеть). Призовем теперь Аристотеля как величайшего авторитета и для Кузанца: «Когда ум становится каждым (мыслимым) в том смысле, в каком говорят о сведущем как о действительно знающем (а это бывает, когда ум способен действовать, опираясь на себя), тогда он точно так же есть некото-

рым образом в возможности, но не так, как до обучения или приобретения знания, и тогда он способен мыслить самого себя» (Аристотель, 1976. С.434). Разве это не есть феноменологическая редукция Гуссерля с ее интенциональным переживанием и «чистым» сознанием?

Мы неоднократно подчеркивали важнейшую нашу идею: механизм интенциональности экологического компонента социальной установки, «автоматически» осуществляя феноменологическую редукцию, имеет возможность извлекать сущности из окружающего мира в виде сущностной информации (или возможностей). Этот же самый механизм может стать предметом рассмотрения исследователя, и тогда он может быть проанализирован на основе метода феноменологической редукции, предложенного Э. Гуссерлем. «Таким образом, все – ради ума, а ум – ради видения самой по себе возможности». Важнейшим, далее, является представление о том, что эта способность психического основана на особом устройстве мира: «возможность выбирать свертывает в себе возможность существовать». Именно на этом особом устройстве мира и зиждется способность интенционального переживания, ибо смыслы извлекаются из окружающего мира. Сами же эти сущности вполне доступны уму – «ум видит и сам себя».

Здесь следует уточнить, что Кузанский разделяет рассудок, интеллект и чувство, причем за каждым он оставляет возможность познания. «Как известно, человек состоит (exsistit) из чувства, интеллекта и посредника – рассудка. Ощущение стоит порядком ниже рассудка, рассудок – интеллекта. Интеллект не погружен во временное и вещественное, он абсолютно свободен от них; чувство целиком зависит от мира, подчиняясь временным движениям; рассудок по отношению к интеллекту как бы на горизонте, а по отношению к чувству – в зените, так что в нем совпадает то, что ниже, и то, что выше времени. Чувство не улавливает надвременных и духовных вещей, оно животно, а животность не воспринимает божественного, ведь есть дух и больше, чем дух; вечность окутана для чувства мраком непознаваемости...» (Кузанский, 1979. С.160).

Рассуждая в терминах Кузанца, можно продолжить, что интеллект погружен в сущности, но сами сущности погружены в окружающий мир в виде смысла, который надо извлекать каждому индивиду. При этом извлечение сущности – это прерогатива только интеллекта, поскольку именно он может быть ничем не замутнен, это «чистое» сознание, о котором пишет Гуссерль рассматривая свое понятие эпохэ. «Рассудок возникает в тени интеллекта, а чувство – в тени рассудка, причем в чувстве познание гаснет: растительная душа, возникая в тени чувства, не причастна к лучу познания, так что не может воспринять идею и отделить ее от материальных приатков, сделав простым предметом познания» (Кузанский, 1979. С.111).

Мы неоднократно замечали особое отношение ко времени как в феноменологии, так и в экологическом подходе Гибсона, поэтому считаем нужным еще раз отметить, что особенное понимание времени существует только на уровне того, что Кузанский называет интеллектом, Гибсон – непосредственным восприятием, Гуссерль – интенциональным переживанием, то есть на уровне извлечения смысла, сущностной информации.

Как это ни парадоксально, но сущностная информация не может извлекаться ни в одной из теорий установки или атитуда, ее просто нечем извлекать (исходя из всех структур установки). То, что называется когнитивным и аффективным компонентами установки, вполне соотносимо с тем, что Кузанец называет рассудком и чувством, и для них действительно существуют и пространство, и время – они просто погружены в него. *Интеллект, или то, что мы называем экологическим компонентом, погружен в нечто иное – в мир сущностей, поэтому он не подвержен ни времени, ни пространственным характеристикам. Сущности же реализуются через возможности окружающего мира.* Таким образом, здесь возникает то неуловимое и неизъяснимое единение противоположностей, о котором говорит Кузанец: «Кто прочтет написанное мной в разных книжках, заметит, что я очень часто занят совпадением противоположностей и постоянно пытаюсь прийти в итоге к интеллектуальному видению, превосходящему силу рассудка» (Кузанский, 1979. Т.2. С.97).

Окружающий мир переходит в возможность, возможность – в сущность, сущность воспринимается интеллектом (по Кузанцу), или экологическим компонентом социальной установки (по Десяткину), или интенциональным переживанием (по Гуссерлю). Принципиально то, что это происходит непосредственно. «При всем том интеллект не созерцает тогда чего бы то ни было вне интеллектуального неба своего успокоения и своей жизни: временные вещи мира он видит не временно в неустойчивой последовательности, а в неделимом настоящем; настоящее же, или свертывающее в себе все времена теперь, не постижимое чувством, принадлежит не этому чувственному, а интеллектуальному миру. Точно так же количественные вещи он видит не в протяженной делимой телесности, а в неделимой точке, интеллектуальной свернутости всякого протяженного количества. Различия вещей он тоже видит не в численном разнообразии, а в простейшей единице, интеллектуальной свернутости любого числа. Словом, интеллект обнимает все интеллектуально, над всяким модусом отвлекающей и затемняющей чувственности; весь чувственный мир созерцается им не в чувственном, а в более истинном, интеллектуальном модусе. Это совершенное познание называется созерцанием (*intuitio*) потому, что между таким присущим интеллектуальному миру познанием и познанием, доступным в чувственном мире, существует такое же различие, как между знанием увиденного и знанием услышанного. Насколько порожденное видением знание вернее и яснее того, что мы знаем понаслышке, настолько созерцательное познание другого мира лучше и превосходнее познания в этом мире. Так что созерцательное познание можно назвать знанием «почему», поскольку знающий понимает здесь основание вещи, а знание понаслышке – знанием «что» (Кузанский, 1979. С.320). Это потом уже у Анри Берсона интуиция будет основана на единстве субъекта и объекта, но именно потому, что интеллект занимает особое положение в общей структуре окружающего мира.

Поскольку Кузанский постоянно говорит о троичности мира, то есть о возможности, реализованной возможности и свя-

зующего их движения, то их единство и есть троичность мира – мир просто не может существовать иначе как в триедином начале, это его сущностная структура. В структуре этой только и могут совпасть противоречия. Важно отметить при этом, что не все, что противоречиво вообще, может совпадать, но только то, что есть сущность, то есть сущностная информация. Это возможно только потому, что так устроен окружающий мир: на основе принципа встроенности и взаимозависимости через троичность мира (возможность, действительность, действие). Кузанский говорит, что именно через действие душа соединяется с телом, и в этом сущность его «деятельностного подхода». Таким образом, единство противоположностей, единство возможностей и действительности, единство психического и физического основано на особом устройстве мира, на его троичности.

Кант в свое время писал по поводу разума: «На долю человеческого разума в одном из видов его познания выпала странная судьба; его осаждают вопросы, от которых он не может уклониться, так как навязаны они ему его собственной природой; но в то же время он не может ответить на них, так как они превосходят возможности человеческого разума» (Кант, 1963. С.73). Это та самая неуловимость интенционального переживания, которое есть суть феноменологической редукции; именно в момент этой неуловимости и возникает смысл, извлекается сущностная информация. Превосходят они возможности именно разума (в понимании Кузанца), но не интеллекта (в его же понимании), **поскольку интеллект может извлекать и постигать сущность именно потому, что составляет часть жизни-структуры-окружающего мира.** «Нам свойственно от природы познавать то, что обретает свое бытие лишь в прошедшей индивидуализацию материи, ибо душа наша, посредством которой мы осуществляем познание, есть форма некоторой материи. Но душа имеет две возможности познания. Первая состоит в акте некоторого телесного органа; ей свойственно распространяться на вещи, поскольку они даны в прошедшей индивидуализацию материи; отсюда ощущение познает лишь единичное, вторая познавательная возможность души есть интеллект, который не

есть акт какого-либо телесного органа. Отсюда через интеллект нам свойственно познавать сущности, которые, правда, обретают бытие лишь в прошедшей индивидуализации материи, но познаются не постольку, поскольку даны в материи, но поскольку абстрагированы от нее через интеллектуальное созерцание. Отсюда в интеллектуальном познании мы можем брать и какую-либо вещь обобщенно, что превышает возможности ощущения» (Аквинский, 1968. Т. 1. Ч. 2. С.834).

Именно это ограничение человеческого разума заставляло Гуссерля искать основы для совершенного человеческого разума, абсолютного и истинного познания. Гибсону этот путь видится через особую организацию окружающего мира, нам – через жизнь-структуры-окружающего-мира. Кузанский выделяет три познавательных модуса (именуя их вслед за Августином небесами): чувственный, интеллектуальный и интеллигентный, а процесс совпадения противоположностей и взаимопроникновения сущностей изображается им в виде двух пирамид: «Итак, поскольку теперь ты достиг того, чтобы с помощью предположений увидеть все вещи состоящими из единства и инаковости, то представь себе единство неким формирующим светом, а также подобием первого единства; инаковость же – тенью, отпадением от первого простейшего единства, материальной плотностью. Вообрази пирамиду света, проникшей во тьму, пирамиду же тьмы – вошедшей в свет, и своди все, что можно исследовать, к этой фигуре, чтобы с помощью наглядного руководства ты смог обратить свое предложение на скрытое, дабы, опираясь на пример, ты увидел Вселенную, сведенную к нижеследующей фигуре» (Кузанский, 1979. С.207). И он приводит рисунок фигуры (рис. 2). Чувственное отнесено Кузанским в «низший мир». Данную фигуру он называет буквой «П» – «парадигма» (см.: Кузанский, 1979, С, 207). «Пирамида» как набор возможностей есть одна из главных характеристик окружающего мира. Высший мир, или третье небо (терминология Августина), есть средоточение интеллекта, момент истины, усмотрения сущности, момент интенционального переживания Гуссерля. Средний мир, или второе небо, соответствует разуму (по Кузанцу) и имеет довольно ограниченные возможности, ибо «рассудок возника-

ет в тени интеллекта». Низший мир, или первое небо, есть область царства чувства, где животное начало человека наиболее властно. Сущность единения этих противоположностей состоит в структуре окружающего мира. В нашем представлении это *жизнь-структуры-окружающего-мира*, то есть сущность окружающего мира можно постичь только в процессе индивидуальной психической жизни на основе их (сущностей и психики) идентичной структуры (взаимозависимость и встроенность). Как окружающий мир существует для индивида, так и индивид существует для окружающего мира. Друг без друга они невозможны, ибо тогда окружающий мир превращается в мир физический, а индивид – в божество, живущее независимо от мира или даже творящее его.

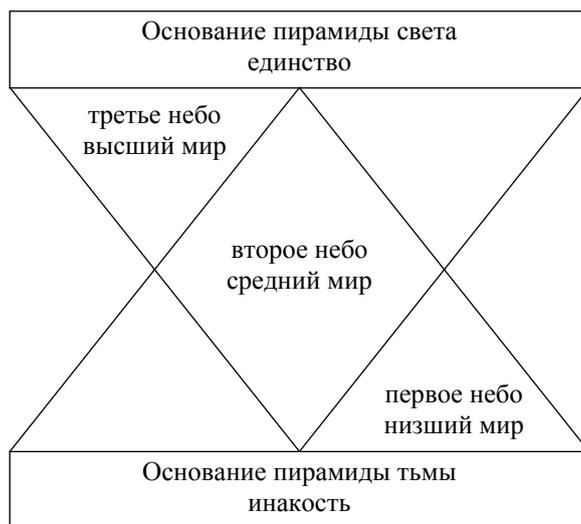

Рис. 2. «Пирамида» Кузанца

Теперь же следует попытаться сравнить данную схему Кузанца с нашим представлением о структуре социальной установки. Мы тоже предполагаем, что в структуре социальной установки должен быть механизм, обеспечивающий извлечение сущностной информации из окружающего мира. Он не

может быть когнитивным, ибо действия его ограничены хотя бы уровнем сознания. Тем более он не может быть аффективным, ибо «чистое сознание» изначально подразумевает отказ от всяких форм предварительного суждения, отношения. Это может быть компонент, который очень тесно связан с окружающим миром и набором его возможностей (сущностей). *Этот компонент должен иметь способность извлекать сущностную информацию, то есть информацию, обеспечивающую адекватное существование данного организма в данном окружающем мире.* Мы используем здесь фигуру «П» Кузанца и называем этот компонент экологическим компонентом социальной установки (рис. 3). «Возьми фигуру «П» и сделай единство душой, инаковость телом. Телесность переходит вверх, в духовность, дух – вниз, в телесность. Поскольку нисхождение духа есть восхождение тела, ты должен связать воедино то и другое, понимая различие тел из различия душ так, чтобы одновременно строить предположения о различии душ по [различию] тел» (Кузанский, 1979, С.248).

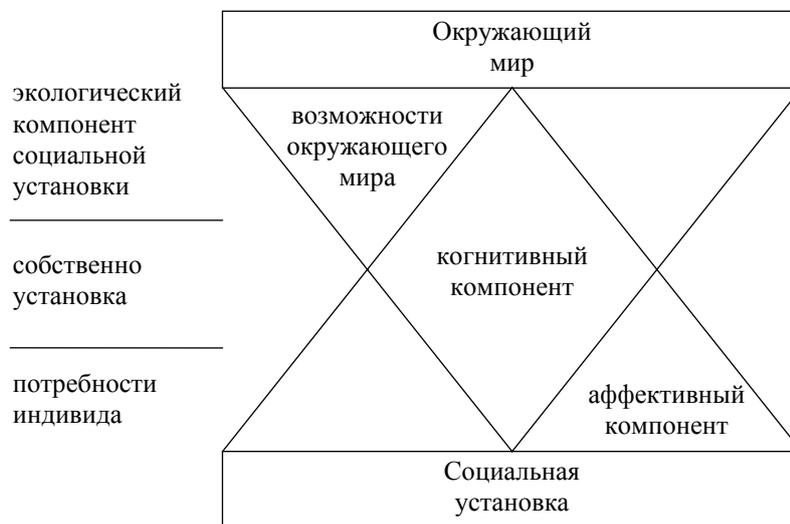

Рис. 3. Социальная установка и окружающий мир

Взаимопроникновение социальной установки и окружающего мира идет по той же структуре взаимодействия единства и инаковости у Кузанца. Он пишет, что «фигура «П» обнаруживает, что все возможное существует в мире по-разному: в одной вещи единство поглощено инаковостью или, наоборот, инаковость – единством одним способом, в другой – другим способом, больше или меньше. Почему и невозможно дойти до простого максимума или минимума» (Кузанский, 1979. С.209).

Итак, в данном представлении о жизни-структуры-окружающего-мира наглядно представлена возможность постижения сущности через структуру окружающего мира и социальной установки. Это то, что можно назвать противоположностями (мир и индивид) и что всегда едино. «Единство означает основание соединяющихся в нем начала и конца» (Кузанский, 1979. С.210).

Именно в этом единстве заложена возможность прогнозирования выбора возможности, то есть возможность оценки смысла той или иной возможности. Возникающий в процессе интенционального переживания смысл может быть извлечен экологическим компонентом социальной установки и использован для выбора возможности из уже сформированной общей структуры социально-экологической ниши индивида.

Взаимодействие окружающего мира и индивида через понятия возможности и действительности можно понимать и как разделение на область «природы» и область «человека». «В природных процессах превращение возможности в действительность совершается стихийно и зависит от объективных условий. Например, в зерно заложена возможность стать тем или иным растением. И реализация этой возможности наступает при определенной совокупности условий...» (Артемьева, 1988. С.93).

Едва ли с этим можно согласиться, поскольку, во-первых, это противоречит всем принципам экологического подхода, во-вторых, потому что в этом случае невольно возникает вопрос о «первичности» возможности и действительности, ибо

саму возможность должна реализовать некая действительность, которая только еще находится в возможности.

Представляется, что подобная позиция возникнет в том случае, если мы будем переносить традиционные философские категории возможности и действительности в область психологии. Здесь необходим новый подход.

Многим исследователям видится, что лучшим способом решения этой проблемы может стать введение понятий актуального и потенциального в психологии. Это позволяет приблизить понятия к собственно человеку, его личности, индивидуальной психической жизни. «Однако введение или использование для психологического анализа потенциального и актуального отнюдь не означает, что тем самым отрицается правомерность применения философских категорий возможности и действительности в психологии. Это означает лишь то, что в ряде случаев категории потенциального и актуального являются более подходящими, удобными и конкретизирующими диалектику развития психологических и личностных новообразований, поскольку само потенциальное выступает дополнительной характеристикой возможности, а актуальное – действительности» (Артемьева, 1988. С.94).

При этом понятия актуального и потенциального едва ли могут претендовать на статус категории, поэтому мы будем называть их понятиями. Артемьевой потенциальное видится как те свойства личности, которые могут реализоваться в определенных условиях, либо потенциальное может быть результатом развития, которое может заключать в себе новые возможности развития. Выделяется потенциальное как «предактуальное» и потенциальное как «постактуальное». Под актуальным понимаются уже реализованные ранее потенциальные возможности, это своеобразный новый уровень развития потенциального.

Мы очень кратко остановились на подобной точке зрения, поскольку она не будет нами использована. Здесь мы заявляем свою позицию, состоящую в том, что понятие возможности будет использовано нами не в традиционном философском понимании, не в понимании «актуального – потенциального»,

а строго в понимании возможности в экологическом подходе в психологии. Это обусловлено прежде всего тем, что следующим шагом для нас будет вопрос формирования установки на основе теории Д.Н. Узнадзе.

Из всех вышеописанных представлений о возможности только одно – представление в экологическом подходе – может быть соотносимо с представлениями о ситуации в понимании Д.Н. Узнадзе. Проведенный в первой главе анализ теории установки Д.Н. Узнадзе отчетливо показывает, что понятие «ситуация» в теории установки можно соотнести с понятием «окружающий мир», который содержит возможности для удовлетворения потребностей индивида. А поскольку моментом формирования установки является момент «встречи» потребности и ситуации ее удовлетворения, то мы можем смело предположить, что *понятие «возможности окружающего мира» вполне корректно может заменить понятие «ситуация» в теории установки.*

Далее мы будем вместо понятия «возможности окружающего мира» использовать понятие «возможности», приписывая ему при этом все характеристики возможности, которыми оно обладает в экологическом подходе Дж. Гибсона. Ни понимание возможности в философии, ни понимание возможности (или потенциального) в психологии не могут удовлетворить предъявляемым нами требованиям к понятию «возможность» в русле нашего подхода к социальной установке, ее формированию.

Трактуемое экологически понятие «возможность» становится центральным для всей нашей концепции, ибо неизбежным вопросом, порождаемым самой структурой понятия, является вопрос о выборе возможности окружающего мира в момент формирования установки.

Проблема выбора, таким образом, становится главной: каким образом индивид выбирает именно данную конкретную возможность для формирования установки? Какой механизм обеспечивает выбор возможности, если установка понимается как первичный элемент? Что обуславливает правильный выбор конкретной возможности, ибо она должна быть как-то со-

отнесена с уже реализованными возможностями? Эти и многие другие вопросы являются базисными для нашей концепции и могут быть решены в русле экологического подхода к социальной установке.

Здесь требуется сказать несколько слов о проблеме выбора в психологии. Нельзя утверждать, что это хорошо исследованная или актуальная проблема психологии, скорее, она изучается в рамках исследований о принятии решения либо при когнитивном подходе. В философской же традиции проблема выбора соотносима с такими понятиями, как «свобода» или «свобода воли». Нам представляется, что это несколько иная точка зрения, поэтому мы будем в своем исследовании опираться на понимание выбора как предпочтения той или иной возможности окружающего мира (на основе чего формируется установка).

Вероятно, необходимо отметить, что все поведение выбора можно разделить на «установочное» и «внеустановочное». Если под первым понимается полная свобода в выборе возможности и отсутствие какого бы то ни было принуждения, то под вторым понимается любая ситуация безальтернативного поведения: выбор в этом случае навязывается различными способами влияния, начиная от психологических и кончая грубым физическим насилием. Возможностей же окружающего мира всегда имеется больше, чем одна, то есть всегда есть выбор возможности. Нас интересует только вариант выбора возможности, в котором отсутствует даже намек на принуждение.

Установка, в нашем представлении, должна быть сформирована только на основе механизма свободного выбора возможности – именно тогда функционирует то, что названо нами экологическим компонентом социальной установки. Необходимо подчеркнуть также, что речь идет не об абстрактных философских возможностях, а о конкретных возможностях удовлетворения конкретной потребности.

Механизм выбора возможности «завязан» на потребность индивида, она является вторым необходимым компонентом формирования установки; только в дихотомии потребность–возможность можно говорить об экологическом подходе к со-

циальной установке. Выбор возможности в этом случае есть первая ступень в формировании установки, ибо момент «встречи» потребности и возможности должен быть «запрограммирован» результатом реализации той или иной возможности. Мы остановились на экологическом понимании возможности именно в силу того, что оно напрямую связано с потребностями индивида: возможности находятся в окружающем мире и извлекаются индивидом для удовлетворения потребностей. Потребности и возможности являются парными категориями, которые имеют смысл только при их одновременном употреблении. На основе свободного выбора возможности формируется установка, которая обусловлена данной потребностью индивида. Образно говоря, эти два типа поведения (установочное и внеустановочное) можно описать как «хочу» и «надо», где первый вариант обусловлен мотивационными структурами, а второй – ситуационными. Мотивационные структуры при этом всегда будут естественно связаны с потребностями, в то время как структуры внешней ситуации принуждения могут с потребностями и не совпадать.

Представляется интересным следующее наблюдение, сделанное Б.М. Величковским в рецензии на книгу «Motivation, intention, and volition». N. Y, 1987 (см.: Вопросы психологии. 1989. № 2. С.156). Он пишет о том, что Хайнц Хекхаузен в свое время предложил метафору «психологического рубикона». «Речь идет о границе двух базовых психологических состояний – мотивационного и волевого. Для первого характерно проигрывание возможных альтернативных вариантов действия, анализ и сопоставление их положительных и негативных последствий. Для второго – резкое сужение поля внимания и концентрация всех ресурсов на продумывание четкой программы действия и оптимальных путей достижения желаемого результата» (Величковский, 1989. С.156). Однако нам представляется, что здесь остается неучтенной одна очень существенная деталь: почти общепринятым условием волевого действия является наличие препятствия для совершения действия. Многие исследователи, в частности, считают, что обозначенное нами действие без преодоления препятствия не есть

волевое действие. Можно даже сказать, что «внимание» воли сосредоточено не на «продумывании четкой программы», а на существующих препятствиях в осуществлении этой программы. Что не одно и то же.

Вероятнее всего, и в том, и в другом случае «возможные альтернативные варианты» все-таки остаются, только несколько изменяется их валентность: если в первом случае (мотивационное состояние) все альтернативы обладают примерно одинаковым притягательным (или отталкивающим потенциалом), то во втором случае (волевое состояние) одна из альтернатив приобретает значительно большую притягательную значимость. Другая же альтернатива может сохранять эту значимость или даже увеличивать ее, но она непременно противопоставляется первой альтернативе и является ее антиподом не с точки зрения привлекательности и значимости, а с точки зрения возможности осуществления одновременно другой альтернативы. Это то, что Э. Гуссерль и С. Киркегор называли «Entweder-Oder» («или-или»). Это действительно «психологический рубикон».

Вопрос о мотивации слишком сложен, чтобы касаться его вскользь, но представляется, что волевые процессы все же имеют природу, отличную от мотивационных, поэтому в основе нашего представления о ситуации выбора возможности будет лежать мотивационное поведение, определяемое нами как «хочу» индивида, в отличие от ситуации «надо». Важно при этом, что подход свободного выбора обеспечивает естественность не только психологическому эксперименту в частном исследовании, но и методологии исследования. Это означает, что исследование должно быть в принципе направлено на изучение именно ситуации свободного выбора альтернативных возможностей окружающего мира.

В связи с этим полезно вспомнить размышления Мотрошиловой над вопросом Гуссерля о разуме и неразумном, о людях как субъектах свободы. Смысл существования является животрепещущим вопросом для современного человека (см.: Мотрошилова, 1968. С.95). Что может сказать на это наука? Отвечая на почти вековой давности фундаментальный вопрос Гус-

серля, мы категорически можем заявить: почти ничего! Позитивистское направление пустило столь глубокие корни в психологии, что сегодня лишь немногие теории гуманистического направления пытаются найти ответ на поставленный вопрос о свободном выборе, о смысле жизни и прочее. Интересно, что все без исключения теории установки и аттитюда являются по своим основам в той или иной степени, несомненно, позитивистски ориентированными.

Если мы еще ранее делили все поведение на установочное (как имеющее в своей основе установку) и внеустановочное (как имеющее в своей основе внешнее воздействие на индивида), то невольно возникает вопрос: а к какому типу из этих двух относятся изучаемые феномены в известных теориях установки и аттитюда? Ответ очевиден: все без исключения теории установки и аттитюда рассматривают... внеустановочное поведение! Это происходит именно в силу того, что все эти теории изначально имеют позитивистскую ориентацию и не рассматривают вообще проблему выбора («Entweder-Oder» – «или-или»).

Единственная возможность изменить эту тенденцию – рассмотреть проблему установки с позиций экологического подхода в психологии. При этом чрезвычайно важно помнить, что взаимодействие мира и индивида в исследуемом нами случае является взаимодействием, основанным на потребности индивида, и является, таким образом, как бы вторичной зависимостью, то есть первично он зависит от потребности, а уже потом – от ситуации, в которой эта потребность удовлетворяется. Именно об этом говорил С.Л. Рубинштейн: «Человек не изолированное замкнутое существо, которое живет и развивается само по себе. Он связан с окружающим миром и нуждается в нем. (...) Испытываемая человеком нужда в чем-то лежит вне его, определяет связь человека с окружающим миром и его зависимость от него» (Рубинштейн, 1989. С.103).

Обосновывая важность и необходимость исследования механизма выбора возможностей окружающего мира («Entweder-Oder»), мы следуем тем самым известному требованию Гуссерля «исходить не из философии, а от вещей и проблем». Ибо

проблема выбора для человека является жизненно важной и встает перед ним каждое мгновение его жизни.

Особенность решения проблемы выбора состоит еще и в том, что это должен быть **сущностный выбор**: человек, прежде чем делать выбор, должен знать (или воспринять непосредственно) сущность предмета или явления. В противном случае выбор будет случайным, а это абсурдно, поскольку полностью отпадает необходимость в психике как сложнейшем механизме.

Во многом наука бессильна именно потому, что она изучала в основном вопросы необходимого поведения, а не феноменологию выбора человеком в каждое мгновение своей жизни той или иной возможности, той или иной альтернативы поведения.

Говоря о традиции изучения проблемы выбора, вновь нужно отметить философскую и психологическую традицию. Проанализируем вторую из указанных.

Ситуация выбора в той или иной форме рассматривалась в работах М.А. Алексеева, М.С. Залкинда, В.М. Кушнарера (1962), Б.Г. Будашевского, Д.Н. Меницкого (1966), в работе Л.Н. Леонтьева и Е.П. Кринчик (1964), в трудах О.А. Конопкина (1966). Общую направленность этих работ можно охарактеризовать как бихевиористическую, при этом понятие «возможность» и, соответственно, выбор возможностей окружающего мира не рассматриваются вообще. Показательной в этом плане является работа В.А. Иванникова «Поведение человека в ситуации выбора» (1977). Автору представляется, что общим недостатком «подавляющего большинства работ по исследованию реакций выбора является отсутствие анализа деятельности субъекта в ситуации выбора. Лишь в работах А.Н. Леонтьева и Е.П. Кринчик, О.А. Конопкина и некоторых других авторов, а в последнее время и зарубежных исследователей (П. Бертельсон) был проведен анализ структуры и особенностей деятельности в ситуации выбора, однако многие вопросы остались нерешенными» (Иванников, 1977. С.115).

Во всех работах по анализу выбора в явной или скрытой форме подразумевается исследование прогнозирования по-

следствий выбора – то, что иными словами называется антиципацией. Это понятие предполагает также и способность предвидения результатов.

Если говорить о проблеме предвосхищения, или прогноза по следствий принимаемых решений, то обычно принятие решения изучается в целом ряде областей: начиная от философии, политики и кончая экономикой, математикой и кибернетикой. Широко известны в психологии работы в области риска, принятия группового решения, индивидуального принятия решения. Нам представляется, что проблема предвосхищения и проблема принятия решения тесно взаимосвязаны.

Предвосхищение изучалось на основе категории активности П.К. Анохиным, Н.А. Бернштейном, А.Р. Лурия, А.А. Ухтомским. При этом исследовались моторные компоненты восприятия, тактильно-осозательное восприятие, фонематическое восприятие и звуковысотное восприятие. Во многом решающий вклад здесь внесли работы Л.М. Веккера, Б.Ф. Ломова, А.Н. Леонтьева, В.А. Кожевникова, В.П. Зинченко и других.

Исследования по принятию решения велись, начиная с работ Эдвардса (Edwards, 1959), а исторические обзоры различных теорий можно встретить у Абельсона и Леви (Abelson and Levi, 1985), Бекера и Мак-Клинтока (Becker and McClintock, 1967), Эдвардса (Edwards, 1961), Эйнборна и Хогарта (Einborn and Hogarth, 1981), Раппопорта и Уолстена (Rappoport and Wallsten, 1972) и других исследователей. При этом чрезвычайно важно отметить, что классические исследования принятия решения подразумевают наличие нескольких альтернатив. Г. Карлссон выделяет при этом модели принятия решения, которые обозначены как модель «ожидаемая ценность», модель «ожидаемая полезность», модель «субъективная ожидаемая полезность». Все эти модели названы «статическими моделями, основанными на структурном анализе» (Karlsson, 1987. P.105).

Другие направления исследуют принятие решения в реальной жизненной ситуации, поскольку между экспериментальным и жизненным принятием решения существует большая разница (Abelson, 1976; Carroll, 1980; Ebbesen and Konecni,

1980). Карлссон отмечает при этом, что многие исследователи протестуют против вербального компонента эксперимента, считая его ненаучным. Это во многом соответствует позиции М. Вертгеймера и будет рассмотрено особо в главе экспериментального исследования.

Карлссон считает, что исследования по принятию решения имеют две цели: обнаружить элементарные операции и правила, которые используются при принятии решения, и изучить особенности влияния задачи по принятию решения на характеристики выбора (см.: Karlsson, 1987. P.106).

Сам по себе феноменологический подход к изучению выбора достаточно известен, в частности, его изучал Томае (1960), который описал процесс экзистенциальной дезориентации, когда существует множество альтернатив выбора. Клунап изучал феноменологический процесс индивидуального принятия решения (Cloonan, 1971). Клинические исследования проводились Кеарнсом (Keairns, 1980) и Фабером (Faber, 1978).

Важно отметить, что Гуннар Карлссон, как и некоторые другие авторы феноменологической ориентации, исследует *феномен* выбора, а не просто выбор. Они изучают его структуру с позиций феноменологической психологии. В своем исследовании мы попытались также использовать психологический феноменологический эмпирический метод для анализа структуры социальной установки и социально-экологической ниши индивида, во взаимодействии которых и осуществляется выбор возможности окружающего мира (см.: Девяткин, 1996). Если в 1898 году в «American Journal of Psychology» была опубликована первая статья К. Хилла, посвященная проблеме принятия решения, то проблема антиципации ставилась примерно в это же время Вильгельмом Вундтом, который понимал под антиципацией способ предвидения результатов действия.

Нам кажется, что в такой постановке проблема выбора и проблема принятия решения вполне могут быть признаны как имеющие общие основы. В более же узком значении антиципация есть свойство мышления по решению задачи до получе-

ния ответа. Антиципация означает также своеобразную подготовленность организма к определенной реакции до ее стимула; это своеобразное ожидание организма – то, что П.К. Анохин называл «опережающим отражением» на основе «механизма акцептора результатов действия». Аналогичное понятие «нервная модель стимула» Е.Н. Соколова также фундировано способностью организма прогнозировать последствия поведения, что является обязательным свойством живого.

В свое время Н.Н. Ланге изучал опережающие реакции организма и считал, что они играют очень значительную роль во всей психической организации индивида при его взаимодействии с внешним миром. Н.А. Бернштейн много внимания уделял прогнозированию изменений среды и учету их взаимодействий с организмом на основе своей концепции «организации активных поведенческих актов», которые он назвал физиологией активности. Им изучались прежде всего организация двигательных действий, необходимость настройки органов как важнейшей составляющей части психического. «Движение, которым связывается форма с материей, некоторые считали как бы духом, посредником между формой и материей» (Кузанский, 1979. С.128).

Исследуя процессы антиципации, Б.Ф. Ломов писал: «Проведенные нами совместно с Е.Н. Сурковым экспериментальные исследования, а также систематизация литературных данных позволили выделить по крайней мере пять основных уровней антиципации: подсознательный (неосознаваемый, в частности, субсенсорный), сенсомоторный, перцептивный, «представленческий» (уровень представлений), речемыслительный. По существу, это – разные уровни интеграции процессов приема и переработки, разные уровни проявления когнитивной и регулятивной функции психики» (Ломов, 1984. С.95). Исходя из предложенной классификации, мы могли бы отнести нашу гипотезу к уровню «подсознательно-перцептивному», то есть к уровню непосредственного восприятия. Сущность и следующий за ней выбор непосредственны.

В рамках рассматриваемого нами подхода чрезвычайно важно отметить, что организм не просто осуществляет выбор

того или иного стимула или принимает то или иное решение, а что индивид осуществляет выбор той ли иной возможности для реализации своих потребностей. Ситуация выбора возможностей окружающего мира становится, таким образом, во-первых, повседневным и ежечасным событием, а во-вторых, является деятельностью чрезвычайной сложности. Само понятие «возможность» мы рассматривали при анализе общей концепции зрительного восприятия Дж. Гибсона; здесь же надо отметить, что ситуацию выбора возможностей нельзя свести к «простейшей модели», как это предлагается В.А. Иванниковым: «Простейшей моделью для изучения опережающих процессов является поведение субъекта в ситуации выбора с вероятностным подкреплением, когда показателем изучаемых процессов выбирается изменение времени реакции или частоты выбора определенных реакций» (Иванников, 1977. С.113).

Интересным является то, что момент выбора почему-то относится к фазе осуществления действия. Даже если автор и не скрывает своей бихевиористической направленности, то все равно фаза исполнения решения никак не может быть фазой выбора решения. В этом случае очевиден «сдвиг» ближе к концу действия, что вполне закономерно осуществляет формулу $S \rightarrow R$. Здесь возникает чрезвычайно важный вопрос об осознании момента выбора и вообще о степени осознанности механизма выбора возможности окружающего мира. Это отдельный обширный материал, но наша позиция заключается в том, что весь механизм выбора возможностей является неосознанным (мы разводим понятия «бессознательный», «неосознаваемый», «неосознанный», «подсознательный»). Это означает, что механизм экологического компонента установки может быть осознан, но чаще всего работает как неосознанный на до-когнитивном и до-эмоциональном уровнях.

Анализируя подобную неосознанную особенность механизма экологического компонента социальной установки, следует напомнить, что попытки представить нечто подобное были у Лейбница, Вундта. Момент экологического выбора возможностей окружающего мира может быть отчасти соотнесен с тем, что еще Лейбниц называл «малыми восприятиями», ко-

которые обуславливают чувства и потребности и которые не осознаются «ввиду их недостаточной силы».

Здесь уместно вспомнить, что в свое время Д.Н. Узнадзе был поставлен перед проблемой «первичного выбора», когда он ввел термин «особое восприятие», тем самым обозначив зону «восприятия до восприятия», зону выбора того, что должно быть воспринято восприятием. Нам представляется, что во всех этих случаях речь идет, вероятнее всего, об одних и тех же механизмах – экологическом компоненте установки, который осуществляет выбор той или иной возможности экологического мира.

Как особый случай должен быть рассмотрен вариант анализа проблемы выбора в исследованиях волевых процессов. В.А. Иванников в своем обзоре характеризует данный подход как подход «свободного выбора» (см.: Иванников, 1991. С.19-23). Им отмечается, что данный подход можно найти еще у Аристотеля, затем у Эпикура, Спинозы. «...Б. Спиноза рассматривает волю не как самостоятельную силу или способность души, а как способность разума принимать решения о влечениях и действиях...» (Иванников, 1991. С.20). Хорошо известно, что проблема выбора интересовала И. Канта, который рассматривал взаимосвязь необходимости и свободы воли человека. Нравственность при этом связывалась со свободой выбора, а причинность функционирует в материальном мире. Зависимая от нравственности воля является свободной.

У В. Виндельбанда выбор построен на базе случайных и постоянных мотивов на основе знаний и чувств, которые относятся к будущему, но реально переживаются в настоящем. У. Джемс видит основу выбора в наличии конкурирующей идеи в момент принятия решения о действии. Выбор обоснован мотивом и сводится к направленности внимания.

Волевое объяснение выбора можно найти и у Л.С. Выготского. «Однако проблема выбора ставится им не в связи с порождением действия, а в связи с проблемой овладения собственным поведением. В качестве оснований выбора он указывает на внешние характеристики выбираемых действий и мотивы» (Иванников, 1991. С.22). Автор отмечает, что и С.Л. Ру-

бинштейн отводил воле функцию выбора, которая состояла из четырех стадий. Ф. Лерш также рассматривает волю как выбор альтернативного побуждения. Основная функция воли и у В. Фракла обозначена как выбор. В.А. Иванников считает, что проблема выбора связана с волевым актом в работах П.Я. Гальперина, Н.Г. Алексеева, Ш.Н. Чхартишвили, В.Г. Норакидзе, Л.И. Божович, В.И. Селиванова, Г.Н. Солнцева, П.К. Анохина и других. Выбор и целесообразование связываются в работах О.К. Тихомирова, а поведение и выбор – в работах Б.Ф. Ломова, Е.Н. Суркова, И.М. Фейгенберга. Мотивация и выбор анализируются у Т. Аткинсона, А. Бандуры, Н. Фазера, Х. Аркеса, Дж. Гарске, Х. Хекхаузена и Ю. Куля (см.: Иванников, 1991. С.23). Так или иначе, но проблема исследования выбора в рамках теории воли стоит несколько в стороне от наших экологическо-феноменологических интенций.

Исходя из феноменологической ориентации нашего исследования, говоря здесь о традиции философской мысли Европы начала века, мы должны отметить, что одним из первых проблему выбора ставит в своих работах Серен Киркегор. Его термин «Entweder-Oder» («или-или») прочно воспринят мировой философской общественностью. «Основным при этом является «не выбор между добром и злом, но акт выбора...» (Киркегор, 1894. С.238). «Диалектику необходимости и свободы он не признает – одно исключает другое». «Борясь за свободу (...) я борюсь за будущее, за выбор «или-или». Вот сокровище, которое я намерен оставить в наследство дорогим мне существам на свете. (...) Это сокровище скрыто в тебе, это свобода воли, выбор, «или-или»; обладание им может возвысить человека выше ангелов...» (Долгов, 1990. С.10).

Нетрудно заметить, что та часть поведения, которая относится Киркегором к понятию «Entweder-Oder», может быть отнесена именно к тому, что мы уже называли «установочным» поведением, поведением на основе принципа «хочу». Важно при этом заметить, что традиционное понимание проблемы выбора и проблемы свободы воли и необходимости часто бралось в отрыве от того фундаментального факта, что

во внутренней жизни человека господствует принцип именно свободного выбора, то есть человек постоянно находится во власти альтернатив, перед ним всегда стоит проблема выбора той или иной возможности.

Именно эта сфера была прежде всего затронута С. Киркегором, и именно она дала жизненное начало его философии. Индивидуальная психическая жизнь немислима без животрепещущего момента выбора: она просто превращается в набор стимулов, а человек становится неодушевленным автоматом. «Киркегор наметил основные линии развития экзистенциальной и, в известной мере, феноменологической философии и их основные проблемы и категории: человека, веры, греха, отчаяния, выбора, возможности, абсурда, кризиса, смерти, одиночества, всечеловечности, любви, ненависти, возродил интерес к мифологии и положил начало переоценке ценностей рационалистической традиции» (Долгов, 1990. С.41).

Созвучна идеям Гибсона и мысль Киркегора о том, что выбор – это «единственное средство спасти себя и свою душу, обрести весь мир и пользоваться благами его без злоупотребления» (Киркегор, 1894. С.249). Здесь имеется в виду именно особое экологическое устройство мира, место человека в этом мире и те возможности, которые предоставляет окружающий мир человеку.

Вероятно, это та самая позиция шекспировского «быть или не быть», о которой говорил Шестов. «В Гуссерле, точно у шекспировского Гамлета, пробудилось страшное роковое «быть или не быть» или, лучше еще, его посетило гамлетовское, точнее, шекспировское откровение: время вышло из своей колеи» (Шестов, 1989. С.146). Чрезвычайно важно помнить при этом, что «выбор человека основывается на возможности, а эта возможность является конечной основой конституции человека как индивида» (Долгов, 1990. С.294).

Подобная позиция является, несомненно, близкой к пониманию структуры окружающего мира как набора возможностей, его взаимодействия с индивидом, их взаимообусловленности и взаимозависимости. Конституция общего набора возможностей индивида, представленная нами как социально-

экологическая ниша, обусловлена не только особенностями индивида, но и теми возможностями, которые предоставляет ему мир. Хотя существуют, безусловно, и особенности личностного структурирования, которые необходимо учитывать. Например, Шибутани справедливо замечает, что «выбор альтернативных линий поведения, следовательно, имеет в своей основе организацию личности индивида; объективная ситуация просто дает возможность осуществить выбор» (Шибутани, 1969. С.190). Вот это самое «просто дает возможность» и является для нашего подхода одним из центральных моментов, ибо здесь понятие «возможность» структурирует всю ситуацию выбора, поскольку не только окружающий мир должен предоставить возможность индивиду, но и индивид должен уметь извлекать данную возможность из окружающего мира.

Примечательно, что представитель «позитивного экзистенциализма» Никола Аббаньяно вообще абсолютизирует категорию возможности, придавая ей центральное значение, отрицая, кстати, и каузальность психического. Выбор возможности, в его представлении, должен обеспечивать последующую возможность выбора – это так называемая «возможность возможности», что, по нашему мнению, является следствием устройства самого окружающего мира, его возможностей и индивида в этом мире. «Мой выбор есть восстановление отношения между онтической возможностью и онтологической возможностью, отношения, необходимо связанного с актом моей подлинной конституции. Выбор можно определить, следовательно, как это отношение. Он основывается в бытии возможности, которая мне присуща и которая составляет собственную возможность бытия» (Abbagnano N., 1961. P. 29. Цит. по: Долгов, 1990. С.274).

Само понятие «возможность возможности» есть особое отражение сущностной структуры окружающего мира, где информация в форме возможности доступна индивиду уже только потому, что он находится в этом мире, а сам мир является окружающим для него, то есть дополнительным (ни мир, ни индивид не могут существовать друг без друга с точки зрения экологического подхода Дж. Гибсона в психологии воспри-

ятия). «Возможность, которая однажды решает и выбирает, укрепляется в своем бытии возможности, так что делает снова и всегда возможным свой собственный выбор и решение, является подлинной возможностью, возможностью истинной и настоящей.

Подобная возможность предстает непосредственно перед лицом того, чей выбор носит нормативный характер, кто обязательно делает выбор. Возможность возможности есть критерий и норма всякой возможности: возможность возможности связывается с именем трансцендентальной возможности; трансцендентальная возможность является тогда тем, что определяет и основывает любое конкретное человеческое поведение, любой выбор и решение» (Abbagnano N., 1948. P.37. Цит. по: Долгов, 1990. С.273).

Здесь возникает то, что Мартин Хайдеггер называл «бытие-в-мире», а Хосе Ортега-и-Гассет «жизнь». «Жизнь рассматривается как проблема, которую должен решать каждый. Жизненный мир человека в каждый момент состоит из возможностей, в силу чего человек всегда стоит перед выбором, осуществляя тем самым свою свободу» (Зыкова, 1991. С.374). В этом случае отчетливо различаются возможности как содержащиеся в мире и предназначенные для извлечения индивидом, на основе которых «осуществляется свобода», и возможности как еще не совершившаяся действительность, либо возможности как потенциальное.

Если у Аббаньяно центральным становится понятие трансцендентальной возможности как «возможности возможностей», то Ортега-и-Гассет анализирует прежде всего структуру человеческой жизни. При этом он выделяет четыре основополагающих характеристики человеческой жизни: человеческая жизнь – есть жизнь личная; она обусловлена обстоятельствами; человек вынужден быть свободным, поскольку должен осуществлять выбор возможности; жизнь непередоверяема – никто не заменит человека в его выборе (см.: Ortega y Gasset J., 1961. P.114. Цит. по: Долгов, 1990. С.131).

Таким образом, человек постоянно обречен на взаимодействие с окружающим миром, и только на основе этого взаимо-

действия его жизнь может стать «личной», «непередоверяемой» и «ответственной». Ответственность перед самим собой – это, прежде всего, ответственность за выбор той или иной возможности окружающего мира, того или иного смысла. «Философия жизни» Бергсона, Ницше, Шопенгауэра, идеи Дильтея, Канта, Зиммеля, Киркегора находят свое развитие в работах Хосе Ортеги-и-Гассета в форме «вслушивания» индивида в жизнь посредством «жизненного разума». Многими исследователями отмечается, что философские позиции Хосе Ортеги-и-Гассета характеризуются прежде всего близостью к феноменологии, философии жизни и экзистенциализму. Он протестует против постижения бытия через рациональность, против натурализма и детерминизма. «Как попытку утверждения единства Ортега-и-Гассет предлагает концепцию «перспективизма», где мир есть лишь «сумма наших возможностей», которая структурируется в результате активности сознания индивида. В основе свободного выбора лежит «авторское отношение», а результатом становится ответственность» (см.: Зыкова, 1991. С.223).

Таким образом, простая, на первый взгляд, проблема выбора возможностей окружающего мира имеет отношение и к гамлетовскому «быть или не быть», и к «Entweder-Oder» Киркегора, и к «возможности возможности» Аббаньяно, и к «бытию-в-мире» Хайдеггера, и к «вечному перекрещиванию и сомнению» Ортеги-и-Гассета, и, естественно, к «Entweder-Oder» Гуссерля. Мы предполагаем ее плодотворное решение на основе феноменологического анализа экологического компонента социальной установки, когда может быть поставлен вопрос о механизме выбора возможности окружающего мира.

Все предыдущие концепции не рассматривали человека с точки зрения его экологического существования в окружающем мире. Сделанное же Гибсоном предположение об экологическом подходе хотя и содержало развернутое представление о возможностях окружающего мира, но не ставило вообще вопрос об их выборе. Гибсон говорит лишь о том, что индивид должен уметь извлекать данные возможности, однако как он это должен делать, не уточняется.

В свою очередь существует достаточно большое количество концепций социальной установки и установки, которые должны объяснять момент взаимодействия индивида с окружающим миром. Проведенный нами анализ убеждает, что большинство концепций имеет позитивистскую ориентацию и рассматривает индивид (а чаще – только отдельный механизм установки) в отрыве от окружающего мира. Естественным связующим звеном индивида и окружающего мира является информация окружающего мира, которую Гибсон понимает совершенно особенно.

Мы уже останавливались на позиции Гибсона, теперь же нам надо проанализировать его понимание информации в соотношении с некоторыми другими позициями, так как нами вводится новый термин (в поисках которого затруднялся Гибсон), названный нами «*сущностная информация*». Поскольку истоки этого термина находятся в экологической оптике и феноменологии, нам предстоит выявить особенности гибсоновского понимания информации. Сам же термин «сущностная информация» вводится нами с целью дальнейшего феноменологического анализа возможностей окружающего мира, ибо, анализируя момент выбора возможности, мы не можем не говорить о смысле, который рождается в переживании интенционального акта.

Как мы уже отмечали ранее Дж. Гибсон предлагает совершенно оригинальную «теорию извлечения информации». Суть ее состоит в том, что Гибсон полностью отказывается от традиционных теорий восприятия, поэтому ему приходится пересматривать и теории информации.

Важно при этом отдавать себе отчет в том, что понятие «возможности» и их выбор нельзя отделить от понятия «информация». «Ни один выбор не может быть свободным от той информации, на которой он основан. Тем не менее эта информация выбирается самим субъектом. В то же время ни один выбор не определяется непосредственно средой. И все-таки именно эта среда обеспечивает ту информацию, которая будет использована человеком, осуществляющим выбор» (Найссер, 1981. С.192).

Если теперь попытаться перевести эту мысль в систему координат экологического подхода к установке, то это может выглядеть примерно так: выбор той или иной возможности не может быть независим от окружающего мира, который эти возможности предоставляет. В то же время сам выбор не может быть определен только средой – для этого необходима потребность организма: «информация выбирается самим организмом». Нам представляется все это ничем иным, как экологическим компонентом установки, осуществляющим выбор той или иной возможности окружающего мира на основе той или иной потребности организма. При этом Найссер продолжает свое рассуждение очень оригинально: «Сказанное выше наводит на мысль, что предвидение и контроль за поведением не являются, в сущности, психологическими феноменами» (Найссер, 1981. С.193).

Представляется, что это очень удачное продвижение идеи Дж. Гибсона о встроенности, взаимозависимости и взаимообусловленности мира и индивида – то, что он называет экологическим подходом. Несомненно, что здесь, помимо достаточно старых идей о целостности мира, идущих еще от Аристотеля и содержащихся практически во всех мировых религиях, помимо идей Пьера Тейяр-де Шардена и Вернадского, существует и новый, очень важный компонент: индивид и мир связаны экологически, то есть связаны особенностями своего существования. «Переделка мира – это очень эффективный способ переделки поведения; возможность переделки индивида в ситуации неизменного мира крайне сомнительна. Никакое изменение не будет иметь «управляющих» или предсказуемых последствий в отсутствие ясного понимания соответствующей части мира» (Найссер, 1981. С.193).

Именно на взаимодействии индивида и окружающего мира строится вся «теория извлечения информации» Гибсона. Эта теория, по мнению Гибсона, подразумевает «новую концепцию восприятия» и описание того, что должно восприниматься, она предполагает новое представление об информации, **«которая всегда присутствует в двух видах – в виде информации об окружающем мире и в виде информации о са-**

мом наблюдателя». Эта же теория подразумевает новые идеи относительно структуры воспринимающих систем, и, пожалуй, самое главное, состоит в том, что *воспринимающая система должна сама активно извлекать информацию из окружающего мира*. Саму же информацию Гибсон понимает как «соотносимую не с рецепторами и не с органами чувств наблюдателя, а с окружающим его миром. Информация задает качества объектов; ощущения задают качество рецепторов или нервных волокон. Информация о внешнем мире несопоставима с качествами ощущений» (Гибсон, 1988. С.343).

Важнейшим качеством информации, по Гибсону, является то, что *она не передается и не принимается* (как это принято считать в обычных теориях информации). «Информация, присутствующая в объемлющем свете, в звуках, запахах и естественных химических соединениях, *неисчерпаема*. Наблюдатель может до конца своих дней открывать все новые и новые факты о мире, в котором он живет, и у этого процесса нет и не может быть конца. К информации, в отличие от стимуляции, неприменимо понятие порога. Информация в окружающем мире не становится меньше оттого, что ее извлекают. В отличие от энергии, информация не подчиняется закону сохранения» (Гибсон, 1988. С.344). Особенным при этом является также и то, что Гибсон в принципе не желает обсуждать механизм обработки и восприятия информации, так как считает, что информация воспринимается непосредственно. Его абсолютно не интересует то, что больше всего интересует когнитивную психологию, – внутренние механизмы восприятия. Один из ведущих представителей когнитивной психологии У. Найссер относит Гибсона к когнитивному направлению, хотя тут же отмечает, что, «резко возражая против концепции переработки информации, Джеймс Гибсон предложил такую теорию восприятия, в которой внутренние психические процессы вообще не играют никакой роли; воспринимающий непосредственно собирает информацию, предлагаемую ему окружающим миром» (Найссер, 1981. С.31). Найссеру это кажется совершенно недостаточным, ибо здесь возникает еще одна, не

менее важная задача – понять структуру внутренних когнитивных процессов.

Для нас существенным является тот очевидный факт, что общефилософская позиция Ульрика Найссера противоположна позиции Эдмунда Гуссерля, причем расхождение обнаруживается именно в исходной точке, где Гуссерль объявляет войну психологизму. Так, мы находим у Найссера: «Когнитивная, или иначе – познавательная, активность – это активность, связанная с приобретением, организацией и использованием знания. (...) По этой причине исследование познавательной активности составляет часть психологии, а теории познания являются психологическими теориями» (Найссер, 1981. С.23). Если забежать вперед, то можно предположить, что наша гипотеза экологического компонента социальной установки является как раз тем недостающим звеном, которое может дополнить «вклад воспринимающего в перцептивный акт», то есть исправить то, о чем говорит У. Найссер (см. выше: Найссер, 1981. С.31). Мы дополняем, следовательно, теорию Дж. Гибсона элементом, который достаточно корректно может компенсировать отмеченные недостатки экологической оптики, указанные многими критиками (см.: Найссер, 1981; Величковский, 1981).

Характеризуя общие позиции когнитивной психологии, Найссер отмечает, что «...восприятие представляет собой основную когнитивную активность, порождающую все остальные виды. (...) Однако еще важнее то, что в восприятии встречаются когнитивная активность и реальность. (...) Назначение восприятия, как и эволюции, несомненно, состоит в раскрытии того, что же действительно представляет собой окружающая среда, и в приспособлении к ней (Найссер, 1981. С.31).

Мы уже останавливались на том, что не принимаем идею эволюционного подхода, идею приспособления. Дарвиновская теория эволюции несовместима с принципами устройства окружающего мира в концепции Дж. Гибсона, влияние же первого настолько сильно почти на все направления в психологии (кроме, пожалуй, гештальттеории), что и идеи Гибсона кажутся часто еретическими.

Если рассматривать процесс восприятия как процесс приспособления или как средство приспособления, то это сближает позицию Найссера с теорией Ж. Пиаже, у которого подобным же средством приспособления являлся интеллект. Базовая идея когнитивной психологии (все проистекает от восприятия) противоречит в этом случае основной идее Пиаже (где приспособление – на основе мышления). Казалось бы, разные подходы на самом деле имеют одно общее основание – теорию Дарвина. Неизвестно, как к этому относится сам Найссер, но два других направления, которые тоже имеют дарвиновские корни, он явно недолюбливает. «...Природа человека слишком важный вопрос, чтобы можно было предоставить его решение бихевиористам и психоаналитикам» (Найссер, 1981. С.30).

Исходя из вышеупомянутого особого отношения когнитивной психологии к процессу восприятия, мы отмечаем очень важную для нас деталь, которая могла быть выработана именно в русле данного направления, поскольку того требовало само трепетное отношение к восприятию. «Центральным моментом предлагаемого здесь подхода является то, что восприятие направляется предвосхищениями, но не управляется ими; восприятие предполагает выделение реально существующей информации. Влияние схем проявляется в том, что они определяют выбор именно данной информации, а отнюдь не в создании ложных перцептов или иллюзий» (Найссер, 1981. С.64).

Здесь для нашей гипотезы чрезвычайно значимыми являются следующие замечания: во-первых, акцентируется очень важная мысль о том, что «восприятие направляется, а не управляется». Именно здесь были главные недостатки как теории Узнадзе, так и многих теорий аттитюда и установки. Потерянное понятие интенции, которое, несомненно, присутствует в установке, конечно же, не соотносимо с представлениями о направленности, например, личности в общей психологии.

В теории установки Д.Н. Узнадзе установка является тем компонентом психики, который является своеобразным посредником между окружающим миром и индивидом, – компо-

нением, который управляет восприятием. На самом деле лучше говорить именно об интенциональности установки, поскольку это позволяет осуществлять взаимодействие между индивидом и окружающим миром более гибко и адекватно. Во-вторых, очень существенным видится момент выбора схемой «именно данной информации». Поскольку центральная гипотеза нашей концепции направлена именно на поиск механизма выбора возможностей окружающего мира, мы не можем не обнаружить некоторое сходство понятий схемы и установки именно в их способности производить выбор информации. Конечно же, здесь сразу следует говорить о принципиальной разнице в понимании термина «информация» Дж. Гибсоном и У. Найссером, но это уже задача второго порядка, мы постараемся дать ее квалифицированное решение.

Различие в понимании информации у Гибсона и Найссера можно обнаружить во всем. Например, Найссер пишет, что «схема собирает информацию, меняется ею, использует ее», а мы точно знаем, что, по Гибсону, информация не передается и не перерабатывается, а извлекается непосредственно из окружающего мира безо всяких промежуточных схем и механизмов.

Сам Найссер, анализируя позиции Гибсона, пишет, что «подход Гибсона имеет некоторые явные преимущества перед традиционным подходом. Организм для него не является чем-то пассивным, действующим под влиянием стимульных воздействий, скорее, он сам все время подстраивается к свойствам окружающей его среды, которые объективно существуют, точно специфицированы и адекватно воспринимаются. Акцент на протяженном во времени сборе информации делает теорию Гибсона приложимой к гаптической (связанной с осязанием) и акустической информации точно так же, как и к световой, по крайней мере, в принципе. Наиболее важной особенностью этой теории является указание на то, что исследователям восприятия следует стремиться скорее к созданию новых и более богатых способов описания информации, содержащейся в стимулах, чем к построению все более тонких гипотез относительно внутренних психических механизмов. «Экологическая

оптика» Гибсона представляет собой попытку такого описания...» (Найссер, 1981. С.40).

Здесь, однако, мы должны отметить одну небольшую, на непросвещенный взгляд, ошибку: Найссер пишет о «протяженном во времени сборе информации». Помимо уже отмеченного – «информация не собирается и не передается» (это принципиально) – мы должны заметить, что у Гибсона нет общеупотребительного представления о времени. Он говорит о событиях, но не о времени. Кажется, что Найссер невольно переносит принципы своего понимания информации на позиции Гибсона. Гибсону же представляются очень важными понятия «событие» и «информация о воспринимаемых событиях». Он пытается дать классификацию реальности, отмечая при этом, что «течение экологических событий отличается от абстрактного хода времени, с которым имеют дело в физике. Поток событий разнороден и распадается на составные части, тогда как считается, что ход времени однороден и линейен. Исаак Ньютон утверждал, что «абсолютное, истинное математическое время само по себе и в силу своей собственной природы течет равномерно, без связи с чем бы то ни было внешним». Но это лишь удобный миф. (...) Пора начать относиться к событиям как к первичным реалиям, а ко времени – как к производной от них абстракции – понятию, выведенному в основном из регулярно повторяющихся событий наподобие тиканья часов. Воспринимаются события, а не время (Gibson, 1975). С пространством дело обстоит так же, как и со временем. Объекты не наполняют пространство, так как пустого пространства, с которого якобы все началось, никогда не было. (...) Воспринимаются поверхности и компоновка, а пространство не воспринимается. (...) Время и пространство не являются пустыми хранилищами, которые надлежит наполнить, они всего-навсего признаки событий и поверхностей» (Гибсон, 1988. С.154).

И хотя У. Найссер считает теорию Гибсона конструктивной, и во многом следует ей, однако он замечает, что «гибсоновская точка зрения на восприятие также представляется неадекватной, хотя бы потому, что в ней очень мало говорится о

вкладе воспринимающего в перцептивный акт. В каждом воспринимающем организме должны существовать определенно-го рода структуры, позволяющие ему замечать одни аспекты среды больше, чем другие, или вообще что-либо замечать. (...) Достигается это тем, что восприятие понимается как активность, осуществляемая во времени, – за это предвосхищающие схемы воспринимающего могут быть приведены в соответствие с информацией, получаемой от среды» (Найссер, 1981. С.31).

Здесь сразу следует заметить, что и сам Найссер рассматривает этот «вклад воспринимающего» довольно поверхностно и односторонне – в рамках компьютерной метафоры. Так, его схемы во многом похожи на то, что в общей психологии называется установкой, а в социальной – аттитюдом, однако он даже не упоминает этих терминов, как будто их не существует в природе. Между тем еще у Д. Н. Узнадзе мы находим то взаимодействие со средой и тот вклад, о котором так беспокоится Найссер. Стоит только немного отойти от главного принципа – «информация перерабатывается», и многое станет более убедительным. Смущает также и полное отсутствие каких-либо ссылок на то, какой же теории времени придерживается сам У. Найссер, так активно использующий категории времени в своей конструкции. Ведь сама по себе мысль о том, что «восприятие – это активность, осуществляемая во времени», еще ничего нового не вносит. Гибсон, придерживающийся так называемой событийной концепции времени, считает, однако, что невозможно говорить о чистом времени, то есть времени, ничем не заполненном, о времени как форме чего-то другого. Здесь напрашивается явная аналогия с «чистым» сознанием, с «сознанием о...» Гуссерля. Более того, само событийное представление о времени нужно Гибсону только для того, чтобы показать его особое взаимодействие с окружающим миром и индивидом – встроенность и взаимозависимость. Важнейшей их характеристикой Гибсон считает встроенность одного события в другое, что основано на его идее взаимодополнительности и взаимозависимости окружающего мира и индивида. «Любое экологическое событие встроено в более продолжи-

тельное событие, (...) иногда в этой череде событий встречаются повторы, (...) события всегда имеют какой-то смысл, и (...) течение их никогда не бывает таким гладким, как течение ньютоновского «абсолютного математического времени» (Гибсон, 1988. С.168).

Здесь очевидно, что Гибсон борется с теми представлениями о времени, которые идут к нам еще от Канта и которые принимает Найссер. Хорошо известно, что идеи априорности времени и пространства у Канта были потом восприняты как родные во всей психологии, кроме феноменологической, психологии актов и функционализма. Время и пространство как особая форма восприятия у Канта является врожденной, априорной. Если наше познание основано на формах, происходящих из самой природы познания человека, то формы, в свою очередь, бывают априорными формами мышления и априорными формами созерцания (восприятия). Формы восприятия представлены пространством и временем, которые трансцендентальны. Пространство и время, по Канту, – необходимые формы всего существующего, через них можно постичь сущность. В последующем взаимодействии с опытом и формами мышления формируются категории рассудка и идеи чистого разума, которые структурируются за счет действия апперцепции как синтезирующей силы. Такова позиция Канта, которую воспринимает Найссер в своей теории. Эту позицию отвергает Гибсон. Найссер использует еще одно понятие, берущее начало у Канта, не упоминая имя Канта в своей работе ни разу. Это понятие «схема», которая, конечно же, пространственна и темпоральна. Здесь можно соотнести позицию Найссера о восприятии как средстве приспособления и позицию Спенсера о том, что представления о времени приобретены человечеством в процессе филогенеза, но не априорны человеку вообще, как считал Кант. В этом случае полезно вспомнить представления Гуссерля о времени и тот факт, что Кант имел огромное влияние (в отличие от Гегеля) на Гуссерля. Темпоральность Гуссерля – это совершенно особое понятие, и мы посвятим этому целый раздел, но уже теперь можно в апперцепции Канта увидеть особенности времени у Гуссерля, который считает,

что следует понимать время двояко – как синтез фаз переживания, то есть «синтетическое единство потока значений – интенциональная линия, пронизывающая и объединяющая поток феноменов» (Гуссерль), определяющая точка которой – настоящее; время как чистая экстатичность, «временящаяся из будущего» (Хайдеггер) (см.: Молчанов, 1991. С.321). И Нейссер, и Кант рассматривали понятие «схема» во временном плане, но и тот и другой не использовали схему для описания смысла, для изучения содержания. Кант понимал условность понятия, а Нейссер в силу своей позиции не мог интересоваться смыслом вообще, ибо его объект – восприятие и информация, а главное – механизм восприятия, где не может возникнуть смысл, поскольку тогда необходимо говорить о непосредственном восприятии (как Гибсон), но тогда не нужны никакие когнитивные процессы, столь нежно пестуемые Нейссером. «Воля к строгой научности, научная добросовестность Канта побуждает его признать, что рассудочные познавательные схемы не обладают онтологическим весом. Непригодны они и для постижения сущностного смысла человека, которого Кант, в противовес Декарту, выключает из «вещного», природного ряда. Выработанные применительно к естественнонаучным познавательным задачам, они демонстрируют полное свое бессилие при соприкосновении с содержательной областью, подлежащей компетенции разума. Разум задает цели рассудочной деятельности с позиции высших гуманистических ценностей, и научная задача философии состоит в том, чтобы прояснять собственно человеческие цели и смыслы всех познавательных предметных областей: «Философия есть наука об отношении всякого знания к существующим целям человеческого разума (*teleologia rationes humanae*)» (Кант, 1963. С.684). Однако законодательство разума у Канта обладает только субъективной практической реальностью: «только через наши поступки», через жизненное поведение высокоморального субъекта укореняется в мире высокий строй человеческого разума» (Долгов, 1990. С.48).

Мы же считаем, что необходимо говорить о понятии смысла именно в соотнесении с понятиями «информация» и «воз-

возможность». И здесь вновь всплывает разница в понимании информации Гибсона и Найссера. «Резко возражая против концепции переработки информации, Джеймс Гибсон предложил такую теорию восприятия, в которой внутренние психические процессы вообще не играют никакой роли; воспринимающий непосредственно собирает информацию, предлагаемую ему окружающим миром. Концептуальная схема, разработанная Гибсоном в рамках данной теории, весьма конструктивна, и я буду широко опираться на нее. Тем не менее гибсоновская точка зрения на восприятие также представляется неадекватной, хотя бы потому, что в ней мало говорится о вкладе воспринимающего в перцептивный акт. В каждом воспринимающем организме должны существовать определенного рода структуры, позволяющие ему замечать одни аспекты среды больше, чем другие, или вообще что-либо замечать» (Найссер, 1986. С.121). Однако Найссер приводит здесь аргументы, которые совершенно не «работают», поскольку мы помним гештальтистские интенции Гибсона, согласно которым любые структуры воспринимаются непосредственно в акте восприятия, поскольку восприятие само стремится к «хорошим» структурам. Столь упорное стремление Найссера рассмотреть непременно (ну хоть какую-то!) структуру «внутри» восприятия, конечно же, правомерно, ибо оно фундировано необходимостью не столько обработки информации (это слишком общее положение), сколько выбора возможности окружающего мира. Это как раз тот момент, о котором Гибсон вообще не говорит в силу своих методологических позиций. Но сам механизм этого процесса еще не исчезает оттого, что его не хотят изучать представители экологического направления. Более того – он необходим, потому что очень хорошо «встраивается» в общую концепцию Гибсона – особое устройство окружающего мира и индивида.

Из всех этих общих посылок нетрудно сделать логичный вывод: ***события могут предугадываться, прогнозироваться на основе устройства окружающего мира.*** А поскольку мы помним, что окружающий мир обладает возможностями, которые извлекаются индивидами, и эти возможности есть не

что иное, как информация (мы назовем это сущностной информацией), то, значит, выбор возможности вполне может осуществляться на основе экологической логики. Сам же принцип действия экологической логики прост: все воспринимается непосредственно (то есть экологически верно) на основе самого устройства окружающего мира и организма. Мы предполагаем, что данная особенность соотносима с механизмом интенционального переживания в интенциональном акте, где возникает смысл той или иной возможности, предоставляемой миром. Однако Гибсон принципиально не интересуется данным механизмом; таков его методологический подход; его не интересует обработка информации. «Но никто до Гибсона не сомневался в необходимости такой обработки. Называя свою теорию восприятия «непосредственной» и противопоставляя ее традиционным теориям, Гибсон отвергает саму идею необходимости обработки сенсорной информации, поскольку не считает, что восприятие основано на ощущениях» (Логвиненко, 1987. С.8). Центральным у Найссера становится «схема». «С биологической точки зрения схема – часть нервной системы. Это некоторое активное множество физиологических структур и процессов; не отдельный центр в мозгу, а целая система, включающая рецепторы, афферторы, центральные прогнозирующие элементы и эфференты» (Найссер, 1981. С.73).

Среди теорий установки, пожалуй, нет подобного конкретно-биологического наполнения, они более феноменологичны, но эта конкретика не дает ничего ни понятию «схема», ни понятию «установка». Скорее, это звучит как некое заклинание, дань материализму. Может быть, даже сам У. Найссер невольно хочет стать тем маленьким человечком-гомункулусом, против которого борется и он сам, и все психологи мира. Эту его интенцию вполне могут фундировать его детские страхи перед психоанализом, которому «нельзя доверять исследование природы человека». Найссер следующим образом соотносит понятия информации и схемы: «Понятие сбора информации является центральным как в моих рассуждениях, так и в аргументации Гибсона. (...) Воспринимающий также представляет

собой физическую схему, находящуюся в контакте с оптическим потоком. Состояние такой системы отчасти определяется структурой этого потока; это означает, что системе передается информация. Когда это происходит, то есть когда нервная система выделяет структуру света, мы говорим, что информация собрана воспринимающим. Если сама информация – те аспекты оптической структуры, которые оказали воздействие на воспринимающего, – специфицирует свойства реальных объектов, имеет место восприятие реальных свойств и объектов» (Найссер, 1986. С.126).

Найссер считает, что понятие «схема» использовалось Пиаже (1952), Вудвортсом (1971), Кэганом (1971), Познером (1973). «Новым важным систематическим употреблением этого термина мы обязаны Рамелхарту, Номану и их сотрудникам из Калифорнийского университета в Сан-Диего...» (Найссер, 1981. С.73). Характеризуя понятие «схема», Величковский отмечает, что Найссер использует это понятие, продолжая идеи Хэда, Бартлетта и Пиаже. При этом почему-то совсем забывается имя И. Канта, которое даже не упоминается в книге «Познание и реальность», хотя вклад Канта здесь вполне очевиден. При анализе понятия «схема» следует учитывать, что «в обычных условиях человек воспринимает свое окружение, примерно зная, что можно ждать в той или иной ситуации, предвосхищая ту информацию, которую он еще не видит или не слышит. Схема выполняет роль плана, к которому обращаются при выполнении сложной последовательности действий, или контекста, в рамках которого читатель легко воспринимает неразборчиво написанные слова» (Величковский, 1981. С.7).

У. Найссер видит «фамильное сходство между понятием «схема» и понятием «рамка» (Frame), которые использовали Марвин Минский и Эрвин Гоффман. «Они полагают, что для каждой новой ситуации у ЭВМ должна быть готова рамка или иерархия рамок, предвосхищающих основные моменты того, что должно появиться. Если ЭВМ осматривает комнату, она должна ожидать, что найдет стены, двери, окна, мебель и так далее, только таким образом можно интерпретировать налич-

ную информацию, оказывающуюся в противном случае принципиально неоднозначной» (Найссер, 1981, С.78). Здесь Найссер подчеркивает, что подход Э. Гоффмана во многом «аналогичен концепции экологической оптики Дж. Гибсона». При этом следует заметить, что Гоффман интерпретирует явления повседневной жизни, уподобляя их театральному представлению. «Если рассматривать схему как систему приема информации, то ее можно в каком-то смысле уподобить тому, что на языке программирования вычислительных машин называют форматом (format). Форматы определяют, к какому виду должна быть приведена информация, чтобы можно было дать ей непротиворечивую интерпретацию. Другая информация будет либо игнорироваться, либо вести к бессмысленным результатам» (Найссер, 1981, С.74). Здесь как раз и заключается то главное для нас, что определяет ценность понятия «схема», – ее особое устройство позволяет осуществлять антиципацию, предвидение.

Возвращаясь теперь к пониманию информации у Гибсона, мы приходим к выводу, что через использование понятия схемы можно подойти к выяснению механизма анализа возможностей (или сущностной информации) окружающего мира. Иными словами, посредством схемы будут выбираться те возможности, которые интерпретируются (обрабатываются все-таки!) схемой как непротиворечащие общей структуре схемы.

Соответственно *мы вводим понятие социально-экологической ниши, где главной характеристикой будет именно непротиворечивость набора возможностей. Ниша как набор возможностей для любого животного (у Гибсона) и социально-экологическая ниша как набор возможностей только для человека.* Каждая вновь выбранная возможность должна стать естественным продолжением общей структуры ниши индивида, непротиворечива в ней, консонансна. Новая возможность как бы встраивается в уже существующую структуру социально-экологической ниши.

Мы соотносим механизм действия найссеровской схемы с механизмом действия гибсоновской ниши. Правильнее было бы сказать – с отсутствием механизма гибсоновской ниши,

поскольку сам Гибсон в принципе не приемлет существования каких-либо «механизмов», обрабатывающих что-либо вообще. Его главный тезис – «восприятие непосредственно» – отрицает существование каких-либо промежуточных механизмов. Признавая справедливым его концепцию непосредственного восприятия, мы все-таки должны отметить недостаточность простого указания на то, что восприятие «само» решает все вопросы смысла и информации – необходимо более детальное изучение данного вопроса. Если же характеризовать в общем попытки редукции сложнейшего механизма психики, то можно отметить, что в первом случае это «компьютерное сведение», во втором – «экологическое сведение».

«Конечно, за три столетия редукционизм претерпел серьезные изменения. Внутри линии развития, включающей когнитивную психологию, можно выделить этапы строго механистического, энергетического, а затем информационного и вычислительного сведения. Последние формы, несомненно, чрезвычайно близки столь распространенному в новейшей западной философии семиотическому редукционизму, характерному в большей или меньшей степени для прагматизма, неокантианства, лингвистического релятивизма, неопозитивизма и так далее. Но наиболее распространенной формой на сегодняшний день все же остается механистический редукционизм» (Величковский, 1982. С.282). Нам представляется, что сам по себе редукционизм вообще явление неизбежное и суть состоит только в его направленности и степени выраженности. Вероятно, это можно соотнести с размышлениями Кузанца об истине, которая не может быть познана ничем, кроме нее самой же. «Наш конечный разум, двигаясь путем уподоблений, не может постичь истину вещей. Ведь истина не бывает больше или меньше, она заключается в чем-то неделимом и, кроме как самой же истиной, ничем в точности измерена быть не может, как круг, бытие которого состоит в чем-то неделимом, не может быть измерен не-кругом. Не являясь истиной, наш разум тоже никогда не постигает истину так точно, чтобы уже не мог постигать ее все точнее без конца, и относится к истине, как многоугольник к кругу: будучи вписан в круг, он

тем ему подобнее, чем больше углов имеет, но даже при умножении своих углов до бесконечности он никогда не станет равен кругу, если не разрешится в тождестве с ним» (Кузанский, 1979. С.53). В данном случае мы сводим все многообразия функционирования психики намеренно к действию только механизма интенциональности экологического компонента социальной установки, поэтому столь важно сопоставить понятия «схема» (у Найссера) и «установка». Хотя в конечном итоге все эти механизмы должны дополнить друг друга, минимизировав тем самым проблему редукционизма.

«Схема – это та часть полного перцептивного цикла, которая является внутренней по отношению к воспринимающему, она модифицируется опытом и тем или иным образом специфична в отношении того, что воспринимается. Схема принимает информацию, как только последняя оказывается на сенсорных поверхностях, и изменяется под влиянием этой информации; схема направляет движения и исследовательскую активность, благодаря которым открывается доступ к новой информации, вызывающей в свою очередь дальнейшее изменение схемы» (Найссер, 1981. С.73).

Исходя из этого определения, мы можем видеть, что понятие схемы очень похоже на квалификационные характеристики понятия «установка». Хотя в принципиальной позиции точки зрения Узнадзе и Найссера расходятся: схема – это «часть полного перцептивного процесса», а установка – это механизм, предшествующий любому акту восприятия.

«Восприятие, действительно, – конструктивный процесс, однако конструируется отнюдь не умственный образ, возникающий в сознании, где им восхищается некий внутренний человек. В каждый момент воспринимающим конструируются предвосхищения некоторой информации, делающие возможным для него принятие ее, когда она оказывается доступной» (Найссер, 1981. С.42).

Здесь чрезвычайно важно то, что схема как бы сама активизирует все структуры восприятия, поскольку она «направляет перцептивную активность и трансформируется по мере развертывания последней». Гибсон считал активность индивида

по извлечению информации одним из главных принципов организма. Найссер пишет, что «активность схемы не зависит от какого-либо внешнего источника энергии. При наличии информации нужного вида схема примет ее и, может быть, вызовет действия, направленные на поиск новой информации. (...) Мотивы – это не чужеродные силы; это просто более широкие схемы, принимающие информацию и направляющие действия в более широком плане» (Найссер, 1981. С.75). Здесь ярко продемонстрировано всемогущество гидравлической модели психики З. Фрейда, ярким противником которой является У. Найссер. Несмотря на внешний полный отказ от терминологии и основных гипотез, «широкие схемы» все равно принимают и направляют действия. Думается, что это результат неприятия У. Найссером понятия информации, предложенного Дж. Гибсоном, который говорит четко и неоднократно: информация не принимается и не передается, она существует постоянно и извлекается организмом из окружающего мира. Это сразу и навсегда уничтожает психологический «закон сообщающихся сосудов». Сам У. Найссер графически представляет свое видение схемы следующим образом:

Рис. 4. Перцептивный цикл по У. Найссеру

Здесь схема представлена не изолированно, но в общей структуре перцептивного цикла, в котором и возникает то значение, используемое потом индивидом. «Автор вводит поня-

тие перцептивного цикла, предполагающее активное предвосхищение событий на основе существующих схем и последующую модификацию схем в процессе сбора информации. В этом циклическом взаимодействии особенно важную роль играют движения субъекта» (Величковский, 1981. С.7).

О важности движения говорит и сам Гибсон, считая его одним из основных компонентов психической организации; без движения невозможна проверка на истинность получаемой информации, невозможно извлечение информации вообще. Перцептивный цикл осуществляет взаимодействие индивида с окружающим миром на основе извлечения информации через движение во времени. «Таким образом, понятие перцептивного цикла объясняет, как можно воспринимать значение наряду с формой и пространственным расположением» (Найссер, 1981. С.43). Схема здесь подобна кантовским априорным формам времени и пространства, которые структурируют перцептивный процесс. Но если Кант разводит априорные формы созерцания и априорные формы мышления, то в понятии схемы они как бы вновь объединяются. Если способность суждения априорна и значение постигается разумом через отношения, то «восприятие и другие познавательные процессы – это обычно не только операции, совершающиеся в голове индивида, но и акты взаимодействия с миром. Такое взаимодействие не просто информирует индивида, оно также трансформирует его. Мы все созданы теми когнитивными актами, участниками которых мы были» (Найссер, 1981. С.33). Именно этот принцип взаимодополнительности, встроенности и взаимозависимости является базовым для экологической оптики Гибсона. Это экологическая валидность. «Экологическая валидность для У. Найссера – это также соответствие теоретических представлений экологическому подходу, который связан с именем Дж. Гибсона. Конкретно речь идет о модели перцептивного цикла, описывающей восприятие как процесс развернутого во времени взаимодействия организма и окружения. По мнению У. Найссера, в это взаимодействие равный вклад вносят внутренние когнитивные схемы, активность организма и внешнее окружение. У. Найссер, однако, не идет настолько далеко,

чтобы вообще отрицать существование внутренних репрезентаций окружения даже в столь неопределенной и обобщенной форме, как схемы.

Именно такое радикальное отрицание содержится в работах Дж. Гибсона и его последователей, требующих полной перестройки когнитивной психологии по принципу «Не спрашивай, что внутри твоей головы, а спрашивай, внутри чего твоя голова». Сомнению, как мы видим, подвергается не только главное методическое достижение нескольких десятилетий развития психологии – гипотетико-дедуктивный эксперимент, но и центральное для когнитивного подхода понятие «внутренней репрезентации» (Величковский, 1982. С.255).

Думается, однако, что это излишняя акцентуация принципов Гибсона, ибо он все-таки не отрицает «внутреннюю репрезентацию», но переносит центр тяжести на то, что ни одна репрезентация не может быть исследована без окружающего мира «здесь-теперь-находящегося».

То есть *окружающий мир надо исследовать там, где он находится, – вне головы, но не там, где его нет, – в голове, поскольку в голове есть структура головы, но не мира*. Все эти процессы можно объединить через понятие перцептивного цикла, где схема обнаруживает темпоральность. «Схема двумя различными способами обеспечивает непрерывность восприятия во времени. Поскольку схемы – суть предвосхищения, они являются тем посредником, через которого прошлое оказывает влияние на будущее; уже усвоенная информация определяет то, что будет воспринято впоследствии» (Найссер, 1981. С.13). Это может само по себе явиться своеобразной гипотезой времени, поскольку схема выглядит здесь некоторым компонентом времени.

Полезно вспомнить гипотезу времени Э. Гуссерля и ее развитие в работах Мерло-Понти, где он говорит о «хвостах комет» прошлого в настоящем. Для нас это имеет особое значение, ибо через понятие времени мы будем пытаться «наладить связь» с понятием смысла в акте интенционального переживания. Рассмотрению представлений о времени мы уделим особое внимание. Здесь же отметим, что «время рассматривается

в феноменологии не как объективное время (существование которого не отрицается так же, как объективного пространства), но как временность, темпоральность самого сознания, и прежде всего его первичных модусов – восприятия, памяти, фантазии (Гуссерль), человеческого бытия (Хайдеггер), человеческой реальности (Сартр), субъективности (Мерло-Понти)» (Молчанов, 1991. С.321).

Сама суть процесса предвосхищения, прогноза, антиципации структурно связана с понятием времени. Прогноз не может быть вне времени, он априорно темпорален, весь вопрос состоит лишь в том, где «расположить» время человека. Мы пытаемся увидеть темпоральность как необходимый элемент интенционального акта, где возникает смысл, который позволяет осуществить выбор возможности окружающего мира. Поскольку, согласно Гибсону, возможности окружающего мира представлены в виде стимульной информации (или просто информации) окружающего мира, которую должен извлекать индивид, то возникает вопрос об оценке информации организмом.

Считаем необходимым еще раз напомнить, что Гибсон вводит особое представление об информации. Нам представляется, что главным отличительным признаком данного понимания информации является ее сущность. Это означает, что восприятие непосредственно извлекает сущность предметов и явлений окружающего мира, отделяя ее от существования окружающего мира. Ранее мы уже обосновывали *понятие сущностной информации как информации, которая содержится в окружающем мире, извлекается индивидом и воспринимается непосредственно – сущностно. Момент возникновения сущности данной информации для организма – есть момент акта интенционального переживания, момент формирования смысла. Именно в этот момент сущностная информация окружающего мира (возможность) оценивается экологическим компонентом социальной установки и осуществляется выбор той или иной возможности, которая должна встраиваться в социально-экологическую нишу индивида.*

Логика исследования требует подробного анализа понятия «социально-экологическая ниша», вводимого нами как один из важнейших компонентов концепции социальной установки. В отличие от Гибсона *мы характеризуем социально-экологическую нишу как структурированный набор возможностей человека вида *homo sapiens* с его социальными возможностями*. Социальность в социальной установке должна не только декларироваться, но философски обосновываться. Этой цели служит наше понятие социально-экологической ниши.

Понятие социально-экологической ниши в экологической концепции социальной установки

Из предыдущих описаний становится ясно, что *возможности окружающего мира извлекаются организмом в виде сущностной информации*. Наше понятие сущностной информации подразумевает информацию о сущности явлений или предметов окружающего мира, получаемую непосредственно в акте восприятия. Однако механизм непосредственного извлечения сущности требует более детального уточнения. Нам представляется, что индивидом воспринимаются непосредственно лишь те сущности, которые находятся в зоне социально-экологической ниши индивида. Все остальные возможности (вне ниши) не воспринимаются непосредственно.

Здесь еще раз следует напомнить, что под понятием возможности Гибсон подразумевает то, что окружающий мир «представляет животному, чем он его обеспечивает и что он ему предлагает – неважно, полезное или вредное» (Гибсон, 1988. С.188). Под возможностью Гибсон понимает то, что относится одновременно и к окружающему миру, и к индивиду, но значение этого слова отлично от общепринятого. Вещества и объекты окружающего мира, а также животные, и особенно – другие люди, предоставляют индивиду огромные возможности, которые он должен уметь извлекать из окружающего мира. Причем все возможности сгруппированы в ниши. «Я считаю, что ниша – это набор возможностей», – пишет

Гибсон. «Ниша подразумевает определенный тип животного, а конкретное животное подразумевает определенный тип ниши. Обратите внимание на взаимодополнительность того и другого» (Гибсон, 1988. С.190).

Исходя из этого базисного положения, *мы предлагаем свое понятие социально-экологической ниши, суть которого состоит в том, что человек как «общественное животное» должен еще, помимо обычных «животных» возможностей, иметь от окружающего мира и возможности сузубо социальные.* Иными словами, набор социально-экологических возможностей для человека составляет суть социально-экологической ниши индивида. Она является одновременно и субъективной, и объективной, и феноменальной, и физикальной, поскольку можно сказать, что система установок как бы отражает нишу индивида, так как возникает на основе возможностей ниши. Если пользоваться терминологией Аристотеля, то ниша – это потенция, а установка – это энтелихия. Таким образом, социально-экологическая ниша – явление и не интерпсихическое, и не интерапсихическое, а возможность, которая может быть потенциально интериоризована во внутренние структуры индивида в форме социальной установки. Сами же возможности социально-экологической ниши всегда соотносены и с конкретным индивидом (с его индивидуальной психической жизнью), и с окружающим миром. Из этого очевидно следует, что может быть воспринята как сущностная только та информация, которая может быть воспринята непосредственно.

Вероятно, ниша конституируется по законам структуры и каждая вновь реализуемая возможность должна быть соответствующим образом структурирована. *К характеристикам социально-экологической ниши может быть отнесено: 1) ниша имеет набор возможностей; 2) сами возможности в нише структурированы; 3) возможности имеют непосредственный контакт с индивидом; 4) возможности должны быть принципиально доступны индивиду; б) границы действия ниши обусловлены порогами чувствительности соответствующих модальностей; б) возможности*

могут быть восприняты непосредственно и таким образом интериоризированы в социальную установку; 7) набор возможностей соотносим с набором потребностей индивида.

Поскольку возможность понимается нами как сущностная информация, то соответственно *социально-экологическая ниша – это структурированная сущностная информация, предназначенная для извлечения ее из окружающего мира.* Промежуточное положение социально-экологической ниши (и в мире, и в индивиде) обусловлено тем, что сущность, значение, смысл (мы их пока не разводим) возникают в акте интенционального переживания, который также трансцендентален. Смысл, возникающий не в индивиде и не в мире, позволяет осуществить выбор возможности, окружающего мира, понимаемого феноменологически.

Важно при этом еще раз отметить, что непосредственное восприятие реально лишь в границах социально-экологической ниши данного индивида: только в этом случае индивид имеет возможность непосредственного восприятия. «Внутри определенной «экологической ниши» восприятие не должно быть конструкцией мозга или игрой в угадывание – оно должно быть и является прямым. В этом ответе на *как* восприятия суть экологического подхода Дж. Гибсона; вместо формулировки задачи психологии восприятия, предложенной К. Коффой, «Почему мы воспринимаем вещи такими, какими мы их воспринимаем?», Дж. Гибсон в последние годы как бы задавал вопрос: «Почему мы воспринимаем вещи такими, какие они есть?», вполне серьезно отвечая: «Потому, что они такие, какие они есть» (Величковский, 1982. С.272). Данное прямое восприятие объясняется тем, что сама социально-экологическая ниша изначально уже структурирована таким образом, что содержит в себе только те возможности, которые воспринимаются непосредственно. Все остальные возможности, которые не содержатся в нише, хотя и могут восприниматься, но это уже другое восприятие, которое основано на явном знании, то есть на знании, опосредованном знаковыми формами передачи информации.

Следовательно, прямое усмотрение сущности в акте интенционального переживания возможно только в границах данной социально-экологической ниши. Воспринимаемая непосредственно возможность воспринимается почти мгновенно, без анализа или размышления, поскольку ее реализация уже предопределена структурой социально-экологической ниши. Именно тезис о прямом восприятии вызывает всегда наибольшие нарекания со стороны оппонентов Гибсона, поэтому данное уточнение позволяет снять многие из них.

Социально-экологическая ниша – образование целостное и структурированное. Целостность социально-экологической ниши – это не просто ее уравновешенность и непротиворечивость (хотя и это важно), но еще и то, что средневековые схоласты характеризовали как «неделимое есть невыразимое» (*Individuum est ineffabile*). Это означает, что целое может восприниматься только как целое, но не как сумма отдельных частей. Именно для восприятия этой целостности и существует непосредственное восприятие, поскольку оно воспринимает сущностную информацию. Структурное усмотрение сущности – это усмотрение истины. Поскольку главнейшая характеристика жизни есть целостность, то эта ее особенность может быть воспринята лишь непосредственно при извлечении сущностной информации. «Все есть то, что оно есть, благодаря причастности к единому» (Кузанский, 1979. С.221).

Следовательно, само по себе «живое» восприятие (в отличие от «мертвого» – элементного, основанного на ощущениях восприятия) может возникать лишь в акте интенционального переживания, когда переживание «мнит» смысл, что позволяет извлекать возможности окружающего мира индивидом. «Но то, что [тело] является актуально именно таковым [живым], получает это от некоторого начала, которое именуется актом. А потому душа, которая есть первое начало жизни, есть не тело, но акт тела, подобно тому, как тепло, которое есть начало разогревания, есть не тело, но некоторый акт тела» (Аквинский, 1968. Т.1. Ч.2. С.843).

Идущее еще от Аристотеля понятие целостности тесно взаимодействует с понятием акта как момента уяснения цело-

стности. Еще Секст писал: «...вероятно, невозможно разложить целое на так называемые его части, ибо если целое разлагается на части, то части обычно заключаются в целом до разложения; но, может быть, и не заключаются. (...) Таким образом, кажется, невозможно разложить целое на части» (Секст Эмпирик, 1976. Т.2. С.307). А Кузанскому сама по себе целостность видится как состоящая из возможности, актуальности и связи: «...единство Вселенной троично, поскольку состоит из возможности, сложной необходимости и связи» (Кузанский, 1979. С.117).

«Вся сила нашего ума должна вращаться вокруг уточнения понятия единства, ибо все множество познаваемого зависит от познания этого единства, которое в любом знании есть все то, что познается. (...) Невозможно отыскать противоположности, из которых одна по отношению к другой не была бы единством» (Кузанский, 1979. С.208). Здесь следует вновь вернуться к фигуре «П» – парадигме, где возможности окружающего мира могут плавно переходить в потребности индивида на основе единства социально-экологической ниши индивида (в нашем представлении). ***Целостность ниши является той основой, которая обеспечивает извлечение сущностной информации в акте интенционального переживания.***

То, что Фома Аквинский трактует как актуально живое, получаемое в акте, нам представляется как ***жизнь-структуры-окружающего-мира. Возникающий в процессе интенционального переживания смысл извлекается экологическим компонентом социальной установки непосредственно из социально-экологической ниши индивида. Поскольку же целостность социально-экологической ниши (как и целостность окружающего мира вообще) основана на единстве трех компонентов – возможности, действительности и связи между ними, то и реализованные возможности, и еще только существующие в потенции (то есть уясненный смысл и возможность) должны взаимодействовать в акте интенционального переживания,*** поскольку сами отношения между сознанием и предметом в феноменологии рассматриваются как процесс смыслополагания. Следовательно, суть

связи, суть отношения сводится к смыслополаганию. В этом случае «местоположение» социально-экологической ниши похоже на «место» акта.

«Интенциональные переживания или акт не нужно понимать как акт, при помощи которого предмет представления, суждения, желания и т. д. «входит в сознание» или, наоборот, как акт, посредством которого «сознание входит в отношение к предмету»; не нужно думать, что интенциональное переживание «содержит в себе нечто как объект». Тут нет речи о реальном процессе, о реальном отношении, которое связывает сознание и осознанную (*bewusste*) вещь. В интенциональном переживании предмет «имеется в виду» (*gemeint*), оно «нацеливается» на предмет. Предмет не переживается. Так называемый «имманентный», или «ментальный», предмет не принадлежит дискрептивному составу переживания: в действительности он не имманентный и не ментальный. Конечно, он не находится ни *intra*mentum и ни *extra*mentum, его вообще нет (*er ist überhaupt nicht*)» (Бакрадзе, 1973. С.359).

Следовательно, сам по себе акт является средством структурирования социально-экологической ниши индивида. Гибсон совсем не останавливается на способах формирования экологической ниши, обосновывая лишь общие принципы организации окружающего мира: встроенность, взаимозависимость, взаимодополнительность. У нас же возникает необходимость проследить средства и механизм конституирования социально-экологической ниши, поскольку он будет очень тесно связан с функционированием механизма интенциональности экологического компонента социальной установки. Акт должен оказывать влияние на структуру ниши, он должен ее структурировать и обеспечивать взаимодействие с индивидом.

Известно, что Гуссерль понимает акт отлично от Brentano, это выражается в том, что Гуссерль предлагает исключить из акта понятие деятельности, обозначив акт как просто род переживаний недейтельного характера. «Но в психологии удерживалось именно гонимое Гуссерлем понимание акта как деятельности. Под актом, значит, Гуссерль подразумевает такое

переживание, которое характеризуется отношением к предмету, направлением на него» (Кунцман, 1914. С.138).

Это особенно важно для характеристики акта извлечения информации, поскольку акцент переносится на момент направленности, отношения, где и формируется смысл. Сущностная информация здесь не просто извлекается (механистическое действие), но в акте извлечения возникает смысл, на основе которого осуществляется выбор возможности окружающего мира.

В свое время Яковенко отмечал четыре главные особенности интенционального переживания – необходимо различать описательное их содержание и их интенциональное содержание; следует отличать акты обосновывающие и обоснованные; надо делить акты на основные и побочные. «И наконец, (...) в самом интенциональном содержании актов нужно различать общий характер актуальности, качество акта от его материи, сообщающей общему характеру ту или иную специфику» (см.: Яковенко, 1913. С.130).

В актах сознания, таким образом, возникает не предмет, а отношения особого рода, где структуры сознания принципиально отличаются от предметных структур: предметы соотносятся друг с другом на основе их свойств, сознание же совершенно иначе относится к этим же предметам. «Если структура предметного отношения конституируется соотношенными сторонами, выступающими в качестве первичной данности, то в случае отношения сознания к предмету первичной данностью является само отношение, «конституирующее» как предмет, так и характер самого сознания. При этом последнее как одна из соотношенных сторон вообще не выступает в качестве данности. (...) Отношение между сознанием и его предметом рассматривается здесь как процесс смыслополагания» (Содейка, 1988. С.67). Непосредственно в акте Гуссерлем разделяется феноменологическое и интенциональное переживание. Именно в интенциональном содержании оттеняется своеобразие актов как интенциональных переживаний. Не случайно исследователь Бакрадзе особо отмечает, что Гуссерль понимает предметность как трансцендентную акту. При этом акт на-

правлен на предмет. Сам Гуссерль выделяет в понятии интенционального акта интенциональное содержание (с его интенциональным предметом акта и интенциональной материей); интенциональную сущность акта. «Материя объективирует акт. Сущность интенционального акта заключается в связи качества материи и акта» (Бакрадзе, 1973. С.360).

Здесь, конечно же, нельзя вести речь об акте простого представления, разве что в форме материи акта как общего основания всех актов. Обращение к проблеме предметности вовсе не случайно, ибо Гибсон постоянно говорит, что отличительная особенность окружающего мира – его предметность: «В мире физической действительности нет места предметам, которые что-то значат. А вот в экологической действительности, которую я пытаюсь описать, такие предметы есть. (...) Если мы воспринимаем экологические объекты, то их значение мы можем просто обнаружить» (Гибсон, 1988. С.66).

Таким образом, предметность у Гибсона воспринимается непосредственно в акте восприятия. «Когда мы смотрим на предметы, то воспринимаем их возможности, а не качества» (Гибсон, 1988. С.198). Возможность характеризуется Гибсоном как стимульная информация, а нами предложен термин «сущностная информация». Это означает, что сущность предмета, его значение, смысл индивид воспринимает непосредственно в акте восприятия.

Отсюда следует, что предметность может состоять из возможности (воспринимается непосредственно) и качества (воспринимается как результат обучения). Леонтьевская предметность – это вторая часть предметности, и она действительно возникает на основе общественно-исторического опыта, но ей непременно предшествует первая часть предметности – как возможности окружающего мира.

Здесь уместно вспомнить «валентность» К. Левина. Например, возможности молотка как предмета с точки зрения первой части (возможности) содержат в себе возможности забивать, стучать и так далее, но не содержат возможность носить воду. Качества предметности молотка (его форма, назначение разных видов, способы применения) основаны на обществен-

но-историческом опыте. Очень наглядным будет теперь сравнение с другой мыслью Гибсона: «Ребенок начинает социализироваться лишь тогда, когда он начинает воспринимать значение предметов не только для себя, но и для других» (Гибсон, 1988. С.210).

Если продолжить рассуждение о двух составляющих частях предметности и обратиться к Выготскому, то получается, что прежде, чем усвоить предметность в целом (обе части), ребенок должен непосредственно воспринять значение предмета, его возможности. Что и происходит, когда ребенок хватается за предметы, пытается ими пользоваться. Здесь он усваивает непосредственно их значение в акте восприятия. Ложку ребенок хватается одной рукой, а мяч двумя не потому, что так его научили или так говорит его опыт, а потому, что непосредственно воспринятое значение «говорит», что предмет, который намного больше руки, одной рукой взять невозможно. Только потом, на основе социального опыта, он усваивает предметность второго уровня.

Следовательно, и процесс интериоризации имеет два уровня: первый – уровень непосредственного восприятия предметности, второй – уровень социального опыта. То же самое происходит и с усвоением знака. Первоначально ребенок познает сущность и возможности речи и своего речевого аппарата непосредственно (сюда можно отнести период автономной речи ребенка). Речь содержит возможности передачи знаков, но не вещей, например; и это должно быть понято непосредственно. Сначала ребенок усваивает возможности речи, а потом (конечно же, при помощи взрослого) начинает пользоваться ею. Процесс интериоризации может быть представлен в этом случае как процесс перехода от познания возможности к познанию качества предметности.

Подобная позиция, по нашему мнению, позволяет снять главный недостаток культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, отвести от него обвинения в идеализме. Путь от познания, возможности до познания качества человек может пройти и сам, при этом уровень будет чрезвычайно примитивным, но и этого достаточно, чтобы не говорить о божественности.

ственном начале. Возможности острого камня как ножа могут быть восприняты человеком непосредственно, а вот совершенствование орудия резания возможно только в историческом плане. Животное тоже с успехом пользуется примитивными орудиями, и здесь мы всегда подчеркивали преимущество человека в умении сохранять и передавать опыт. При этом пропускали вещь более фундаментальную: сами возможности, значения предметов могут восприниматься непосредственно и человеком, и животным одинаково. Человек дополнительно еще имеет социальные возможности своей социально-экологической ниши.

Важно подчеркнуть еще раз, что *предметность, возможности предмета, смысл, значение вещи или явления черпаются индивидом из социально-экологической ниши. Сама ниша при этом понимается как набор возможностей.* Для человека нет возможности воспринимать ультразвук, потому что этой возможности нет в его нише, она не нужна ему для существования, поэтому аппарат генерации ультразвука летучей мыши не обладает для человека качеством предметности первого порядка, хотя он и может постичь эту предметность через изучение летучей мыши. Но это уже не будет извлеченная возможность, это уже не будет значение, полученное неявно (то есть непосредственно). Социально-исторический опыт в этом случае может передать только явное (знаковое) знание, которое не отражает понятия возможности в экологическом направлении. Социальные возможности, которые предоставляет человеку его социально-экологическая ниша, одновременно и расширяют круг его деятельности (животное не может пользоваться сложными орудиями труда), и сужают этот круг за счет недоступности многих возможностей животного. Это закономерно, ибо экологическая и социально-экологическая ниши выполняют чрезвычайно важную функцию – обеспечивают существование данного вида или индивида в данном окружающем мире. Социально-экологическая ниша может быть занята только одним индивидом – это обеспечивает функционирование его индивидуальной психической жизни.

Этот главнейший аспект всегда опускался экспериментальной психологией, потому что он неуловим, не поддается экспериментальному изучению, он уникален и очень хрупок: встать на точку зрения другого человека (то есть занять его место в его социально-экологической нише) невозможно иначе как только уничтожив этого человека. И даже тогда это будет уже другая точка зрения. В этом состоит суть возможностей, предоставляемых социально-экологической нишей, в которой формируется предметность и смысл, ибо они существуют только в акте восприятия конкретного индивида. В этом суть целостности окружающего мира, его взаимозависимости и взаимообусловленности с индивидом. Это то, что С.Л. Рубинштейн называл внешними причинами, действующими через внутренние условия, а А.Н. Леонтьев – внутренним (субъектом), действующим через внешнее и этим само себя изменяющим. Очень хорошо это отметил В.П. Зинченко, когда изучал вопрос «первичности» установки. Он пишет: «А.Г. Асмолову, поставившему задачу объективного рассмотрения взаимоотношений между действительностью и установкой, все же не удалось преодолеть парадигму деятельности, что привело автора в итоге интересного и поучительного анализа к явному ограничению реальных функций установки в поведении и деятельности» (Зинченко, 1978. С.135). «Для того, чтобы снять проблему «первичности», необходимо утвердить тезис об исходной целостности и одновременно гетерогенности психического» (там же). Важнейшей особенностью здесь является то, что первоначально необходимо рассматривать окружающий мир в его целостности, затем социально-экологическую нишу индивида в ее целостности, и только потом можно говорить об отдельных составляющих их элементах (если вообще это нужно). Это то, что Гибсон называет экологическим подходом, а К. Лоренс – «методом широкого фронта», при котором система двухсторонних причинных связей обеспечивает «органическую целостность». Отдельные части подобной системы можно понять только одновременно (см.: Гороховская, 1991. С.163). Хотя данный принцип и сегодня не кажется очевидным для ведущих представителей теории установки, где

целостность проистекает из системообразующей целостности единой «установки на...».

Сопоставляя представления С.Л. Рубинштейна о том, что «внешние причины действуют через внутренние условия», и А.Н. Леонтьева о том, что «внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим самым само себя изменяет», А.Е. Шерозия пишет: «Мы позволим себе противопоставить этим определениям формулу, выражающую суть нашего подхода к данной проблеме: и внутреннее, и внешнее взаимодействуют в субъекте не иначе, как только через фундаментальную целостность его единой системообразующей «установки на...». То есть и внутреннее (субъективное, субъект), и внешнее (объективное, объект) взаимодействуют в субъекте, превращая его в целостность благодаря возникновению в нем установки» (Шерозия, 1978. С.45).

Мы уже отмечали, что постулат непосредственности был выделен только для того, чтобы его «преодолеть», чтобы заложить фундамент теории установки. Если не акцентировать излишне внимание на противопоставлении окружающего мира и индивида (что тоже обусловлено влиянием Дарвина), то не возникает необходимость искать опосредующие механизмы взаимодействия окружающего мира и его психики. Целостность не может пониматься как состоящая из целостности отдельных частей. Сумма частей не есть целостность, целое (в данном случае окружающий мир) не может зависеть от элементов, входящих в него с точки зрения структурированности окружающего мира.

Конституция окружающего мира формируется по принципу, называемому нами *жизнь-структуры-окружающего-мира*, то есть *окружающий мир сам обладает структурированностью, суть которой есть его жизнь. Эта структура окружающего мира обладает имманентной целостностью и возможностями, которые извлекает находящийся в нем организм (и человек). Суть процесса извлечения возможности сводится к извлечению сущностной информации, которая содержится в социально-экологической нише индивида и получается индивидом в виде сущности предметов,*

смысла, значения. Сам же смысл воспринимается непосредственно и возникает в момент акта интенционально-переживания. Интенциональное переживание является функцией экологического компонента социальной установки. Он обладает, по нашему мнению, априорной возможностью стремиться «назад, к самим предметам». Именно эта направленность на предмет и составляет суть, сердцевину всей феноменологии Эдмунда Гуссерля. «Предмет», по Гуссерлю, – это не только «реальные» предметы, но и понятия, часть из которых образует класс «всеобщих предметов» (среди последних – интересующие Гуссерля «логические сущности»). К «предметам», как уже говорилось, Гуссерль пришел через «значения». «Значения, как мы можем еще сказать, образуют класс понятий в смысле «всеобщих предметов». При этом они отнюдь не являются предметами, которые в том случае, если они не существуют где-либо в мире, присутствуют в тьме, в пустоте, или в божественном духе; такое метафизическое гипостазирование было бы абсурдно. Тому, кто привык под бытием понимать только «реальное» бытие, под предметом – только реальные предметы, тому разговор о всеобщих предметах и их смысле покажется в основе своей ошибочным. Напротив, здесь не найдет никакого произвола тот, кто сказанное выше поймет сначала как характеристику значения определенных суждений – а именно таких суждений, в которых судят о числах, предложениях, геометрических формах и так далее, и кто затем спросит себя, должен ли он здесь, как и в других случаях, очевидным образом присвоить имя «истинно сущего предмета» тому, о чем в суждении идет речь» (Husserl. *Logische Untersuchungen*. B.2. T.1. S.101)» (Мотрошилова, 1968. С.56).

Здесь Гуссерля интересует прежде всего не реальный предмет как таковой или воздействие сознания на него, но исключительно структура внутренних взаимоотношений самого сознания. Эти же внутренние отношения есть связь между возможностью и действительностью. Это та самая троичность Вселенной (возможность, актуальность, связь), о которой говорил Кузанец. Взаимодействие предметности и окружающего

мира имеет двухстороннюю направленность именно в силу существования социально-экологической ниши индивида как набора возможностей, поскольку возможность принадлежит одновременно и миру, и индивиду.

Предметная обусловленность сознания индивида неотделима от предметного содержания, обусловленного возможностями окружающего мира и их непосредственным восприятием. Об этом писал Липпс: «Вторая сторона духовной деятельности есть опрашивание, именно опрашивание предметов. На наш вопрос предметы дают ответ, тот или другой ответ в зависимости от направления вопроса. В ответ на эти вопросы мир предметов оказывается тем самым, что он есть, когда он ставит нам требования. Требования эти подчинены своим собственным законам, именно законам предметов или мышления, которые в конце концов совпадают в законе тождества. Акт признания требования предметов есть суждение. Известные предметы требуют от нас, как своего «права», чтобы мы их мыслили, или они претендуют на то, чтобы акт, в котором они мыслятся, имел для нас «значение». В сознании и признании этого требования заключается суждение действительности» (Липпс, 1913. С.133). Предмет здесь дается не как некий феномен, как, например, данность предмета априорными формами мышления у Канта, но как присущие данному предмету свойства, его значения, смысл. Если у Канта предметность возникает в сознании, то у Гуссерля даже «эмпирическое созерцание обладает удивительным свойством: оно «дает» предмет – и не просто как некоторый феномен, скрывающий за собой уже непроницаемую, недоступную вещь; данными, явленными оказываются действительно присущие вещи ее свойства, качества, существующие до и независимо от сознания» (Мотрошилова, 1989. С.68).

Для нас здесь очень существенным является то, что сущностные характеристики существуют «до и независимо от сознания», то есть в сущностной информации или в возможностях окружающего мира, но «даются» эти характеристики в акте извлечения информации, в акте интенционального переживания. «Совершая акт познания, или, как я предпочитаю выра-

жаться, живя в нем, мы «заняты предметным», которое в нем, именно познавательным образом, интендируется и полагается, и если это есть познание в строжайшем смысле, то есть если мы судим с очевидностью, то предметное дано изначально, подлинно. Обстояние вещей (Sachverhalt) здесь уже не предположительно, но действительно находится перед нашими глазами, и в нем нам дан предмет, как то, что он есть точно так и не иначе, чем он интендирован в этом познании: как носитель этих качеств, как член этих отношений и тому подобное» (Гуссерль, 1909. С.201).

Непосредственность восприятия здесь жестко увязана с существующими возможностями окружающего мира: мир и индивид сущностно взаимосвязаны, они представляют собой некую единую структуру, названную нами «жизнь-структуры-окружающего-мира». И здесь опять полезно вспомнить, что мы выделяли предметность двух уровней: как возможность окружающего мира и как результат социального научения. Оба эти компонента предметности чрезвычайно тесно связаны друг с другом и представляют собой единую предметность, воспринимаемую непосредственно в акте интенционального переживания, или в акте непосредственного восприятия возможностей в теории Гибсона. «Парадоксально и в то же время несомненно, что не существует опыта в самом простом смысле – как опыта относительно вещи, посредством которого мы, впервые постигая эту вещь, узнавая о ней, не «знали» бы о ней уже заранее больше того, что мы при этом узнаем» (E. Husserl. Manuskript. A. VII. S.8). Такое знание о предмете, данное до всякого опыта, Гуссерль называет горизонтом этого предмета. Подобно тому, как у Канта априорные формы чувственности предшествуют всякому эмпирическому восприятию, составляя условие возможности этого восприятия, у Гуссерля горизонт предмета есть то, что составляет как бы предварительное знание о предмете. Чистое восприятие представляет собой не восприятие какой-либо вещи, а восприятие ее горизонта. Но здесь нельзя говорить о восприятии в общепринятом смысле слова. (...) Чистое восприятие как восприятие этого «бытийного смысла» представляет собой скорее рефлексию, или так

называемое имманентное восприятие. Именно имманентное восприятие есть «средство феноменологии, ибо только оно вводит нас в сферу того, что должно быть использовано феноменологически» (Гайденко, 1966. С.80).

Согласовав подобным образом Гуссерлев горизонт и наше представление о первичной предметности, обусловленной способностью извлечения возможностей окружающего мира, мы можем уверенно предположить, что социально-экологическая ниша индивида ограничена рамками горизонтов предметов, сущностную информацию которых потенциально способен извлекать индивид. Горизонт предметности, таким образом, является связанным с горизонтом возможностей, предоставляемых индивиду, а эти возможности, в свою очередь, конституированы в социально-экологическую нишу. Материей в акте извлечения информации является не собственно предмет, а интенциональное переживание акта. «Но предмет, вообще говоря, лежит ведь за пределами акта, надо искать входящих в состав акта переживаний, которые являлись бы его материей. Их, однако, легко найти: ведь само отношение к определенному предмету, направленность на него – переживаемое свойство акта; это и есть, ясное дело, его материя. Но один и тот же предмет может быть схвачен в акте различным образом» (Кунцман, 1914. С.142). Здесь еще раз важно отметить особенности понимания предмета в феноменологии, где он связывается не столько с вещами, сколько с тем, что «дано» в акте восприятия, что само по себе похоже на кантовское представление о предмете. Поскольку предметы даются в акте непосредственного восприятия и фундируются восприятием сущностной информации, то становится понятным важнейшее значение социально-экологической ниши как особым образом структурированной сущностной информации. Гуссерль называет это структурирование горизонтностью сознания, когда отдельные горизонты отдельных предметов образуют нечто подобное нашему представлению о социально-экологической нише. «Отдельному субъекту в отдельном, конкретном познавательном акте всегда дан конкретный предмет. Особенность осознания предмета заключается, по Гуссерлю, в том, что от-

дельное дано как «кусоч», высеченный из мира (Ausschnitt). При этом вначале он не дан нам дефинитивно, рефлексивно. (Подобным образом обстоит дело не только с предметом как вещью, но и вообще со всяким содержанием сознания). Но при всей «неопределенности» осознаваемому отдельному предмету всегда что-то сопутствует – мир как «горизонт». Во-первых, это та ближайшая часть, тот «слой» мира, который неопределенно и постепенно, но настоятельно проникает вместе с объектом в наше сознание – так называемый внутренний горизонт. Во-вторых, с этим первым горизонтом связан второй, внешний горизонт – «открытый», бесконечный горизонт сопутствующих объектов. Горизонты, связанные друг с другом, образуют специфическое свойство осознания предмета – горизонтность (Horisonthaftigkeit) этого сознания» (Мотрошилова, 1968. С.86).

Таким образом, можно предположить, что горизонтность отдельного предмета – это его сущностная информация, его возможность, находящаяся в особом структурированном виде – социально-экологической нише. Понятие внутреннего и внешнего горизонта соотносимо с понятием возможности окружающего мира и возможности социально-экологической ниши. Открытый горизонт сопутствующих объектов есть не что иное, как все многообразие возможностей окружающего мира.

Чрезвычайно важно при этом помнить, что, согласно Гибсону, *«восприятие есть психосоматический акт живого наблюдателя...»* (Гибсон, 1988. С.338). Именно «акт живого наблюдателя» и утрачен Гуссерлем в его поиске «чистого» сознания. *Понятие социально-экологической ниши, вводимое нами, обеспечивает подобное «живое» наблюдение, в ходе которого извлекается сущностная информация.* А согласно Гибсону, «теория информации уничтожает разрыв между восприятием и знанием» (Гибсон, 1988. С.366), в то время как «восприятие неразрывно связано с постижением». Если вспомнить, что восприятие есть реализация возможности на основе стимульной информации, а реализованные возможности, по Аристотелю, суть энтелихии, или «нахождение-в-сос-

тоянии-полной-осуществленности» (Аристотель, 1976. С.396), то извлечение возможности (или стимульной информации) может быть явлением только процессуальным и структурированным. Это то, что мы назвали **«жизнь–структуры–окружающего–мира»**, что представлено в форме социально-экологической ниши индивида.

Теперь самое время соотнести представления У. Найссера о схеме и наше понимание социально-экологической ниши. Поскольку схема, в понимании Найссера, играет роль предвосхищающего механизма, роль плана действия, контекста, который направляет восприятие, то именно этого недостает понятию социально-экологической ниши.

Ниша как набор возможностей, как особым образом структурированная конструкция возможностей, как структура сущностной информации должна осуществлять прогностическую функцию именно в силу того, что она является источником предметности для индивидуальной психической жизни.

Смыслы, рожденные в акте интенционального переживания, должны быть структурированы так, чтобы встраиваться в уже существующие структуры установок личности. Иными словами, возможности, которые извлекаются из социально-экологической ниши, должны быть «отобраны» до того, как они попадут в нишу, чтобы потом быть воспринятыми непосредственно. Социально-экологическая ниша, предоставляя индивиду возможности, которые он воспримет непосредственно, должна обладать свойством прогнозирования выбора возможности наподобие действия найссеровской схемы. Схема Найссера привлечена потому, что Гибсон принципиально в рамках своей теории не признает никакой обработки информации, то есть, если быть до конца последовательным, социально-экологическая ниша не может «обработать» информацию, но она может лишь непосредственно уяснить ее сущность, ее смысл, столь необходимый для антиципации.

Конечно же, в данном представлении о социально-экологической нише следует учитывать особенности подхода как феноменологии, так и экологической оптики Гибсона: и тот и

другой подход, являясь совершенно нетрадиционными для психологии и философии, требуют к себе особого взгляда – здесь недопустима односторонняя акцентуация. Мотрошилова отмечает, что в понимании Гуссерля «связь вещей» и «связь истин» «неразлучны», ибо априори даны совместно. Сознание способно само давать предмет, через предметность сознания нам даются вещи и вещественные содержания, связи вещей. Однако предметности сознания отличаются от связей и отношений самих вещей. «Теория «предметностей» в контексте феноменологии замыслена как исследование совершенно специфических «предметных закономерностей» самого сознания, о которых, полагает Гуссерль, нельзя судить на основе законов, применимых к материальным вещам природы, их связям и отношениям» (Мотрошилова, 1989. С.69).

Именно это особое положение феноменологического метода позволяет судить о сущностной информации окружающего мира, извлекаемой индивидом из социально-экологической ниши. Ниша как набор возможностей, ниша как структурированный набор сущностной информации имеет особые отношения с индивидом. С одной стороны, эти отношения обоснованы общим экологическим устройством мира и индивида, а с другой стороны, эти отношения, несомненно, феноменальны и анализироваться должны не только экологически, но и феноменологически.

Если сущность индивидуальной психической жизни представляется нам как *жизнь-структуры-окружающего-мира*, то связь индивида с окружающим миром есть связь эколого-феноменологическая, отражающая экологическое структурирование окружающего мира и акт интенционального переживания, в котором возникает смысл той или иной выбранной возможности окружающего мира. Целостность социально-экологической ниши обеспечивает единство возможности, действительности и отношения между ними. Сама же ниша является базовым образованием, на основе которого формируются те или иные установки – возможность извлекается из социально-экологической ниши на основе интенционального

переживания, согласуется с потребностью («встреча», по Узнадзе) и структурируется в установку.

Все перечисленное выше не учитывается ни в одной существующей теории установки или аттитюда по той простой причине, что установка не рассматривается на этапе ее формирования с точки зрения окружающего экологического мира. Поэтому ни в одной теории установки нет механизма, способного выбирать возможности окружающего мира.

Напомним, что мы принимаем идею Д.Н. Узнадзе о том, что установка формируется на основе «встречи» потребности и ситуации удовлетворения потребности. Проанализировав понятия окружающего мира и возможности у Гибсона и понятие ситуации Узнадзе, мы пришли к выводу о целесообразности использования понятия «возможность» вместо понятия «ситуация». Логичным стало после этого предположение о необходимости анализа и выбора одной из возможностей окружающего мира. Д.Н. Узнадзе называл этот момент «особым восприятием», то есть восприятием до восприятия, когда виделась сама ситуация, которая затем будет переструктурирована в установку. Однако дальше этого замечания теория установки не пошла, поэтому мы предлагаем свое видение структуры установки, функций установки и компонентов установки.

В первой части мы обосновывали тезис о том, что правильно базовым понятием иметь понятие «социальная установка», а не «установка». ***Поэтому мы выделяем следующие компоненты социальной установки: 1) экологический компонент; 2) когнитивный компонент; 3) аффективный компонент.***

Поведенческий компонент выносится нами за границы понятия социальной установки и обозначается как ***установочная тенденция к действию.***

В связи с этим выделяются уровни социальной установки. ***Первый уровень – уровень экологического компонента,*** который обеспечивает функцию анализа возможностей окружающего мира и выбор возможностей. Это уровень собственно

установки, где происходит «встреча» потребности и возможности. **Второй уровень – уровень аттитюда**, уровень аффективного и когнитивного компонентов. Этому уровню присущи все функции аттитюда. **Третий уровень – уровень тенденции к действию**. Это уже не совсем социальная установка, но и не поведение как ее реализация. Здесь могут действовать как установочные механизмы, так и внеустановочные механизмы.

Нас интересует именно экологический компонент социальной установки, который кажется нам базовым. Основным механизмом этого компонента является механизм интенциональности, позволяющий осуществить выбор возможностей окружающего мира на основе временных процессов структурирования в момент интенционального переживания.

Время как смылообразующий фактор структурирования социальной установки

В экологической концепции социальной установки особое место отведено понятию «время». Феноменологический анализ темпоральных процессов позволяет проанализировать структурирование экологического компонента социальной установки на основе механизма Р-Т-П (ретенция-»теперь-точка»-протенция). Это конкретизирует взаимоотношение возможностей окружающего мира, понимаемых как сущностная информация, и выбираемого смысла возможностей с целью дальнейшего формирования социальной установки.

Уяснение сущности времени, раскрываемого через первичные ориентации сознания, позволяет иметь адекватное представление о будущем, настоящем и прошлом в границах изучаемого нами механизма интенциональности экологического компонента социальной установки. Поскольку общая структура социальной установки рассматривается нами как некое целостное образование с консистентным внутренним устройством, то возникает вопрос о механизмах формирования структуры и его взаимодействии с отдельными элементами структуры.

Особую роль в процессах структурирования социальной установки, в процессах формирования ситуационной структуры выбора возможности играют временные механизмы.

Однако надо помнить, что «феноменология занимается не тем временем, которым занимаются естественные науки, а «являющимся временем», имманентным «потoku сознания», занимается установлением того, как конституируется субъективное сознание времени» (Мотрошилова, 1968. С.116). Темпоральность у Гуссерля является одним из фундаментальных свойств сознания, понимаемых в «самоданности и чистоте». «Время, которое здесь выступает, не есть объективное или объективно определяемое время. Его нельзя измерить, для него нет часов и прочих хронометров. Здесь можно сказать так: теперь, раньше, еще раньше...» (Husserliana, 1966. Bd. 10. S.338).

Подобное оригинальное представление о времени соответствует нашим намерениям описать структуру социальной установки, но отличается во многом от общепринятых представлений о времени, среди которых, впрочем, также нет единства, и очень часто они просто взаимоисключают друг друга.

Первоначальные представления о времени как о форме проявления духовности характерно для Августина (который почерпнул его у Платона), Фомы Аквинского и других авторитетов христианской философии. В частности, Августин писал: «Итак, в тебе, душа моя, измеряю я времена (...) и когда измеряю их, то измеряю не самые предметы, которые проходят и прошли уже безвозвратно, а те впечатления, которые они произвели на тебя» (Августин, 1905. С.27). Для нашего эмпирического психологического феноменологического метода исследования это замечание Августина имеет особое значение, ибо очень точно подчеркивает одну немаловажную деталь – ту роль, которую имеет переживание в общей структуре восприятия времени. Надо отметить, что Августин отводил индивидуальной духовности способность измерять время. Это противоречит точке зрения Аристотеля, который видел объективность времени как меру движения.

Сомнения относительно существования времени как такового существовали еще в Древнем Китае и Древней Индии,

подтверждаются у Августина и во многих работах средневековых авторов. «Можно измерять время только текущее, а прошедшее, равно как и будущее, которых нет в действительности, не могут подлежать нашему измерению» (Августин, 1968. Т.1. Ч.2. С.587). Через несколько веков можем прочесть у Секста Эмпирика: «Но нельзя другие времена измерять настоящим. Ведь если настоящее время измеряет прошедшее, то настоящее время относится к прошедшему, а будучи отнесено к прошедшему, оно будет уже не настоящим, а прошедшим. А если настоящее время измеряет будущее, то, будучи отнесенным к нему, оно будет не настоящим, а будущим. Отсюда и другие времена не могут измерять настоящее» (Секст Эмпирик, 1976. Т.1. С.351).

Если позиции Секста Эмпирика в вопросе понимания эпохи во многом схожи с представлениями о феноменологической редукции у Гуссерля, то не будет большой натяжкой сравнить гуссерлево представление о времени со взглядами Н. Кузанского, который писал о времени следующее: «Кроме того, при восстании человечества над движением, временем, количеством и другими преходящими вещами тленное разрешится в нетленное, и животное в духовное, как показано выше, и весь человек станет интеллектом, то есть духом, а его истинное тело тоже растворится в духовной природе, перестав существовать в себе, в своих вещественных, количественных, временных пропорциях, и превратится в дух – как бы наоборот по сравнению с нашим здешним телом, где видна не душа, а только тело, в котором душа как бы в плену, тогда как тело пребывает в духе наподобие того, как теперь дух в теле, и, как здесь душа отягощена телом, так там тело облегчено духом» (Кузанский, 1979. С.172).

В натурфилософии XVII – XVIII веков время рассматривалось как поток длительности, который существует независимо от процессов окружающего мира. Здесь выделялась, например, категория абсолютного времени (Ньютон) как условия бытия и относительное время как характеристика конкретных процессов. Понимание времени как длительности процессов свойственно Декарту, Дидро, Гольбаху, Лейбницу. Время как фор-

ма упорядочения набора ощущений или опытов представлялось Беркли и Юму. Кант видит во времени априорную форму чувственного созерцания. Вопрос о времени во многом парадоксален, поэтому решать его можно по-разному: здесь может быть одинаково успешно доказан как тезис о «неповторимости» времени (циклический характер времени), так и тезис о несуществовании времени в реальности вообще (см.: Яковлев, 1991. С.59).

Весь процесс изучения времени можно охарактеризовать как «очеловечивание» времени: первоначально тотальное обожествление времени почти во всех мировоззренческих системах сменилось его абсолютизацией, которая просуществовала до появления теории относительности. Именно тогда стали разделяться физическое, биологическое, социальное и психологическое время. Причем под последним понималось время, которое переживается человеком. Именно момент переживания станет центральным для многих концепций времени, в том числе и для Гуссерля.

Вероятно, будет правильным считать, что на сегодняшний день существует четыре основных направления изучения времени: 1) физическое время; 2) биологическое время; 3) социальное время; 4) психологическое время. При этом выделяются две основные концепции времени: квантовая и событийная.

В событийном подходе время и его наполненность ставятся в зависимость от событий, которые совершились в данный период.

Квантовая теория предполагает выделение некоего стандарта, «кванта», элемента времени, которым можно изменить все временные характеристики.

Указанные концепции времени оказались достаточно плодотворными, но их ограничения касались исследования психологического времени в масштабе индивидуальной жизни человека.

Исследователями неоднократно отмечались работы П. Жане о времени, где он рассматривает психологическую эволюцию личности в онтогенезе через время жизни, связывая при этом историческое, биологическое и психологическое время.

Шарлотта Бюлер рассматривает время с трех точек зрения: биографической, ценностной и творческой. Поле Фрессом изучаются способы адаптации человека к условиям существования во времени. С его точки зрения, понятие времени имманентно когнитивной организации человека как вида, которое возникает как форма приспособления (см.: Ковалев, 1988. С.221-222).

Сам Вл.И. Ковалев, представляя свою концепцию психологического времени человека, выделяет уровни, которые он характеризует как субъективно-переживаемое время и перцептуальное время. Выделяются подуровни освоения и овладения временными свойствами, управление временем. «Ключевым понятием нашего исследования является понятие «временной организации жизни», в котором диалектически связаны процесс и структура» (Ковалев, 1988. С.220).

Концепция Ковалева представляется нам как не вписывающаяся в предлагаемую Головахой и Кроником общую структуру исследований времени в психологии (квантовая, событийная, личностно-психологическая). Сами исследователи Головаха и Кроник никак не оценивают концепцию Ковалева (тем же платит, кстати, и он), однако нам их позиции близки в той части, где идет речь о процессе целесообразного и целенаправленного структурирования периодов и моментов жизни (Ковалев) и причинно-целевых процессах (Головаха, Кроник).

Нас в первую очередь интересуют именно процессы целеполагания, направленности в их естественной связи с каузальностью. Именно это позволит нам перекинуть затем мостик к темпоральной структурированности сознания у Гуссерля. Исследователи Головаха и Кроник предлагают свою «причинно-целевую концепцию психологического времени», отмечая при этом, что «теоретическими предпосылками данной концепции являются философские и культурологические представления о связи между временными и причинными отношениями. В ее основе – реляционный подход к проблеме времени в целом, согласно которому длительность, последовательность, направление и другие свойства времени производны от структуры конкретного процесса и отношений между происходящими в

нем событиями» (Головаха, Кроник, 1988. С.210). При этом нас больше всего интересует положение о так называемых «детерминационных связях между событиями», которые, по нашему мнению, должны быть дополнены механизмами интенциональности.

Сама же гипотеза причинно-целевого обоснования психологического времени, согласно авторам, выглядит так: «Ключевое положение причинно-целевой концепции психологического времени можно определить следующим образом: психологическое время формируется на основе переживания личностью детерминационных связей между основными событиями ее жизни. Специфика детерминации человеческой жизни заключается в том, что наряду с причинной обусловленностью последующих событий предшествующими (детерминация прошлым) имеет место и детерминация будущим, то есть целями и предполагаемыми результатами жизнедеятельности. Эти два типа детерминационных отношений находят свое отражение в наиболее частых высказываниях (с союзами «потому что» и «для того чтобы»), которыми мы пользуемся, анализируя взаимосвязи событий своей жизни. Такого рода причинные и целевые связи являются, согласно предлагаемой концепции, единицами анализа психологического времени личности» (Головаха, Кроник, 1988. С.211).

Особо выделяются нами здесь размышления о различных видах детерминации, ибо в случае с детерминацией будущего это направленность на то, что Гуссерль называет протенцией, а в случае с прошлым – ретенцией. При этом мы должны признать, что время не представляет собой некоего целостно детерминированного образования. Это значит, что одна его часть может быть обусловлена каузально, другая же (и в этом суть нашего подхода) обуславливается интенционально. Это означает, что интенциональное переживание не только обосновывает направленность сознания и его темпоральность, но и само время может быть в какой-то части интенционально обусловленным. В рамках причинно-целевой концепции детерминация понимается так: «Детерминационные связи между жизненными событиями характеризуются: направлением, знаком, про-

тяженностью, субъективной вероятностью, принадлежностью к прошлому, настоящему или будущему. По своему направлению связи разделяются на причинные (из прошлого в будущее) и целевые (из будущего в прошлое). По своему знаку – на положительные («благодаря», «достичь») и отрицательные («вопреки», «избежать»). Протяженность связи определяется хронологическим интервалом между событием-причиной и событием-следствием (или событием-целью и событием-средством). Субъективная вероятность межсобытийной связи характеризует степень уверенности личности в том, что одно событие выступает детерминантой другого. Представления личности о связи событий ее жизни и уверенность в наличии тех или иных связей зависят от сформированности в обществе различных социальных норм, регулирующих жизненный путь («жизненное расписание») человека, а также от степени интериоризованности этих норм личностью» (Головаха, Кроник, 1988. С.211). Однако здесь важнейшие для нас моменты – направленность, целеполагание, целесообразность не раскрываются, а если и анализируются, то с позиций привычного почтительного избегания телеологичности.

Едва не во всех анализах различных концепций времени почти не упоминается подход Гуссерля – именно в силу его интенциональной основы. Между тем сегодня уже очевидно, что механизма интенциональности не хватает многим психическим образованиям, а в первую очередь – установке. Прежде чем характеризовать концепцию времени Гуссерля, позволим себе привести известное соображение Б. Яковенко, который описывает разные способы философствования, акцентируя внимание на необходимости феноменологического взгляда на проблемы философии.

Феноменологический подход в психологии сегодня – императив времени, настоятельная необходимость ее совершенствования. Важно при этом отстраниться от дихотомии, «материалистическое-идеалистическое» как намеренно упрощенной позиции, которую можно было бы обозначить как натурализм или позитивизм.

«Натурализм есть миропонимание, присущее всякому наивному мыслителю, будь то первобытный человек, дикарь, или представитель современного уклада жизни. Мир представляется ему в категории отдельной пространственно данной вещи и принимается таким, каким открывается непосредственно в акте чувственного познания. Окружающее состоит, по его мнению, из материальных, осязательно конкретных сущностей, живущих во внешнем и чужом ему пространстве и обладающих от себя теми свойствами и особенностями, в одеянии которых он их воспринимает. В той же самой чувственной схеме мыслит он себе и все сверхчувственное – само пространство, время, мир как целое. (...) Такая точка зрения философски совершенно неприемлема уже потому, что она не только ничего не объясняет, а даже, наоборот, затрудняет всячески понимание Сущего» (Яковенко, 1912. С.74).

Именно здесь и заключена вся разница в подходах: время нельзя исследовать как «существующее», его можно исследовать только как «сущность», на чем настаивает Гуссерль, и что достижимо только с позиций феноменологии. Даже с позиций сегодняшнего дня – «время не существует само по себе, вне материальных изменений... (Философский энциклопедический словарь, 1983. С.94), необходимо изучение именно «сущности» времени. Это необходимо, в том числе и в психологии.

Итак, напомним, что *для Гуссерля темпоральность – это прежде всего характеристика сознания, его основа, которая сама находится внутри интенционального переживания. Основная единица времени при этом именуется «теперь-моментом». Впереди ее идет протенция, а позади – ретенция.*

Гуссерлево понимание времени самым тесным образом связано с пониманием интенциональности и феноменологической рефлексии. Именно интенциональность структурирует и время, и сознание индивида. Если ранее мы отмечали, что *сознание понимается им как процесс смыслообразования в акте интенционального переживания, то, очевидно, возникает и другая характеристика сознания – его темпоральность, которая может анализироваться через рефлекссию как схватывание временного потока «теперь-момента».*

Это возможно потому, что акты эпохэ предполагают приостановку всяческого существования предыдущего суждения. Это же правило действует и тогда, когда попадает в поле зрения время как объект исследования. Гуссерля на протяжении всего его творчества интересовала проблема темпоральности сознания.

«Специфика феноменологического учения о сознании состоит в том, что вопрос о сознании может быть задан только косвенно – как вопрос о времени; с другой стороны, специфика феноменологического учения о времени состоит в том, что вопрос о природе времени может быть поставлен только косвенно – как вопрос о сознании. Иными словами, задать вопрос о времени означает задать вопрос не только об определенных формах осознания времени, но и об определенных временных формах того или иного модуса сознания, того или иного вида интенциональности. Задать вопрос о сознании означает задать вопрос о существовании переживаний или содержаний сознания в единстве темпорального потока сознания» (Молчанов, 1988. С.59). Согласно Гуссерлю, именно благодаря темпоральности возможна связь между рефлексией и сознанием. При этом существенным замечанием является то, что феноменологическая рефлексия не есть интроспекция в классическом понимании. Главной задачей здесь является попытка структурировать поток сознания в феноменологической рефлексии. Отбрасывается все, что до сих пор являлось очевидным, что виделось как следствие чего-то, как результат воздействия внешних предметов. В этом случае феноменологическая рефлексия как бы оживляет временность сознания и является в момент интенционального переживания.

Хорошо известно, что многие положения о времени Гуссерль выработал либо на основе идей Ф. Brentano, либо в полемике с ним. Самым главным достоинством Ф. Brentano Гуссерлю представляется его мысль о том, что в психологии время имеет последовательность и длительность, отличную от длительности и последовательности самого психического акта. «Психологи, за исключением Brentano, безуспешно пытаются установить источники представлений о времени по той причине, что они смешивают объективное и субъективное время:

«Длительность ощущения и ощущение длительности различны», – подчеркивает Гуссерль (Husserliana. 10. S.12). Brentano полагал, что источником наших переживаний различных модусов времени является фантазия-представление, первичная ассоциация, которая присоединяется к первичному ощущению после того, как перестает действовать вызвавший его стимул» (Молчанов, 1988. С.60).

Гуссерля, однако, не устраивает данный закон Brentano, ибо он «ведет к отрицанию первичной данности последовательности и длительности», на чем настаивает Гуссерль. При этом Гуссерль отмечает, что «Brentano не проводил различия между актом и содержанием, или между актом, содержанием схватывания и схватываемым предметом» (см.: Молчанов, 1988. С.60). Вероятно, по этой причине Brentano не ставил вопрос о «месте прикрепления времени», а у Гуссерля первичные временные характеристики относятся к объектам и актам одновременно. Согласно Гуссерлю, речь идет не о том, что последовательность строго зависит от длительности и последовательности самого акта восприятия, а именно от «моментальности сознания целого», то есть то, что мы сегодня называем целостностью восприятия – восприятие частей зависит от восприятия целого. Гуссерль критикует позицию Brentano, основанную в конечном итоге на ощущениях времени и пространства, предлагая свой метод изучения времени, который «сводится к двум процедурам: во-первых, к особому наблюдению над различными длящимися объектами, длительностями, последовательностями и так далее, то есть к наблюдению над данными в сознании временными различиями, во-вторых, к фиксации определенной структуры сознания, благодаря которой может осуществляться осознание того или иного временного фактора. Другими словами, Гуссерль создает такую модель сознания, которая должна иметь дело с осознанием временных различий» (Молчанов, 1988. С.61). Сам Гуссерль пришел к выводу, что «...исторически первое в себе – это наше настоящее» (Husserliana. Bd. 6. S.382). Он считал данную форму времени основной. Однако оно не может быть свободным от прошлого опыта сознания, настоящее отчасти обусловлено прошлым и содержит в себе бесконечность, в то время как

прошлое есть живое время, поскольку оно влияет на настоящее. При общей характеристике времени Гуссерль замечает: «Эйнштейновский переворот коснулся лишь формул, при посредстве которых трактуется идеализированная и наивно объективированная природа. Но каким образом формулы вообще, математическое объективирование вообще обретает смысл на почве жизни и наглядного окружающего мира – об этом мы ничего не знаем; так что Эйнштейну не удалось реформировать пространство и время, в которых разыгрывается наша живая жизнь» (Гуссерль, 1986. С.113).

Здесь мы обращаем свой взор к столь почитаемому нами Кузанскому, у которого обнаруживаем мысль о том, что «разумная природа» особым образом связана с процессом времени – в ней «особым образом свернуты нетленные формы» (см.: Кузанский, 1979. С.171).

Вероятно, именно устройство окружающего мира является основой понимания как психического, так и времени в психологии. И здесь наличествует не только столь яростно пропагандируемый нами экологический подход, но и феноменологические основы гуссерлева взгляда на взаимодействие окружающего мира и индивида. И у Гуссерля «люди и животные не просто тела» (...), а «они являются как нечто телесно существующее, значит, как реальности, включенные в универсальную пространство-временность» (Гуссерль, 1986. С.112). Конечно же, здесь «универсальное пространство-временность» не есть абсолютность времени и пространства Ньютона, но это и не относительность Эйнштейна. Это именно то, что Кузанский называет свернутыми нетленными формами разумной природы, а Гибсон именуется возможностями окружающего мира, которые извлекает индивид.

Гуссерль считает, что необходимо исследовать «определенные переживания времени» – (...) «напротив, нас интересует то, что в этих переживаниях имеется в виду «объективно-временные данные» (см.: Молчанов, 1988. С.51). Ранее мы уже отмечали главное для нас заблуждение Гуссерля, по которому он относит психологию к естественным наукам, редуцируя все, возможно, к физиологическому, что сам, впрочем, и не приемлет в понимании психического. Характерно еще и дру-

гое: в отличие от Гибсона, который вообще отказывается обсуждать проблему «объективного времени», называя это выдумкой физиков, Гуссерль все же не отрицает существование объективного времени и пространства, одновременно настаивая на их обязательном отличии от субъективного переживания времени и пространства индивидом.

В своих геттингенских лекциях зимнего семестра 1904/05 годов Гуссерль изучает феноменологическую редукцию времени как особый предмет исследования. «Такого рода исследование помогает понять, что редукция направлена не на уничтожение рассматриваемого предмета – объективное время остается таким, каким оно было, – а на перемену установки сознания. Редуцируется не предмет, а позиция исследователя по отношению к предмету» (Молчанов, 1988. С.51). Этим замечанием, возможно, смягчается обвинение Гуссерля в стремлении уйти от реального мира, отрешиться от него и замкнуться в мире феноменальном: ведь не случайно «нужно сначала потерять мир в эпохé, чтобы восстановить его в универсальном самоосмыслении»!

Возвращаясь к взаимоотношениям времени, редукции, интенции и сознания, следует отметить, что временная редукция – это основа всякой редукции и, как мы потом обнаружим, основа интенциональности. Внутреннее время конституирует не только ощущение последовательности событий, но и позволяет отделить естественную психологическую рефлексию от феноменологической рефлексии. Это будет для нас особенно важно при попытке обоснования необходимости использования не только «экологической логики» взаимодействия индивида с окружающим миром, но и «феноменологической редукции» как сугубо человеческого качества.

В свое время Кант отмечал, что способности суждения нельзя научить, Гуссерль был более оптимистичен – он стремился спасти человечество и искренне верил, что его «строгая наука» уберезит людей от надвигающейся катастрофы. Пользуясь этим сравнением, можно заключить, что у большинства людей все же остается «экологический способ мышления» в том виде, как его понимает Гибсон, и при котором он не отличается от способа жизнедеятельности животного.

го в окружающем мире. Человеку, очевидно, этого недостаточно, ибо периодически он не знает, куда ему девать свою «феноменологичность» и мучается своей «Божьей искрой». Здесь, по логике Гуссерля, человеку надо было бы использовать феноменологию, однако, вероятно, прав Гибсон в своих экологических интенциях и оценках человеческого разума. Так, например, Гибсон не разделяет с точки зрения структуры индивидуально-психическое и окружающий мир, а Гуссерль их разводит. «Единственно только пространственно-временной телесный мир и есть, в собственном смысле слова, природа. Всякое другое индивидуально существующее, психическое, есть природа, во втором, уже не собственном смысле, и это определяет коренные различия естественнонаучного и психологического метода. (...) Те же самые вещи (вещи, процессы и т. д.) находятся у всех нас перед глазами и могут быть определены в своей природе (...) – представляясь в опыте в многообразно изменяющихся «субъективных» явлениях, они остаются тем не менее временными единствами длящихся или изменяющихся свойств, остаются включенными в одну всеобщую, их объединяющую, связь одного телесного мира, с одним пространством, единым временем» (Гуссерль, 1911. С.24).

Здесь очень важен момент понимания познаваемости «телесного», то есть «пространственно-временного мира», «природы» непосредственно через восприятие. Это как раз то непосредственное восприятие, о котором говорит Гибсон как об извлечении возможностей окружающего мира. У Гуссерля это обозначено как извлечение сущности. Важнейший момент при этом состоит в том, что живая природа «в собственном смысле слова природа» не может пониматься как существующая, то есть мы не должны увлекаться ее существованием, но единственно – сущностью. Индивидуальная тождественность телесного бытия может быть познана только через интерсубъективность.

Таким образом, вполне вероятно предположить, что механизм извлечения возможности (в том числе и ее оценки) есть по своей сути феноменологический механизм, который обла-

дает свойством в процессе восприятия осуществлять и феноменологическую редукцию, и выявление сущности. Экологический подход к восприятию позволяет говорить о наличии в механизме восприятия элемента (обозначенного нами экологическим компонентом социальной установки), который автоматически осуществляет то, что обозначено Гуссерлем как феноменологическое уяснение сущности. В терминах Гибсона конечным итогом феноменологической деятельности восприятия может стать взаимозависимость, встроенность окружающего мира и индивида.

В свое время, разрабатывая основания философии в качестве неразложимого элемента через понятие «Я», интерпретируемого как «действительность», Вильгельм Шуппе отмечал ту особую позицию, которую должен занять индивид: «знать, созерцать пространство и время возможно по самой природе их только, если субъект созерцает их из определенной точки в пространстве и во времени. (...) «Я» должно находить себя занимающим часть пространства и времени, само должно быть пространственным и временным (...), оно познает пространство и время всегда только как нечто, что в понятии своего существования имеет отношение к сознанию» (Шуппе, 1913. С.32). Если сказанное перенести в парадигму эколого-феноменологического подхода, то необходимо заметить, что индивид должен иметь феноменологический механизм оценки собственного положения в экологическом мире. Нами разрабатывается мысль, что это есть механизм интенциональности экологического компонента социальной установки.

Гуссерля занимают вопросы последовательности совершающихся событий, которым много уделяет внимание и Гибсон, описывая их как результат особого устройства мира и человека. Гуссерль использует феноменологическую редукцию времени при изучении времени как субъективной реальности. Гуссерль считает, что разные восприятия одного и того же предмета все равно темпорально разделены (его пример с кусочком мела). При этом сам реальный процесс восприятия может быть иллюстрирован как перманентный переход, а лучше – перетекание из того, что Гуссерль называет «теперь-

точками» (настоящее) в то, что именуется «ретенциями» (прошлое). Причем все они сохраняются в некоем пространстве, которое позволяет различать все эти прошедшие «теперь-точки», определяя их в то же время как прошлое, как ретенцию, «Если мы схватываем в восприятии временной объект как «теперь-точку», то такое схватывание является центром кометных хвостов ретенций» (Husserliana. Bd. 10. S.34). При этом нельзя сказать, что подобный «кометный хвост ретенций» может существовать без предшествующего восприятия. Единичная ретенция всегда жестко связана с первоначальным восприятием. Важно заметить, что речь идет не об объекте, а о его интенциональном переживании. «Ретенция выполняет весьма важные функции в феноменологическом учении о времени и является фактически основой этого учения» (Молчанов, 1988. С.64).

Выделяя, однако, ретенцию как прошедшую «теперь-точку», мы должны помнить сугубо феноменологический подход к разделению времени. В противном случае, если не придерживаться позиции интенционального переживания, можно вполне убедительно вслед за Секстом Эмпириком утверждать, что «если же настоящее время делимо, то оно делится на существующие времена или на несуществующие. И если оно делится на несуществующие времена, то оно уже не будет временем, поскольку делящееся на несуществующие времена не может быть временем. Если же оно делится на существующие времена, то оно уже не будет целиком настоящим временем, но отчасти прошедшим, отчасти – будущим. Вследствие этого оно не будет целиком настоящим и реальным, так как одной части его уже нет, а другой еще нет. Но если доказано, что из трех времен – прошедшего, настоящего и будущего – ни одно не существует, то не будет и времени (вообще)» (Секст Эмпирик, 1976. Т.1. С.351).

Если мы подойдем к этому же вопросу, но с позиций феноменологического анализа времени, то выяснится, что «теперь-точки» вместе с ретенциями и протенциями конституируются в единый интенциональный акт переживания. Каждая из со-

ставляющих не существует друг без друга, их единство представляет собой некую целостность.

Сама сущность времени изображается не традиционно – от прошлого к будущему через настоящее или наоборот, а как некоторое сцепление. «Мгновения «сейчас прошлого», настоящего и будущего не следуют друг за другом в цепочке временных объектов, но выступают по отношению друг к другу в сложной корреляции с другими, отраженными от них мгновениями, происходит нечто подобное «взрыву», время взрывается и движется через нескончаемую игру отражений своих собственных мгновений, движется не необходимым, а случайным образом» (Подорога, 1988. С.71). Здесь, как и в обычном феноменологическом эпохэ, для того, чтобы понять механизм действия времени, надо отбросить все предыдущие условности, которые нам известны о времени объективном. Причем здесь опять проявляется ошибка Гуссерля, о которой мы уже упоминали, он считает психологию естественной наукой и поэтому убежден, что ей недоступна феноменологическая редукция. «...Реальное время, время природы в смысле естественных наук, а также психологии как естественной науки о психическом не являются феноменологическими данными» (Husserliana. Bd. 10. S.4).

Поскольку мы предлагаем именно феноменологический взгляд на психическое и считаем психологию гуманитарной наукой, то исследуемый нами механизм экологического компонента установки должен быть ориентирован на прямое феноменологическое уяснение сущности времени.

Время, таким образом, раскрывается через первичные ориентации сознания. Они являются источниками времени, это временные первичные ориентации сознания. И только на основе этих элементов возникает представление о будущем, настоящем или прошлом. «Временность сознания – лейтмотив феноменологии, и Гуссерль подчеркивал это и в своих ранних, и в более поздних работах» (Молчанов, 1988. С.46). Важно при этом иметь в виду то, что сознание имеет смыслообразующую функцию через его временность, Это не значит, что само время производит смысл. В тот момент, когда произво-

дится фиксация смысла, параллельно происходит и приостановление временного потока, поскольку сам смысл возникает в интенциональном переживании – приостановить можно только что-то уже движущееся.

Для нас существенным в данном случае является и то, что, подразумевая «наполненность» сознания конкретным содержанием – «сознание о...», мы должны предположить, что вместе с приостановлением темпоральности сознания приостанавливается и то содержание, которое сознание несет в себе.

Таким образом, выделение смысла, осознание переживания или содержания сознания возможно в случае «остановки» времени сознания. Само по себе это создает условия для дальнейшей оценки данного содержания, принятия решения о выборе возможности. Гуссерль для иллюстрации своих размышлений анализирует музыкальную мелодию (объект давний, удобный, но, представляется нам, слишком специфический). Конечно же, по отношению к мелодии лучше, подобно Гуссерлю, говорить о протекающих феноменах. Мелодия представляет собой некое цельное темпоральное образование и условно можно выделить лишь некоторые отрезки, на основе некоторых отдельных неповторяющихся моментов.

Исследователь Молчанов приводит диаграмму времени, представленную Гуссерлем. Для нас это будет иметь особое значение, ибо, вероятнее всего, сам по себе механизм выбора возможности окружающего мира, который, по нашему мнению, основан на интенциональности экологического компонента, основан именно на различении того, что Гуссерль называет ретенция-«теперь-точка»-протенция.

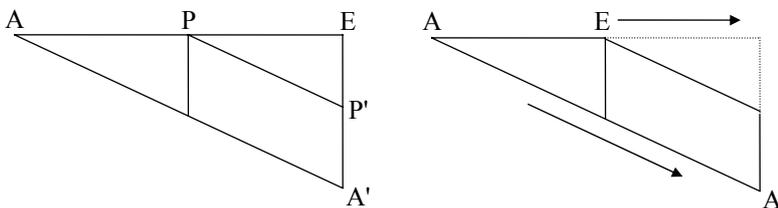

Рис. 5. Диаграмма времени Гуссерля

«Точка А обозначает первичную «точку-источник», начиная с которого имеет место протекание имманентного времени объекта. Эта точка характеризуется как «теперь». Линия АЕ обозначает ряд «теперь-точек», точек, в которых мы удерживаем тон как настоящий. Однако тон как протекающий феномен погружается в прошлое, и это погружение иллюстрируется линией АА'. Каждая «теперь-точка» существует не самостоятельно, а вместе со своим погружением: ЕА характеризует именно такой континуум фаз – «теперь-точку» с горизонтом прошлого. Гуссерль подчеркивает, что каждая фаза протекания, которая следует за первичной «точкой-источником», является сама по себе непрерывностью, и эта непрерывность, постоянно расширяясь, является непрерывностью прошедших фаз. Само протекание постоянно модифицируется, и точки продолжительности постоянно отступают в прошлое. На правом рисунке сплошная горизонтальная линия обозначает интервал модусов протекания длящегося объекта, имеющего конечную «теперь-точку», начиная с которой ряд «теперь-точек» (Е→) будет относиться к другим объектам. В «конце-точке» продолжительность теряет свою длительность и становится прошлой продолжительностью, которая все глубже погружается в прошлое» (Молчанов, 1988. С.63).

Приведенная выше схема характеризует лишь только взаимоотношение временных фаз, а для анализа самих отношений вводятся понятия «теперь-точка», «ретенция» и «протенция». «Понятие ретенции (Retention – удержание) занимает, пожалуй, центральное место в анализе Гуссерля. Для того чтобы прояснить смысл ретенции, Гуссерль прибегает не к дефинициям через род и видовое отличие, а к описанию посредством сравнения с «точкой-источником». Эта точка, которую Гуссерль называет первоначальным впечатлением, удерживается в сознании как «только-что-прошедшее». Иначе говоря, первоначальное впечатление переходит в ретенцию, причем ретенция является актуально существующей, в то время как «теперь-точка» объекта тона предстает как «только-что-прошедшая» (Husserliana. Bd. 10. S.16). Ретенция как бы растя-

гивает настоящее («теперь-точку») и удерживает запечатленное содержание: «Единство сознания, которое интенционально охватывает настоящее и прошлое, есть феноменологическое данное» (Husserliana. Bd. 10. S.16). Каждая «теперь-точка» постоянно изменяется от ретенции к ретенции, образуя континуум, где каждая последующая точка является ретенцией предыдущей. В то же время каждая ретенция несет в себе следы первоначального впечатления, или, как выражается Гуссерль, импрессионального сознания. Гуссерль указывает, что ретенция есть моментальное сознание фазы, которая уже завершена, и в то же время основание для ретенциального сознания следующей фазы» (Молчанов, 1988. С.64). Столь пространное изложение работы Молчанова предпринято нами умышленно, ибо важно сохранить не только смысл передаваемого, но и стиль: слишком необычно гуссерлево представление о времени. Эта постоянная необычность для нас, вероятно, основана на имманентной иллюзии каузальности временной организации психического.

Авторами часто не замечается то, на что обращали внимание и Brentano, и Гуссерль: время в психологии вообще отлично от субъективного переживания психологического акта. А для того, чтобы яснее понять это, необходимо опять же совершить феноменологическую редукцию – очистить наши впечатления именно от этого субъективного переживания длительности.

Вероятнее всего, предполагаемая нами способность экологического компонента социальной установки осуществлять конкретный выбор возможности основана на феномене гуссерлевой ретенции: ибо ретенция есть основа рефлексии: «обращение интенциональности к себе требует новой интенциональности – интенциональности рефлексии. Связь между этими интенциональностями возможна благодаря ретенции – ретенция удерживает ретенцию, причем ретенция является не чем-то внешним по отношению к интенциональности, но структурой интенциональности. Эта функция ретенции, пожалуй, самая фундаментальная» (Молчанов, 1988. С.66).

То есть существует механизм, который имеет свойство удерживать одновременно точку в разных временных планах. Это вполне может быть основой антиципации. Если у Гибсона будущее событие может быть предвосхищено на основе встроенности его в прошлое и настоящее, то здесь подобная встроенность обеспечивается удержанием и сравнением в момент ретенции. Важно отметить, что суть процесса может быть понятна только на основе интенционального переживания.

Следовательно, нам надо отстраниться на этом этапе от попыток обеспечить каузальное понимание времени. Обыденному сознанию мешает в этом случае иллюзия имманентной каузальности: мы склонны соотносить различные события, исходя из их временной последовательности. Прошрое, следующее за настоящим, всегда связывается с ним причинно-следственными отношениями. Однако это не больше, чем иллюзия, ибо каузально могут быть связаны конкретные события, но никак не время (даже понимаемое событийно).

Совершенно очевидно, что *на уровне действия интенционального переживания (в момент формирования смысла, уяснения сущности) действует интенциональный, но не каузальный механизм психики.*

Выделяя уровень экологического компонента социальной установки, мы очерчиваем именно круг действия интенционального механизма. Эта мысль основана на том представлении, что окружающий мир и индивид в нем устроены особым образом – экологически: они взаимозависимы, встроены друг в друга, мир располагает возможностями для удовлетворения потребностей индивида.

Данное экологическое устройство мира функционирует на уровне докогнитивного и доаффективного взаимоотношения, то есть реальные решения принимаются организмом чаще всего не на основе существующих знаний или эмоций, но на основе принципов экологического взаимодействия индивида с окружающим миром. Этот базовый принцип включает в себя, помимо принципа встроенности и взаимозависимости, еще и

механизм интенциональности на экологическом уровне взаимодействия психики с окружающим миром. В свое время Д.Ф. Ломов предлагал термин «живое время» в отличие от понятия «физическое время» (см.: Ломов, 1989. С.27).

Причем главное здесь не субъективность-объективность, а неразрывное единство в рамках живого организма прошлого, настоящего и будущего времени. В живом организме всегда присутствует в той или иной форме любое время – ретенция в этом случае удерживается до тех пор, пока есть индивидуальная психическая жизнь. Организм сам удерживает прошлое через наличие функционирующей в «теперь-точке» живой системы, которая и будущее (протенцию) выберет в соответствии с удержанной ретенцией.

Таков в принципе *экологический механизм антиципации*. Поскольку же индивид извлекает основы своего существования из возможностей окружающего мира, то, естественно, антиципация будет направлена прежде всего на возможности окружающего мира.

Но мы говорим об уровне человеческой организации организма, потому на экологическом уровне антиципации уже подключается психический механизм оценки и выбора возможности в виде интенциональности экологического компонента социальной установки.

Все моменты антиципации невозможны без так называемой протенции. Под этим термином Гуссерль понимает зеркальное отражение ретенции – удержание «теперь-точки» в будущем. Если ретенция выполняет роль первичного запоминания (удержание «теперь-точки»), то протенция выполняет роль первичного предвосхищения. Она движется как бы впереди «теперь-точки», обеспечивая готовность для нее с последующим переходом в ретенцию. «Протенция характеризует сознание как готовность к восприятию, как активность, которая подготавливает восприятие, «создает» его, а не просто копирует предмет. Таким образом, единство фаз «ретенция-теперь-протенция» является наиболее общей структурой внутреннего

времени и (...) интенциональных актов» (Молчанов, 1988. С.64).

Следует помнить при этом, что интенциональное переживание является и смыслообразующим моментом одновременно. Для нас это означает, что *в момент формирования смысла происходит удержание ретенции-«теперь-точки»-протенции, которая позволяет осуществить экологическую антиципацию. Поскольку и смыслообразующие и темпоральные характеристики интенционального переживания взаимосвязаны, то те возможности, которые индивид извлекает из окружающего мира в момент их выбора, должны быть оценены с точки зрения смысла и на основе механизма времени.*

Время и смысл в рамках живого организма в условиях окружающего мира с его возможностями (но не искусственных условий экспериментального изучения!) являются обосновывающими факторами интенциональности экологического компонента социальной установки.

В свое время Мерло-Понти опубликовал работу «Феноменология восприятия», в которой развивает механизм времени Гуссерля. Авторитет Мерло-Понти чрезвычайно велик не только во Франции: он является одним из ведущих философов и феноменологических психологов современности. Исследователь В.И. Молчанов, анализируя структуру внутреннего времени у Гуссерля, приводит чрезвычайно интересное замечание Мерло-Понти относительно ретенции-«теперь-точки»-протенции: «Можно представить этот феномен, как это делает Гуссерль, с помощью диаграммы. Для того, чтобы завершить ее, должны быть добавлены симметричные перспективы протенций. Время – это не линия, а сеть интенциональностей. (...) Горизонтальная линия: ряд «настоящих моментов». Наклонные линии: *Abschattungen* («профили», «перспективы». – *А.Д.*) тех же самых «настоящих моментов», которые видны из последующего «настоящего момента». Вертикальные линии: следующие один за другим *Abschattungen* одного и того же «настоящего момента» (цит. по: Молчанов, 1988. С.65).

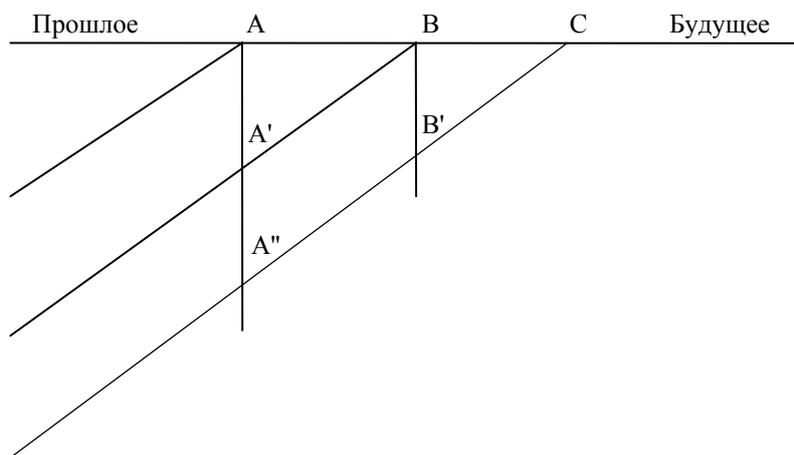

Рис. 6. Диаграмма времени Мерло-Понти

«В процессе восприятия длящегося объекта ретенция, согласно Гуссерлю, не может быть единичной. Она сразу же тянет за собой целый «ретенциальный шлейф». Отсюда следует, что ретенция удерживает не только отдельные точки длящегося объекта (отдельные тоны мелодии), но и образует единство ретенционального сознания. «Теперь-точку» с цепочкой ретенций можно изобразить так:

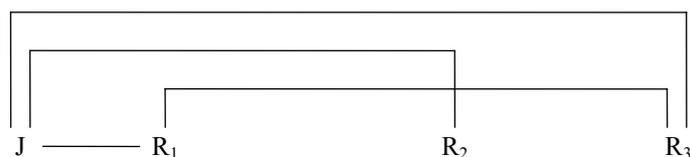

Рис. 7. Диаграмма единства ретенционального сознания

Таким образом, ретенция обладает двойной интенциональностью. «Поперечная» интенциональность, то есть собственно «первичное запоминание», служит для конституирования имманентного времени объекта; «продольная» интенциональность «конструирует единство этого запоминания в потоке»

(Husserliana. Bd. 10. S. 80). Поскольку ретенция удерживает и объект, и поток, в котором он длится, она создает возможность рефлексии, то есть возможность направить внимание на удержанную фазу и даже на целый ряд таких фаз» (Молчанов, 1988. С.65).

Именно в этой рефлексии сознания заложена возможность существования интенциональности экологического компонента социальной установки.

Если вспомнить, что в свое время Д.Н. Узнадзе говорил об некоем «особом восприятии» как механизме самого первичного анализа ситуации в момент формирования установки, то станет очевидной его похожесть на характеристики протенции, которая тоже имеет свойство «подготавливать место для первичного впечатления» и обладает свойством подготавливать восприятие, «создавать» его. Причем сама протенция обладает определенным свойством активности, которая позволяет ей осуществлять подобное первичное предвосхищение, ожидание.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что механизм Р-ТТ-П (ретенция-»теперь-точка»-протенция), являясь конституирующей базой для формирования смысла в момент интенционального переживания, времени и самого акта интенциональности, является вполне реальным средством первичной экологической оценки и выбора возможностей окружающего мира.

Нам представляется, что данный механизм интенциональности «находится» именно в социальной установке как уникальном психическом образовании, находящемся на «стыке» индивида (потребности) и окружающего мира (возможности).

Экологический подход к пониманию возможностей окружающего мира, его устройства и взаимодействия с индивидом позволяет говорить о существовании особого компонента социальной установки – экологического компонента. Именно в границах этого экологического компонента функционирует механизм интенциональности, позволяющий производить первичный (экологический) выбор возможностей окружающего мира.

В связи с изложенным выше подходом необходимо хотя бы кратко остановиться на так называемой феноменологической редукции или на эпохé, поскольку именно феноменологическая редукция лежит в основе всего философского подхода Э. Гуссерля.

Основы феноменологической редукции

Принято считать, что понятие «эпохé» возникло еще в период античной философии в русле так называемого скептицизма. Хотя в феноменологии многие положения эпохé и пересматриваются, однако нам представляется, что их базовая сущность неизменна. В двухтомном собрании сочинений свою книгу «Против ученых» Секст Эмпирик начинает работами, которые называются «Две книги против логиков». Через девятнадцать веков после него Э. Гуссерль начнет создание феноменологии с отрицания старой логики и психологизма. На этом незначительном факте можно было бы не останавливаться, если бы не поразительное, порою, сходство некоторых положений двух мыслителей. Особенно ярко это видно на примере «эпохé» и «воздержания от суждения». Часто приходится слышать, что скептиками утверждается «отсутствие полной достоверности в человеческом познании» (см.: Философский энциклопедический словарь, 1983. С.803). Вероятно, нет истины более далекой от подобного утверждения – об этом убедительно писал Лосев: «(...) Однако воздержание от суждений, какие бы суждения он фактически ни высказывал, заключаются в том, что всякое свое суждение он высказывает не от себя, так как существует он или нет, ему не известно и ему только «кажется», что он существует, и направляется это суждение хотя и к реальному человеку, но скептик при этом думает, что перед ним не реальный человек, но то, что «кажется» реальным человеком, и, наконец, само высказывание суждения тоже для него не есть суждение само по существу, а только то, что «кажется» высказыванием» (Лосев, 1976. С.46).

Учение скептиков о воздержании от суждения ничего общего не имеет с уходом от жизни, как и у Гуссерля, где поверхностный взгляд неискушенного ревнителя материализма может обнаружить ересь отрицания жизни в феноменологической редукции.

Призывая постигнуть уже известные сущности, но не существование, Гуссерль принял вызов Секста Эмпирика и дерзнул потребовать «чистых» основ для философии, усомнившись в обоснованности ее претензий на истину. Важен момент «поиска», который постоянно присутствует и у скептиков, и у Гуссерля – только так можно оправдать желание искать истину не там, где все – под фонарем естественных наук. «Скептики ничего не утверждают и не отрицают, но только еще ищут» (Лосев, 1976. С.48). Причем, конечно же, совсем неправ Секст Эмпирик, когда не хочет воздерживаться от суждения, что «понятливы все»: многие просто не могут совершить процедуру, которая представляется столь естественной для скептиков. «Точно так же никто не может предпочесть и в смысле понимания одного другому. Во-первых, понятливы все, а не то, чтобы одни – тупые, другие же – нет. Затем, часто те, кого считают понятливыми, являются защитниками не истины, но лжи». (...) «Воздержание от суждения» есть такое состояние ума, при котором мы ничего не отрицаем и ничего не утверждаем»; «невозмутимость» же есть безмятежность и спокойствие души» (Секст Эмпирик, 1976. Т.2. С.209).

В понимании Гуссерля эпохэ состоит в отрицании всех предыдущих суждений не только о времени или о пространстве, но и всех теоретических суждений вообще. «Что касается, в частности, откладывания нашего суждения или воздержания от него, то оно состоит в намерении не допускать того, чтобы лишь предварительное суждение стало определяющим» (Кант, 1980. С.381).

Важнейшим в понимании феноменологической редукции является факт того, что посредством эпохэ предмет через образ (сущность) имеет возможность восприниматься непосредственно сознанием в форме смысла. Процедура эта происходит в интенциональном переживании.

Здесь происходит отказ от позитивистского понимания психического – «эмпирическое «Я» как «вещеобразный предмет» редуцируется к феноменологическому содержанию переживаний в единстве потока переживаний, при этом рефлексия – не наблюдение за сознанием «со стороны», но «оживление» сознания, превращение смыслообразующего потока из возможности в действительность» (Молчанов, 1991. С.84). При этом само сознание становится очищенным от существования предметов и нацелено на их сущности через поиск смысла в интенциональном переживании. Главное состоит в очищении от старых догм и установок мышления. «Нужно сначала потерять мир в эпохé, чтобы потом восстановить его в универсальном самоосмыслении» (Husserliana. Bd. 1. S.183).

Противопоставленность естественной установки и феноменологической установки нацелена на уяснение сущности, поиск чистого сознания в каждом индивидуальном сознании, то есть поиск того состояния, когда подвергаются пересмотру уже существующие стереотипы сознания. Существование предметов при этом не подвергается сомнению.

Если мы теперь вспомним наши предыдущие рассуждения о том, что на экологическом уровне психическое функционирует на основе интенциональности (каузальность появляется позже), то можно предположить, что феноменологическая редукция во многом сходна с процессом деятельности экологического компонента установки. Многократно мы отмечаем ошибку Гуссерля в вопросе отнесения психологии к естественным наукам, исходя из которой он постулирует затем невозможность прямого уяснения сущности для естественных наук (и для психологии). Для уяснения сущности в естественных науках требуется феноменологическая редукция.

Мы же доказали, что *механизм интенциональности экологического компонента социальной установки сам имеет свойство осуществлять феноменологическую редукцию (уяснение чистой сущности) на экологическом уровне*. При этом процесс феноменологической редукции приобретает форму отказа от... аттитюда как следующего уровня социальной установки.

Исходя из нашего представления о строении социальной установки (три уровня: экологический, или собственно установочный; аттитудный, или когнитивный и аффективный; поведенческий как тенденция к действию), мы утверждаем, что на уровне экологического компонента происходят процессы, соотносимые с так называемой феноменологической редукцией.

Гибсон это называет прямым восприятием, в ходе которого уясняется сущность той или иной возможности. При этом важно воздержаться от суждения на основе аттитюда (второго уровня), который и основан на догмах, схемах, стереотипах и так далее. Это можно достигнуть только через привлечение понятия неосознаваемого. Категория бессознательного здесь менее удобна (хотя и очень заманчива!) по той причине, что надо слишком долго доказывать, что «бессознательное» Фрейда – это не столько прошлый опыт, сколько очищенное от влияния настоящее чистое сознание в форме ретенции. Не случайно рафинированность бессознательных импульсов может действовать на протяжении всей жизни человека почти без изменений. Неосознанное, таким образом, есть не что иное, как «чистое» сознание, и только потом к нему добавляется «остальное» сознание на основе когнитивного и аффективного компонентов.

То что феноменолог осуществляет посредством трудоемкого и большинству непонятного эпохэ, экологический компонент социальной установки «просчитывает» практически мгновенно. При этом надо всегда помнить, что саму интенциональность «схватить» невозможно даже теоретически, это лишь направление, она не может существовать ненаполненной – это «своего рода прожектор», как точно назвала ее П.П. Гайденко. В связи с этим задача экспериментального изучения указанных феноменов – вещь чрезвычайно сложная и почти недостижимая: она может быть продемонстрирована лишь опосредованно, косвенно, иллюстративно. Вероятнее всего, для этих целей наиболее подходит именно феноменологический эксперимент. «Феноменологический метод – это выявление и описание поля непосредственной смысловой напря-

женности сознания и предмета, поля, горизонты которого не содержат в себе скрытых, непроясненных в качестве значений сущностей» (Молчанов, 1981. С.319).

Итак, подводя итоги столь краткого рассмотрения понятий времени и эпох в феноменологии, мы должны будем теперь связать эти отмеченные особенности с вопросами структурирования социальной установки. Поскольку в нашем методе эмпирического исследования мы особое внимание уделяем изучению опыта субъективного описания феномена, то для нас очень важны слова Августина: «Итак, в тебе, душа моя, измеряю я времена (...), и когда измеряю их, то измеряю не самые предметы, которые проходят и прошли уже безвозвратно, а те впечатления, которые они произвели на тебя». Вероятно, именно в этом и состоит одна из особенностей субъективного описания опыта феномена, когда сам смысл возникает в момент удержания «теперь-точки» в ретенциональной области. Это соотносимо также с процессами интерсубъективности, когда в ходе экспериментального изучения выбора возможности окружающего мира, субъект оценивает возможности, которые ему предоставляет Другой, основываясь на впечатлениях субъекта об этом Другом.

Понимание времени в феноменологии тесно связано с интенциональностью и рефлексией. Интенциональность структурирует время и сознание индивида. Благодаря темпоральности возможна связь между рефлексией и сознанием, что очень наглядно будет продемонстрировано в ходе экспериментального изучения выбора возможности субъектом. Различный уровень связи этих компонентов обуславливает различные группы субъектов по данному признаку. Различные уровни взаимодействия времени, рефлексии и сознания обосновывает разнообразные уровни темпоральной структурированности феномена.

В ходе эмпирического изучения мы выделили также различные группы по длительности и последовательности акта переживания субъекта (см.: Девяткин, 1996). Само структурирование переживания является исключительно индивидуальным и тесно связано с временными характеристиками опыта

субъекта: одни субъекты при анализе своих переживаний говорят о годах, другие о неделях, месяцах, днях, часах. Причем все эти временные пласты переплетаются между собой, и очень часто причина следует впереди следствия, если анализировать протоколы с обычных позиций, если же подходить к проблеме структурирования переживания субъекта с феноменологической точки зрения, то многое возникает совсем в ином свете.

Поскольку метод изучения времени у Гуссерля предполагает особое наблюдение за различными длящимися объектами, последовательностями и фиксацию определенной структуры сознания, через которую может осуществляться осознание того или иного временного фактора, то нами уделяется этому особое внимание в ходе экспериментов на основе анализа общей структуры социальной установки.

Еще раз напомним при этом, что «теперь-точки» вместе с ретенциями и протенциями конституируются в единый интенциональный акт переживания – в целостность. *Сущность времени, таким образом, представляется, как некое сцепление последовательностей.* Оно раскрывается через первичные ориентации сознания – они являются источниками времени. Это временные первичные ориентации сознания, и именно на основе этих элементов возникает представление о будущем, настоящем и прошлом.

Само же сознание имеет смыслообразующую функцию через его временность, хотя это и не означает, что время производит смысл, ибо фиксация смысла означает одновременно и фиксацию временного потока, поскольку сам смысл возникает в интенциональном переживании.

Это чрезвычайно важно для нас, так как мы предполагаем на основе анализа общей и ситуационной структур представить принцип действия механизма интенциональности экологического компонента социальной установки.

Структурированность механизмом Р-ТТ-П (ретенция-«теперь-точка»-протенция) является основным способом организации времени. Это позволяет одной точке удерживаться на линии настоящего и одновременно находиться на линии про-

шлого на основе действия ретенции (удержания). Ретенция «растягивает» настоящее («теперь-точку») и удерживает запечатленное содержание. Каждая «теперь-точка» постепенно меняется от ретенции к ретенции и образует некоторый континуум, где каждая последующая точка является основанием ретенции предыдущей. Сама же ретенция имеет в себе следы первоначального впечатления – «импрессивного сознания», по Гуссерлю. Поскольку ретенция – это моментальное сознание только что завершившейся фазы, основание для ретенционального сознания последующей фазы, то именно этот механизм может лежать в основе выбора возможности социально-экологической ниши. Возможность здесь как бы удерживается определенное время, пока не станет ясно, какие последствия выбора данной возможности возникают перед субъектом. Первоначальное впечатление, т.е. то, что называется «теперь-источник», удерживается при этом в сознании как «только-что-прошедшее». Первоначальное впечатление переходит в ретенцию, которая является актуально-существующей, в то время как «теперь-точка» становится «только-что-прошедшей».

Таким образом, структура темпоральности, сформированная подобным способом, может носить в принципе только индивидуальный характер. Причем во всем этом процессе нам важна даже не ретенция, как первооснова темпоральности у Гуссерля, а именно «точка-источник», где и закладывается, собственно, то первоначальное впечатление, которое потом консолидируется в определенные структуры.

Создается мнение, что структура может быть сформирована, консолидирована только при наличии достаточного времени ее консолидации. Причем время выполняет здесь как бы двойственную роль: оно позволяет осуществиться собственному процессу консолидации и является активным структурообразующим моментом. Та сущностная информация, которую индивид извлекает из социально-экологической ниши, может быть понята им только на основе смыслообразующей функции сознания, которая сама теснейшим образом связана с темпоральностью сознания.

В данном случае мы предполагаем, что именно **момент оригинального переживания субъекта имеет особую отличительную конституирующую роль для формирования общей структуры социальной установки**. Субъективные переживания опыта субъекта – это базис для дальнейшей феноменологической редукции. Дальнейшее понимание ретенциональной области носит интенциональный характер и должно быть в некоторой степени свободным от «теперь-источника», как сущность от существования.

Существование социальной установки обосновано именно моментом переживания в «теперь-источнике», а сущность структуры социальной установки отражается уже в ретенциональной области, поскольку характер структуры обусловлен способом удержания (ретенции), который всегда возникает как уникальное образование, так же, как характер существования, основанный на переживании «точки-источника». В этом и состоит их взаимосвязь, взаимозависимость и взаимодополнительность. Уникальность структуры каждой социальной установки индивида основана на оригинальности процесса ретенции, а общность феномена социальной установки основана на общности горизонта переживания «точки-источника», интерсубъективности как имманентной социальности сознания, поскольку жизненный мир, переживаемый как общий для всех, есть лучшая основа социальности самого переживания.

Таким образом, время есть конкретный конституирующий механизм уникальности структуры социальной установки и общности функционирования социальной установки как психического феномена.

Вероятно, что **ретенция соотносима с уровнем аттитюда**, ибо Гуссерль говорит о том, что ретенция – это моментальное осознание фазы, которая уже завершена, то есть фазы, в момент которой возникает отношение к тому, что произошло. Соответственно этому возникает необходимость в структурировании сформированного отношения, структура которого должна быть адекватной или хотя бы примерно близкой к новообразовавшейся структуре.

Сама же структура, к которой должно сформироваться какое-либо отношение, обоснована тем выбором возможности, который осуществлен механизмом интенциональности экологического компонента социальной установки. Вероятно, именно на этом основана иллюзия каузальности психического. Поскольку же ретенция является функцией интенциональности (Гуссерль), то ее действия на уровне аттитюда в общей структуре социальной установки неотделимы от предыдущего уровня – экологического компонента социальной установки.

Социальная установка, таким образом, приобретает ту или иную степень структурированности в зависимости от взаимодействия ее различных компонентов. Целостность структуры социальной установки, ее консистентность возникает от момента экологического выбора возможности (ситуационная структура выбора), «точки-источника», где формируется переживание субъекта и процесса ее последующего «достраивания», до общей структуры на уровне когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов.

Финальным структурообразующим фактором «полной» социальной установки является компонент тенденции к действию, к реализации намерения, то есть поведенческий компонент. «Хорошо» структурированная социальная установка представляет собой некоторую целостность всех этих элементов, когда реализация поведенческого компонента не требует пересмотра выбора возможности и формирования иного переживания «точки-источника».

При этом очень важно помнить, что механизм ретенции является основой для антиципации, то есть для предвидения последствий реализации выбранной возможности. Момент выбора удерживается в ретенциональной области до тех пор, пока не станут ясны последствия реализации выбора возможности. И тогда происходит структурирование всей цепочки, на основе которого возможно формирование отношения, которое либо встраивается в общую структуру социальной установки и потом может реализовываться в поведении, либо не встраивается, и тогда вновь требуется поиск новой возможности для ее реализации.

В нашем эмпирическом исследовании сформированные социальные установки были классифицированы по уровню структурированности подобного типа (см.: Девяткин, 1996). «Полная», «хорошая» структурированность состоит в том, что выбор возможности реализуется и возникает отношение, которое находит выражение в поведении. Деструктурированность социальной установки выражается в том, что выбор возможности не обеспечивается требуемым отношением, либо отношение отчасти соответствует выбору, но не может реализоваться в поведении на основе выбора данной возможности. В этом случае полная реализация возможности может противоречить отдельным элементам консистентной системы социальных установок индивида.

Все эти способы анализа возможны лишь при феноменологическом подходе к социальной установке, когда *в ходе феноменологической редукции, то есть отстранении от существования конкретных переживаний субъекта, происходит анализ собственно структуры социальной установки.*

Вероятно, сам субъект не может анализировать сущность структуры социальной установки, отвлекаясь от ее существования, в то время как почти все методики изучения социальной установки основаны именно на анализе данных, полученных от субъекта. Но этот анализ в традиционных методиках как бы продолжает линию субъекта – исследователь стремится быть как можно ближе к позиции субъекта. Между их позициями существует значительная разница в понимании и использовании времени – если субъект всегда настоящее видит как фундированное прошлым, то исследователь способен отстраниться от подобной каузальности.

Время структурирует переживания, структурирует социальную установку, но не связывает однозначно прошлое, как причину и настоящее, как следствие. И хотя в принципе подобная связь не исключается, но для нас это не является предметом рассмотрения, ибо каузально могут быть связаны события, но никак не временные характеристики. Особенно наглядно это видно в нашем эксперименте (см.: Девяткин, 1996), когда субъект пытается «переставить местами» события, кото-

рые объективно происходили в разное время и могут быть совершенно не связаны друг с другом. Но субъект стремится связать их в рамках каузальной зависимости. Произвольно взятое событие выделяется из потока событий, и ему приписывается статус причины других происходящих процессов. Эти манипуляции возможны прежде всего потому, что с причиной соотносится понятие прошлого, а со следствием – настоящего или ближайшего прошлого. Важно помнить при этом, что для функционирования живого организма важнее время, которое Б. Ф. Ломов называл «живым временем», то есть временем, с которым связаны все процессы индивидуальной психической жизни.

Анализ подобного «живого времени» возможен только на основе эмпирического феноменологического психологического метода. *Время и смысл в рамках живого организма, находящегося в окружающем мире, являются основными факторами действия механизма экологического компонента социальной установки. Рефлексия сознания, понимаемая на основе сети интенциональностей Мерло-Понти, позволяет анализировать комплекс вариантов возможностей и направлять внимание на удерживаемую фазу.* В этом суть действия особого образования в психике человека – экологического компонента социальной установки.

Перспективы исследования феномена социальной установки

Определив в первой части *социальную установку как психосоматическую функцию, которая обладает свойством извлечения сущностной информации окружающего мира*, мы предположили, что социальная установка должна иметь механизм, обеспечивающий извлечение сущностной информации.

Данным механизмом нам видится механизм интенциональности экологического компонента социальной установки, который обладает возможностью извлекать сущностную инфор-

мацию и интегрировать вновь созданные социальные установки в общую систему социальных установок индивида.

В связи с предложенной нами трехуровневой схемой строения установки и ее новыми компонентами и функциями, мы рассмотрели целый ряд вопросов, относящихся к характеристике окружающего мира, понятий «возможности», «сущностная информация», «экологический компонент социальной установки», «информация», «социально-экологическая ниша», «выбор возможности», «жизнь-структуры-окружающего-мира», «схема», «интенциональность экологического компонента» и других. Особым образом проанализировали экологический подход в психологии Дж. Гибсона, на основе которого рассматриваем все проблемы социальной установки.

Экологический подход в психологии зрительного восприятия связан с именем американского ученого Дж. Гибсона, концепцию которого принято относить к разделу «когнитивная психология» (см.: Величковский, 1981; Найссер, 1981). Нам представляется, что исследования Дж. Гибсона лучше выделить в отдельное направление в психологии, которое можно было бы так и назвать: «экологическое направление». По нашему мнению, это можно обосновать тем, что Гибсон расходится с главным постулатом когнитивной психологии – «информация обрабатывается», а также потому, что философские и психологические основы Дж. Гибсона достаточно оригинальны и перспективны для решения традиционных проблем психологии. Вероятно, экологический подход Дж. Гибсона в ближайшем будущем окажется в центре парадигмы современной психологии.

Главной особенностью экологического подхода является попытка взглянуть на проблемы психологии зрительного восприятия с точки зрения окружающего человека экологического мира. При этом потребность в новой философии сосуществования человека (и животного) с окружающим его миром сочетается с отказом от локковской пассивности души.

Центральным вопросом ставится вопрос взаимодействия индивида с окружающим миром на основе непосредственного восприятия на базе идеи взаимозависимости мира и индивида.

Индивид невозможен без окружающего мира, а окружающий мир без индивида. В первом случае организм находит возможность только в окружающем мире, во втором – окружающий мир превращается в мир физический.

Окружающий мир состоит из элементов, которые встроены друг в друга, взаимозависимы, на них не распространяется закон сохранения вещества.

Окружающий мир и индивид взаимозависимы также на основе того, что индивид черпает возможности для удовлетворения своих потребностей из окружающего мира, а мир предоставляет ему эти возможности.

Возможности окружающего мира содержатся в информации, которая находится в окружающем мире. Информация окружающего мира служит для восприятия ее организмом; при этом сама информация не передается, не принимается, не перерабатывается, а извлекается активно индивидом. Понятие «информация» у Гибсона несет совершенно иную нагрузку, нежели понятие «информация» в традиционном представлении. Для разведения этих двух различных понятий **мы вводим понятие «сущностная информация»**. Информация несет в себе возможности окружающего мира, которые одновременно относятся и к индивиду, и к окружающему миру; они одновременно и реальны, и феноменальны, и объективны, и субъективны.

Само понятие «возможность» подразумевает взаимодополнительность мира и индивида: воспринимать окружающий мир – это значит воспринимать его возможности. Процесс восприятия возможностей Гибсон основывает на явном и неявном знании. При этом непосредственное восприятие возможности он называет неявным знанием, а опосредованное восприятие – явным знанием, которое опосредуется, например, знаком. Обосновывая тезис о существовании возможностей и в окружающем мире, и в индивиде, Гибсон подчеркивает, что нет «двух» миров (физического и психического), а есть лишь один мир – экологический.

Понимаемый подобным образом термин «возможность» положен в основу нашего подхода к проблемам социальной

установки, поскольку в теории Д.Н. Узнадзе понятие «возможность» не разработано в той мере, которая позволяла бы осуществить его применение в экологическом подходе к установке.

Принимая за основу узнадзевское представление о формировании установки как «встречи» потребности и ситуации, **мы доказываем принципиальную допустимость замены понятия «ситуация» на понятие «возможность»**. Тем самым перед нами встает задача выбора возможности окружающего мира для формирования социальной установки.

Особое место в теории Гибсона отводится понятию «экологическая ниша», которое понимается им как набор возможностей для существования определенного вида и определенного организма.

Воспринимая предмет, мы воспринимаем не его качества, а те возможности, которые он нам предоставляет. Нам представляется, что набор социальных установок индивида определен набором окружающих его возможностей. Особые возможности предоставляют индивиду другие люди – это социальные возможности; поэтому **мы вводим термин «социально-экологическая ниша» индивида**.

Гибсон особо подчеркивает, что воспринимается одновременно и окружающий мир, и сам человек (экстерорецепция, эгорецепция), поэтому возможности могут пониматься как свойства окружающего мира, соотнесенные с наблюдателем. Вследствии этого восприятие представляется ему психосоматическим актом живого наблюдателя, именно по этой причине в нашем определении социальной установки она обозначена как «психосоматическая функция». Понимаемая таким образом информация соотносится не с рецепторами, а с окружающим миром, поэтому она уничтожает разрыв между восприятием и знанием.

Восприятие связано у Гибсона с постижением и представляет собой поток, из которого невозможно выделить дискретное восприятие. Гибсон подчеркивает, что новое представление о восприятии подразумевает новую теорию познания. Поскольку восприятие непосредственно (его можно проверить

«тестом на реальность»), то для теоретического анализа процессов социальной установки (в частности, процессов выбора возможности окружающего мира) исследователю необходим метод феноменологического рассмотрения.

Особое место и в теории Гибсона, и в нашей концепции занимает понятие «возможность» окружающего мира. В настоящее время существует две традиции изучения понятия «возможность»: философская и психологическая. В психологии изучение понятия «возможность» почти отсутствует и соотносимо больше с понятиями «актуальное» и «потенциальное» (Артемьева). В философии понятие «возможность» соотносимо с понятием «действительность». Особенность экологического представления о понятии «возможность» состоит в том, что оно тесно связано с понятием «окружающий мир».

При этом сама структура окружающего мира (взаимозависимость, встроенность, предметность, наличие возможностей), вероятно, является эколого-гуманистическим императивом нашего времени, выстраданным развитием философии и психологии прошлого и настоящего.

Окружающий мир целостен, имеет некоторое сходство с точки зрения своей структуры с гештальтистским представлением о структурности и целостности. Целое при этом образовано взаимозависимыми и встроенными элементами, но оно уже нечто иное, чем сумма этих отдельных элементов.

Главное отличие целостности структуры окружающего мира состоит в том, что это живая структура окружающего мира: организм, живущий в окружающем мире, формирует некую структуру, которую мы назвали «жизнь-структуры-окружающего-мира».

Важнейшим элементом структуры является индивидуальная психическая жизнь: мир устроен так, чтобы в нем существовала психика, которая его воспринимает. В противном случае окружающий мир превращается в физический мир.

Следовательно, возможности, существующие в окружающем мире, и сам окружающий мир изначально структурированы так, что они могут быть потенциально восприняты организмом. Поскольку возможность воспринимается индивидом

непосредственно (на основе неявного знания и информации окружающего мира), то в акте извлечения информации, вероятно, познается сущность воспринимаемого.

Непосредственное восприятие информации окружающего мира мы обозначили термином «сущностная информация». ***Сущностная информация – это восприятие индивидом информации о сущности непосредственно в акте восприятия.*** Она извлекается в акте интенционального переживания, в момент которого, согласно Гуссерлю, возникает смысл.

Сущностная информация обеспечивает формирование смысла, который ложится в основу выбора той или иной возможности окружающего мира. Сущностная информация отражает первичную возможность, к которой нечего «прибавить», поэтому для ее достижения Гуссерль проводит феноменологическую редукцию. Сама первичность возможности основана на особом экологическом устройстве окружающего мира и особо структурированном взаимодействии с ним индивида. Созерцатель воспринимает саму по себе возможность, поскольку в окружающем мире нет ничего, кроме возможностей (Кузанский, Гуссерль, Гибсон).

Мы предполагаем, что экологический компонент социальной установки извлекает сущности окружающего мира на основе извлечения сущностной информации, которая предоставлена ему в виде возможностей.

Вероятно, данный процесс происходит на уровне неосознанных компонентов психической организации индивида. Сущностную информацию не могут воспринимать ни когнитивный, ни аффективный компоненты социальной установки. Их можно соотнести с чувством и рассудком (по Кузанскому), которые погружены в восприятие пространства и времени и поэтому не могут воспринимать сущности. Согласно Кузанскому, только интеллект может постигать сущности, но он не воспринимает ни время, ни пространство. Поскольку сущность реализуется через возможности окружающего мира, мы предполагаем, что функции интеллекта (по Кузанскому) могут быть выполнены экологическим компонентом социальной установки. Таким образом, можно условно описать весь процесс

познания сущности через социальную установку примерно так: окружающий мир «переходит» в возможность; возможность – в сущность; сущность воспринимает интеллект (по Кузанцу), акт интенционального переживания (по Гуссерлю), экологический компонент социальной установки (по Девяткину). Все это воспринимается непосредственно!

Вероятно, одной из характеристик структуры окружающего мира является то, что Кузанский называл «троичностью мира», подразумевая, что мир состоит из возможности, действительности и действия. Иногда понятие «действие» он заменяет понятием «связь». Именно в единстве возможности, действительности и действия вероятно совпадение противоположностей.

Поскольку сущность (сущностная информация) постигается в виде восприятия возможностей, то экологический компонент социальной установки (как часть социальной установки и психосоматическая функция организма) является частью **жизни-структуры-окружающего-мира**. Аквинский отмечал, что сущность познается через интеллект. Следовательно, на основе жизни-структуры-окружающего-мира возникает возможность постижения сущности через структуру окружающего мира (триединство возможности, действительности, действия) и социальную установку. Этим обоснована общая основа выбора возможностей окружающего мира и прогноз ее осуществления. Понятие «возможность» здесь берется нами не как философское, не как традиционно психологическое, а строго в экологическом смысле слова.

Механизм выбора возможности тесно взаимосвязан с потребностями индивида и представлен в дихотомии потребности – возможности. Важно при этом отметить, что нами изучается только ситуация свободного выбора возможности, то есть собственно установочная ситуация выбора в естественной обстановке. Это является одновременно основой и феноменологического эксперимента, и особого взгляда на социальную установку, поскольку все без исключения предыдущие концепции и теории аттитюда и установки изучали внеустановочную ситуацию поведения.

Особо следует отметить жизненную важность проблемы выбора возможностей для индивида, которую, вслед Киркегора и Гуссерлю, мы обозначаем как проблему «Entweder-Oder» («или-или»). Особенность выбора данного типа (помимо естественности и важности для жизни) заключается в том, что это сущностный выбор. Ибо если выбор не основан на достаточно точном восприятии сущности, то он в определенной мере случаен, а это приводит к признанию ненужности сложнейшего механизма психики.

Проблема выбора связана с проблемой антиципации и с проблемой исследования воли в рамках направления «свободного выбора». Вероятно, момент, обозначенный нами как экологический момент выбора, можно соотнести с понятием «малое восприятие» Лейбница. Философскую же проблему выбора ставит Сирен Киркегор, отмечая при этом фундаментальный факт: во внутренней жизни человека всегда господствует свободный выбор. Все философские концепции выбора: «Быть или не быть» (Шекспир), «Entweder-Oder» (Киркегор), «Возможность возможности» (Аббаньяно), «Бытие-в-мире» (Хайдеггер), «Вечное перекрещивание и сомнение» (Ортега-и-Гассет), «Entweder-Oder» (Гуссерль) – не рассматривают человека в его естественном существовании – экологическом окружении. Гибсон развернуто описывает экологическое существование, но даже не ставит проблему выбора возможностей. Все без исключения концепции и теории аттитюда и установки не рассматривают ни экологическое существование индивида, ни проблему выбора возможностей, поскольку в большинстве своем являются позитивистски ориентированными.

Мы предлагаем оригинальную модель рассмотрения проблем социальной установки на базе экологического подхода при помощи феноменологического метода. Необходимость последнего фундирована проблемами смысла, значения, сущности, к которым неизбежно приводит нас изучение проблем выбора и возможностей.

Важное значение приобретает введенное нами понятие «сущностная информация», которое предлагается, исходя из нескольких причин: а) конкретизация понятия информации в

рамках подхода Гибсона; б) уточнение понятия с введением в его структуру сущностного компонента; в) с целью дальнейшего использования в ходе феноменологического эксперимента; г) для рассмотрения вопроса о смысле при анализе возможностей окружающего мира.

В концепции Дж. Гибсона его понимание термина «информация» основано на том, что он предлагает новую теорию восприятия. В этом случае выбор возможности не может быть свободен от информации, на которой он основан (Найссер). Найссер отмечает, что ни один выбор не обусловлен целиком средой. От себя мы добавим, что здесь необходимо рассматривать выбор в единстве понятий «потребность – возможность», а значит, и «среда – организм», либо в иных терминах: «сущностная информация – потребность». Важно при этом помнить, что информация активно извлекается индивидом, и это является естественным продолжением идеи взаимоотношений окружающего мира и индивида. Хотя Найссер отмечает, что предвидение не является сугубо психологическим феноменом, и это, на наш взгляд, является продвижением идеи Гибсона, которая хорошо дополняет его теорию информации: 1) определить в новой теории информации, *что* должно восприниматься (в то время как традиционно все психологи искали ответ на вопрос, как должно восприниматься); 2) обосновать новую идею информации (информация одновременно об окружающем мире и о себе); 3) дать новое представление о воспринимающей системе, которая должна быть активной. При этом Гибсону видятся следующие качества информации: 1) информация не передается, не принимается, не перерабатывается; 2) информация неисчерпаема; 3) для этого вида информации нет порога восприятия; 4) информация не подчиняется закону сохранения; 5) информация воспринимается непосредственно; 6) внутренние процессы «обработки» информации не играют никакой роли.

Важно отметить, что философские позиции Гибсона ближе позициям Гуссерля, чем к позициям Найссера, у которого они противоположны гуссерлевским. Но одновременно гипотеза существования экологического компонента социальной уста-

новки дополняет концепцию У. Найссера (ибо в идее «обработки» информации, несомненно, что-то есть, ее нельзя отбрасывать, как это делает Гибсон). Однако она же и поддерживает критику Гибсоном Найссера, который не желает видеть окружающего мира, «интериоризировался» полностью в схемы индивида. Но Найссер исправляет главный недостаток теории Д.Н. Узнадзе: «Восприятие направляется предвосхищениями, но не управляется ими». Тем самым вновь находим ранее утраченную интенциональность установки. В целом мы считаем, что имеется возможность соотнесения понятий «схема» у Найссера и «установка» (с экологической точки зрения), хотя существует принципиальная разница между пониманием информации у Гибсона и у Найссера.

Подобное же можно обнаружить и в понимании времени, где Найссер воспринимает концепцию времени Канта, а Гибсон не принимает ее. Согласно Канту, пространство и время – необходимые формы всего существующего, через них познается сущность. Это противоречит Кузанскому, который описывает постижение сущности на уровне интеллекта, когда тот не воспринимает ни времени, ни пространства. К этой позиции гораздо ближе Гибсон, подчеркивающий важность понятия «событие» в экологической оптике, не соглашаясь при этом с Кантом.

Используя понятие «схема» (которое тоже идет от Канта), Найссер рассматривает ее во временном плане, но не использует для описания смысла (поскольку главный объект когнитивной психологии – восприятие, а на этом уровне нет смысла, ибо тогда восприятие становится непосредственным, а это значит, что оно не обрабатывается, что для Найссера недопустимо).

Наше представление о выборе возможности – это та обработка информации, о которой говорит Найссер, но о которой не хочет говорить Гибсон. Но сама эта информация неотделима у нас от окружающего мира; это сущностная информация, которая извлекается механизмом интенциональности экологического компонента. При этом она обрабатывается, но обрабатывается очень специфично – на основе действия экологиче-

ской логики: извлекается непосредственно, а затем встраивается в уже существующую структуру социальных установок. Все это происходит непосредственно в акте интенционального переживания, когда возникает смысл, позволяющий оценить данную возможность. Вероятно, этот процесс вполне можно назвать «переработкой». В этом пункте Гибсон и Гуссерль одновременно и расходятся, и соединяются: экологический компонент формирует смысл непосредственно в акте *живого* восприятия, а феноменолог извлекает «чистые» элементы сознания, смысл в акте феноменологической редукции.

Именно поэтому **для анализа экологического компонента нужен феноменологический метод**. Важно отметить при этом, что с точки зрения экологического подхода к проблемам установки Гуссерль имеет очень существенный недостаток: он принципиально требует остановить поток жизненных переживаний в феноменологической редукции. И хотя это не означает отрицание жизни и окружающего мира вообще, но приводит именно к теоретической установке, к отстраненному наблюдению философа за сущностями, «чистым» сознанием. Гибсон же в свою очередь также упрощает процесс переработки информации (вернее, вообще его отрицает), что, несомненно, является своеобразным видом экологической редукции. Если это достаточно убедительно с точки зрения его экологического императива, то с точки зрения психологии вообще это довольно сомнительно, ибо ставит под вопрос существование психологии как науки. Кажется, концепция экологического компонента социальной установки несколько снимает остроту вопроса. Однако, вероятнее всего, та или иная форма редукции все равно неизбежна, ибо «вне истины нет истины» (Кузанский); важны лишь ее направленность и уровень.

Характеризуя одно из основных наших понятий – «социально-экологическую нишу», необходимо отметить, что ее функционирование основано на непосредственном извлечении возможностей. Важно при этом помнить, что активность индивида является одним из неперенных условий непосредственного восприятия.

К гибсоновскому пониманию активности воспринимающей системы мы добавляем найссеровское представление о схеме как о механизме, активизирующем восприятие и его структуры. Гибсон говорит только о необходимости активизации системы восприятий (он настаивает на термине «система», а не «рецепторы»), но сам при этом не рассматривает способы ее активизации. Схема у Найссера не является изолированной, а находится в общей структуре перцептивного цикла, в котором и возникает смысл. В самом же перцептивном цикле очень важное место занимает движение.

Найссер утверждает, что перцептивный цикл воспринимает значение, форму и пространство. Восприятие же является формой взаимодействия с внешним миром; оно не просто информирует индивида, но и трансформирует его самого в той или иной степени. Прогностическая возможность схемы фундирована ее темпоральностью.

Формулируя наше представление о социально-экологической нише, мы предполагаем, что в ней возможности воспринимаются индивидом непосредственно, в то время как вне социально-экологической ниши восприятие уже опосредованно. Это обусловлено тем, что **сама ниша понимается нами как структурированный набор возможностей**. Таким образом, сформированная система социальных установок индивида в той или иной степени отражает структуру социально-экологической ниши индивида с ее оригинальным выбором возможностей. Можно сказать, что социально-экологическая ниша предоставляет только те возможности, которые будут впоследствии интериоризированы индивидом в виде социальных установок в структуру психической организации. Это основано в том числе и на особом представлении о возможностях как принадлежащих одновременно и индивиду, и окружающему миру.

Вероятно, ниша конституируется по законам структуры, а сам набор возможностей соотносим с набором потребностей индивида. Иными словами, можно сказать, что **социально-экологическая ниша – это структурированная сущностная информация, которая функционирует в форме жизни**

структуры-окружающего-мира. Социально-экологическая ниша имеет характеристики: 1) ниша имеет набор возможностей (в том числе и социальных); 2) возможности внутри ниши структурированы; 3) возможность имеет в рамках ниши непосредственный контакт с индивидом; 4) возможности принципиально доступны индивиду; 5) набор возможностей соотносим с потребностями индивида; 6) возможности могут быть восприняты непосредственно и таким образом интериоризированы в форме социальной установки; 7) границы действия социально-экологической ниши – пороги чувствительности модальностей.

Вероятно, социально-экологическая ниша имеет особый промежуточный характер, трансцендентальна, поскольку она обусловлена не только особым положением возможностей окружающего мира, но и трансцендентальностью акта интенционального переживания, в котором, собственно, и возникают смысл, значение, сущность.

Возникающий не в индивиде и не в мире смысл позволяет осуществлять первичный выбор возможностей окружающего мира. Изначальная же структурированность социально-экологической ниши обоснована ее содержательной стороной: в ней содержатся те возможности, которые могут быть затем восприняты данным индивидом, и не содержатся «лишние» возможности, которые в принципе могут быть извлечены, но при помощи явного знания, опосредованного восприятия.

Воспринимаемая таким образом возможность извлекается мгновенно, практически без какой-либо когнитивной обработки, поскольку как целостное и структурированное образование ниша может восприниматься только целостно, без анализа составляющих ее элементов. При целостном восприятии анализ не нужен и невозможен: «неделимое есть невыразимое» (Фома Аквинский, Иоанн Дунс Скот, Уильям Оккам, Никола Орем).

Важнейшая характеристика целостности социально-экологической ниши – ее жизненность, которая сформирована психикой индивида и возможностями окружающего мира. Ниша всегда уникальна и индивидуальна, поэтому может восприниматься только непосредственно, в то время как жизнь и ее це-

лостность возникают в акте (Аквинский). Переживание же «мнит» смысл в акте интенционального переживания. Целостность социально-экологической ниши обеспечивает извлечение сущностной информации и базируется на основе «троичности мира»: возможность, действительность, связь (или действие), что и формирует названную нами *«жизнь-структуры-окружающего-мира»*, соотносимую с понятием «актуально живого» у Аквинского. Именно здесь «акт» взаимодействует с нишей на основе возникновения смысла, являясь основой структурирования социально-экологической ниши.

Понятие «акт» Гуссерль видит отлично от Brentano, предлагая исключить из него понятие деятельности и считать его переживанием недеятельного характера. По Гуссерлю, в акте возникают отношения между сущностью предметов, а не между предметами; сами же отношения между сознанием и предметом видятся как процесс смыслополагания.

В акте извлечения информации возникает смысл, что обособливает различие возможностей. Гуссерлем в акте выделено феноменологическое переживание и интенциональное переживание. Обращение нами внимания на проблемы предметности не случайно, ибо у Гибсона отличительной чертой окружающего мира является его предметность.

Значения предметов в экологическом мире просто обнаруживаются, в то время как в физическом мире нет предметов, а есть объекты. Поэтому предметность в рамках экологического подхода воспринимается индивидом непосредственно. Мы выделяем в границах одного понятия «предметность» два особых уровня: 1) уровень возможностей, которые воспринимаются непосредственно; 2) уровень качеств предмета как воспринимаемых и основанных на явном знании. Вероятно, А.Н. Леонтьев, говоря о качестве предметности, приобретаемом на основе социального опыта, имеет в виду именно второй уровень предметности.

Предметность на основе возможностей социально-экологической ниши воспринимается непосредственно, а качества предметности приобретаются через опыт опосредованно и могут не содержаться в нише. Таким образом, главная функция

социально-экологической ниши – это обеспечение возможностей существования индивида в данном окружающем мире. Это именно то, что неизменно упускалось в традиционной психологии эксперимента, ибо встать на точку зрения другого человека (то есть занять его нишу) невозможно без того, чтобы не уничтожить его. Но даже и в данном случае это будет уже другая социально-экологическая ниша, ниша экспериментатора.

Суть целостности жизни индивида соотносима с целостностью *жизни-структуры-окружающего-мира*, где в акте индивидуального восприятия на основе ниши формируются предметность и смысл. Это можно соотнести с тем, что Рубинштейн называл внешними причинами, действующими через внутренние условия, а Леонтьев – внутренним (субъектом), действующим через внешнее и тем самым изменяющим себя. Суть структурированности окружающего мира есть его жизнь-структуры-окружающего-мира, которая обладает имманентной целостностью. Мир и индивид сущностно взаимосвязаны в жизни-структуры-окружающего-мира.

Важно отметить, что непосредственное восприятие подразумевает восприятие не только предмета, но и его горизонта как предварительного знания о предмете. Это восприятие может быть понято как «чистое» восприятие, как «средство феноменологии» (Гайденко). Именно поэтому для изучения экологического компонента социальной установки нами предложен феноменологический метод.

Наше представление о нише может быть соотнесено с горизонтностью сознания Гуссерля, где оно означает соединение отдельных горизонтов отдельных предметов: «Horisonthaftigkeit». Горизонтность отдельного предмета, таким образом, может быть понята как его сущностная информация, его возможность, находящаяся в структуре социально-экологической ниши.

Очень существенным является представление Гибсона о восприятии как о «психосоматическом акте живого наблюдателя». Именно этот акт «живого наблюдателя» намеренно утрачен Гуссерлем и, кажется, случайно Найссером. Вводимое

понятие социально-экологической ниши обеспечивает «живое наблюдение», в ходе которого извлекается сущностная информация и возникает социальная установка. Извлечение возможности есть структурированный процесс, связанный с жизнью-структуры-окружающего-мира.

Отношения индивида и его социально-экологической ниши в своей основе экологичны и феноменальны, а сущность индивидуальной психической жизни может быть понята через особую связь в границах жизни-структуры-окружающего-мира. Эта связь отражает особое экологическое структурирование окружающего мира и собственно акт интенционального переживания возможностей окружающего мира, его сущностной информации. Сформированный в акте интенционального переживания смысл возможности обосновывает выбор данной возможности для формирования социальной установки индивида.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М., 1980.
2. Автономова Н.С. Рассудок. Разум. Рациональность, М., 1988.
3. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990.
4. Айзенк Г.Ю. Интеллект: новый взгляд // Вопросы психологии. 1995. № 1.
5. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. М., 1980. Т.1-2.
6. Анастаси А. Психологическое тестирование. М., 1984. Т. 1-2.
7. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1998.
8. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе. М., 1978.
9. Анохин П.К. Избранные труды. М., 1979.
10. Анцыферова Л.И. Материалистическая диалектика и психологическая наука // Категории материалистической диалектики в психологии. М., 1988.
11. Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1976.
12. Артемьева Т.И. Категория возможности и действительности в психологии личности // Категории материалистической диалектики в психологии. М., 1988.
13. Арутюнов В.Х. О категориях возможности и действительности и их значении для современного естествознания. Киев, 1967.
14. Асмолов А.Г. Личность как предмет психологического исследования. М., 1984.
15. Асмолов А.Г. Проблема установки в необихевиоризме: прошлое и настоящее // Вероятностное прогнозирование в деятельности. М., 1977.
16. Асмолов А.Г., Ковальчук М.А. О соотношении понятия установка в общей и социальной психологии // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М., 1977.
17. Асмус В.Ф. Проблема интуиции в философии и математике. М., 1965.
18. Бакрадзе К.С. Избранные философские труды: В 4 т. Тбилиси, 1975.
19. Басов М.Я. Избранные психологические произведения. М., 1975.
20. Бассин Ф.В. Проблема «бессознательного». М., 1968.

21. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
22. Бегиашвили А.Ф. Проблема начального познания у Б. Рассела и Э. Гуссерля. Тбилиси, 1969.
23. Бергсон А. Собрание сочинений. СПб, 1913-1914. Т. 1-5.
24. Бернштейн Н.А. О построении движений. М., 1947.
25. Бессознательное. Природа, функции, методы исследования. Тбилиси, 1978. Т. 1-4.
26. Бехтерев В.М. Объективная психология. СПб., 1907-1910. Т. 1-3.
27. Бжалава И.Т. Психология установки и кибернетика. М., 1966.
28. Бине А. Измерение умственных способностей. СПб., 1998.
29. Бобнева М.М. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978.
30. Бодалев А.А. Восприятие человека человеком. М., 1965.
31. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.
32. Brentano Ф. О внутреннем сознании // Новые идеи в философии. СПб., 1914. № 15.
33. Brentano Ф. Очерк о познании // Антология мировой философии. М., 1971. Т. 3.
34. Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.
35. Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М., 1979.
36. Брушлинский А.В., Поликарпов В.А. Мышление и общение. Минск, 1990.
37. Бутенко И.А. Социальное познание и мир повседневности. М., 1987.
38. Быховский Б.Э. Кьеркегор. М., 1974.
39. Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1971.
40. Бэн А. Психология: В 2 т. М., 1907.
41. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. М., 1986.
42. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. М., 1991.
43. Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни 19-го столетия. М., 1910.
44. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.
45. Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. 1984. № 8.
46. Воронов А.И. Интуитивная логика Бергсона. М., 1962.
47. Восприятие: механизмы и модели. М., 1974.
48. Вудворс Р.С. Экспериментальная психология. М.; Л., 1951.

49. Вундт В. Лекции о душе человека и животных. СПб., 1894.
50. Вундт В. Основания физиологической психологии. СПб., 1880-1381. Т. 1-2.
51. Вундт В. Очерки психологии. М., 1902.
52. Вундт В. Система философии. СПб., 1902.
53. Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1989.
54. Выготский Л.С. Собр. соч. М., 1982 – 1984. Т. 1-6.
55. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988.
56. Гайденок П.П. Проблемы интенциональности у Гуссерля и экзистенциалистская категория трансценденции // Современный экзистенциализм. М., 1966.
57. Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. М., 1991.
58. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М., 1976.
59. Гартман Н. К понятию бессознательного // Новые идеи в философии. СПб., 1914. № 14.
60. Гартман Н. Современная психология. М., 1902.
61. Гарцев М.А. Проблема самосознания в западноевропейской философии. М., 1987.
62. Гастев А. Трудовые установки. М., 1973.
63. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук // Соч. М.; Л., 1956. Т. 3.
64. Герbart И.Ф. Психология. СПб., 1875.
65. Герье В. Бл. Августин. М., 1910.
66. Гоббс Т. Избранные произведения. М., 1964. Т. 1-2.
67. Голд Дж. Психология географии. М., 1990.
68. Головаха Е.И., Кроник А.А. Понятие психологического времени // Категории материалистической диалектики в психологии. М., 1988.
69. Григолава В. В. Контрастная иллюзия, установка и бессознательное. Тбилиси, 1987.
70. Грининг Т. История и задачи гуманистической психологии // Вопросы психологии. 1988. № 4.
71. Грот Н.Н. Психология чувствований. СПб., 1879-1880.
72. Гуревич А.Я. Время как проблема истории культуры // Вопросы философии. 1969. № 3.
73. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
74. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3.
75. Гуссерль Э. Логические исследования СПб., 1909. Ч. 1.

76. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2. Ч. 1. Исследования по феноменологии и теории познания. Исследование V. Об интенциональных переживаниях и их «содержаниях» // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. Рига, 1988.
77. Гуссерль Э. Философия, как строгая наука // Логос. М., 1911. № 1.
78. Давыдов Ю.Н. «Картины мира» и типы рациональности // Вопросы философии. 1989. № 8.
79. Дарвин Ч.Р. Сочинения. М.; Л., 1935-1936.
80. Девяткин А.А. Психология социальной установки. Экологическая концепция социальной установки. Калининград, 1996.
81. Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950.
82. Джеймс У. Психология. СПб., 1907.
83. Дильтей В. Описательная психология. М., 1924.
84. Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Новые идеи в философии. СПб., 1912. № 4.
85. Долгов К.М. От Киркегора до Камю. М., 1990.
86. Долгов К.М. Философия, культура и эстетика Хосе Ортеги-и-Гассета // О современной буржуазной эстетике. М., 1972.
87. Жане П. Подсознательное // Новые идеи в философии. СПб., 1914. № 15.
88. Ждан А.Н. История психологии. М., 1990.
89. Зиммель Г. Конфликт современной культуры. Пг., 1923.
90. Зиммель Г. Проблема философии истории. М., 1898.
91. Зыкова А.Б. Учение о человеке в философии Хосе Ортеги-и-Гассета. М., 1978.
92. Иванников В.А. Поведение человека в ситуации выбора // Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. М., 1977.
93. Имедадзе И.В. Потребность и установка // Психологический журнал. 1984. № 3.
94. Имедадзе И.В. Ситуативное развитие ситуации и установка // Вопросы психологии. 1989. № 2.
95. Имедадзе И.В. Структура деятельности и теория установки // Психологический журнал. 1989. № 5.
96. Ионин Л.Г. Понимающая социология. М., 1979.
97. История психологии. Екатеринбург, 1999.
98. История современной зарубежной философии: компаративистский подход. СПб., 1997.
99. Какабадзе З.М. Проблема экзистенциального кризиса. Тбилиси, 1965.
100. Кант И. Сочинения. Т. 1-6. М., 1966.

101. Категории материалистической диалектики в психологии. М., 1988.
102. Келер В. Исследование интеллекта человекообразных обезьян. М., 1998.
103. Киркегор С. Страх и трепет. М., 1993.
104. Кликс Ф. Понятие информации и теории информации в психологии // Психологический журнал. 1981. № 4.
105. Ковалев Вл.И. Категория времени в психологии (личный аспект) // Категория материалистической диалектики. М., 1988.
106. Козельский Ю.А. Психологическая теория решений. М., 1979.
107. Коломинский Я.Л. Психология взаимоотношений в малых группах. Минск, 1978.
108. Коффка К. Основы психического развития. М., 1998.
109. Кравков С.В. Очерк психологии. М., 1925.
110. Кузанский Н. Сочинения. М., 1979. Т. 1-2.
111. Кузнецов Н.С. Человек: потребности и ценности. Свердловск, 1992.
112. Кунцман А.И. Психология мышления Ф. Brentano, Г. Уфуса, Э. Гуссерля, К. Штумпфа // Новые идеи в философии. СПб., 1914. № 16.
113. Кучинский Г.М. Психология внутреннего диалога. Минск, 1988.
114. Кэмпбелл Д. Модели эксперимента в социальной психологии и прикладных исследованиях. М., 1980.
115. Ланге Н.Н. Психология. М., 1914.
116. Ларичев О.И. Наука и искусство принятия решения, М., 1985.
117. Лейбин В.М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. М., 1990.
118. Лейбниц Г. Сочинения. М., 1983. Т. 1-3.
119. Ленин В.И. Философские тетради. М., 1990.
120. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
121. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1965.
122. Леонтьев Д.А., Пилипко Н.В. Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования // Вопросы психологии. 1995. № 1.
123. Липпс Т. Пути психологии // Новые идеи в философии. СПб., 1913. № 14.
124. Локк Дж. Сочинения. М., 1985. Т. 1-3.

125. Ломов Б.Ф. Математика и психология в изучении процессов, принятия решений. М., 1981.
126. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
127. Ломов Б.Ф. Системный подход в психологии и проблема детерминизма в психологии // Психологический журнал. 1989. № 1.
128. Ломов Б.Ф., Сурков Е. К. Антиципация в структуре деятельности. М., 1986.
129. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982.
130. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978.
131. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.
132. Лотце Р.Г. Основания психологии. СПб., 1884.
133. Любимов Н. А. Философия Декарта. СПб., 1886.
134. Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1997.
135. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1990.
136. Маховка Н. М. Проблема выбора в диалектике возможности и действительности. Ростов-н/Д., 1978.
137. Методологические проблемы социальной психологии. М., 1977.
138. Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структуры поведения. М., 1967.
139. Митькин А.А. Законы гештальта и фазность восприятия // Психологический журнал. 1983. № 6.
140. Михайлов А.А. Современная философская герменевтика. Минск, 1986.
141. Молчанов В.И. Время и сознание. Критика феноменологической философии. М., 1988.
142. Молчанов В.И. Гуссерль и Хайдеггер: феномен, онтология, время // Проблема сознания в современной западной философии. М., 1989.
143. Молчанов В.И. Четыре концепции времени в философии и физике. М., 1977.
144. Мотрошилова Н.В. Анализ «предметностей» сознания в феноменологии Э. Гуссерля // Проблема сознания в современной западной философии. М., 1989.
145. Мотрошилова Н.В. Принципы и противоречия феноменологической философии. М., 1968.
146. Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей. М., 1991.
147. Мясищев В.Н. Личность и неврозы. Л., 1960.

148. Мясичев В.Н. Проблема отношений человека и ее место в психологии. Л., 1968.
149. Надирашвили Ш.А. Понятие установки в общей и социальной психологии. Тбилиси, 1974.
150. Надирашвили Ш.А. Установка и деятельность. Тбилиси, 1987.
151. Найссер У. Познание и реальность. М., 1981.
152. Нарский И.С. Западноевропейская философия XVIII века. М., 1977.
153. Натадзе Р.Г. Воображение как фактор поведения. Тбилиси, 1972.
154. Натадзе Р.Г. Установочное действие воображения в школьном возрасте // Вопросы психологии. 1978. № 5.
155. Норакидзе В.Г. Свойства личности и фиксированная установка // Вопросы психологии. 1983. № 5.
156. Нюттен Ж. Мотивация // Экспериментальная психология. М., 1975. Вып. 5.
157. Ойзерман Т.И. Главные философские направления. М., 1971.
158. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М., 1991.
159. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991.
160. Павлов И.П. Полн. собр. соч. М.; Л., 1951. Т. 1-5.
161. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии: В 2 т. Ростов н/Д, 1996.
162. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М., 1998.
163. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1994.
164. Платон. Сочинения. М., 1971. Т. 1-3.
165. Платонов К.К. Система психологии и теория отражения. М., 1982.
166. Позитивизм и наука. М., 1975.
167. Пономарев Я.А. Закон в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии. М., 1983.
168. Пономарев Я.А. Методологическое введение в психологию. М., 1983.
169. Прибрам К. Языки мозга. М., 1975.
170. Проблема возможности и действительности. М.; Л., 1964.
171. Проблема сознания в современной западной философии. М., 1989.
172. Проблема ценности в философии. М.; Л., 1966.
173. Проблема человека в западной философии. М., 1988.

174. Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976.
175. Психология развития. СПб., 2000.
176. Рибо Т.А. Современная германская психология. СПб., 1895.
177. Риккерт Г. Введение в трансцендентальную философию. Киев, 1904.
178. Розин В.М. Научные интерпретации предмета психологии // Психологический журнал. 1991. № 2.
179. Рощин С.К. Западная психология как инструмент идеологии и политики. М., 1980.
180. Рубенис А.А. Телеологизм гуссерлевской концепции сознания // Проблема сознания в современной западной философии. М., 1989.
181. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957.
182. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1989. Т. 1-2.
183. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979.
184. Сект Эмпирик. Сочинения. М., 1976. Т. 1-2.
185. Секун В.И. Психология активности. Минск, 1996.
186. Серль Д.Р. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык. М., 1987.
187. Симонов П.В. Детерминизм и свобода выбора // Методологические проблемы физиологии высшей нервной деятельности. М., 1982.
188. Симонов П.В. Междисциплинарная концепция человека: потребностно-информационный подход // Вопросы психологии. 1988. № 6.
189. Симонов П.В. Мотивированный мозг. М., 1987.
190. Современная буржуазная философия. М., 1978.
191. Современная западная социология: Словарь. М., 1990.
192. Современная западная философия: Словарь. М., 1991.
193. Современная психология. М., 1999.
194. Современная социальная психология на Западе. Теоретические направления. М., 1978.
195. Современный словарь по психологии. Минск, 1998.
196. Соколов В. В. Средневековая философия. М., 1979.
197. Социальная психология / Под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Соколова. Л., 1979.
198. Социальная психология / Под ред. Ю.М. Шерковина, П.М. Предвечного. М., 1976.
199. Социальная психология личности. М., 1979.

200. Степпун Ф. Трагедия мистического сознания. Опыт феноменологической характеристики // Логос. М., 1911.
201. Творения Блаженного Августина. Киев, 1882 – 1887. Книги 1-22.
202. Тенденции развития психологической науки. М., 1989.
203. Теплов Б.М. Психология. М., 1954.
204. Титченер Э.Б. Учебник психологии. М., 1914.
205. Уинстон П.Х. Психология машинного зрения. М., 1978.
206. Уитроу Дж. Естественная философия времени. М., 1964.
207. Уотсон Дж. Психология как наука о поведении. М., 1926.
208. Федоров Б.И. Логика Бернарда Больцано. Л., 1980.
209. Фейгенберг И.М., Иванников В.А. Вероятностное прогнозирование и преднастройка к движениям. М., 1978.
210. Фельдштейн Д.И. Теория установки: история и актуальные проблемы исследования // Вопросы психологии. 1988. № 5.
211. Филатов В.П. Естествознание и «жизненный мир»: проблемы феноменологической интерпретации точных наук // Вопросы психологии. 1979. № 4.
212. Философия и ценностные формы знания. М., 1978.
213. Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Философия, логика, язык. М., 1987.
214. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
215. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность М., 1986. Т. 1-2.
216. Хьелл Л., Зиглер Д. Теория личности. СПб., 1997.
217. Чаньшев А.Н. Философия Анри Бергсона. М., 1960.
218. Чарквиани Ш.И. Установка и сознание. Тбилиси, 1975.
219. Челпанов Г.И. Психология. М., 1909.
220. Чунаев А.А. Категория цели в современной науке и ее методологическое значение. Л., 1974.
221. Чхартишвили Ш.Н. Проблема бессознательного в современной психологии. Тбилиси, 1966.
222. Шарден П.Т. Феномен человека. М., 1987.
223. Шеварев П.А. Об основных положениях предложенной Д.Н. Узнадзе теории установки // Вопросы психологии. 1962. № 5.
224. Шерозия А.Е. Психоанализ и теория неосознаваемой психологической установки: итоги и перспективы // Бессознательное. Тбилиси, 1978.
225. Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.
226. Шихирев П.Н. Социальная установка как предмет социально-психологического исследования // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976.

227. Шихирев П.Н. Исследования социальной установки в США // Вопросы философии. 1973. № 2.
228. Шихирев П.Н. Современная социальная психология в Западной Европе. М., 1985.
229. Шихирев П.Н. Современная социальная психология США. М., 1979.
230. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М., 1999.
231. Шпет Г.Г. Явление и смысл. М., 1914.
232. Штекль А. История средневековой философии. М., 1912.
233. Штумпф К. Явление и психологические функции // Новые идеи в философии. СПб., 1913. № 14.
234. Шульц Д.П., Шульц С.Э. История современной психологии. СПб., 1998.
235. Экспериментальная психология. М., 1966.
236. Ядов В. А. Диспозиционная концепция личности. Социальная психология. Л., 1979.
237. Яковенко Б. Ф. Философия Эдмунда Гуссерля // Новые идеи в философии. СПб., 1913. № 3.
238. Якунин В.А. История психологии. СПб., 1998.
239. Яновская С.А. Методологические проблемы науки. М., 1972.
240. Ярошевский М.Г. В.И. Вернадский: личностное начало ноосферы // Психологический журнал. 1988. № 5.
241. Ярошевский М.Г. История психологии. М., 1985.
242. Ярошевский М.Г. Психология XX столетия. М., 1971.
243. Ярошевский М.Г., Анцыферова Л.И. Развитие и современное состояние зарубежной психологии. М., 1974.
244. Abbagnano N. Storia della filosofia. Torino, 1974. V. 1-3.
245. Abelson R. P. Script processing in attitude formation and decision making / J. D. Carrol and S. W. Payne (eds). Cognition and social Behavior. Hillsdale, New Jersey, 1976.
246. Abelson R. P and A. Levi. Decision making and decision theory / G. Lindzey and E. Aronson. Handbook of Social Psychology. N.Y., 1985. V. 1.
247. Abelson R. P. and Rosenberg M. J. Symbolic psychologic: a model of attitudinal cognition // Behavioral Science. 1958, V.3. P.1-13.
248. Abelson R. P., Aronson E., McGuire W., Newcomb T., Rosenberg M. and Tannenbaum P. (eds.) Theories of cognitive consistency: a sourcebook. Chicago, 1968.

249. Adorno T.W., Else Frenkel-Brunswik, Levinson D.T. and Sanford R.N. The authoritarian personality. N. Y., 1950.
250. Allen J Husserl's philosophical anthropology // *Philosophy Today*. 1977. V.21. P.347-355.
251. Allport F.H. *Social Psychology*. Boston, 1978.
252. Allport G.W. Attitudes / C. Murchison (ed.) *Handbook of Social Psychology* Worcester, Mass: Clark University Press, 1935. P.798-884.
253. Anderson N.H. *Foundation and Information Integration Theory*. N.Y., 1981.
254. Aronson E. Dissonance theory: progress and problems // R.P. Abelson et al (eds.) *Theories of cognitive consistency a sourcebook*. Chicago, 1967.
255. Arrow K.J. *Social choice and individual values*. N.Y., 1993.
256. Baack S., Brown T., Brown J. Attitudes Toward Computers: Views of Older Adults Compared with Those of Younger Adults // *Journal of Research in Computing*. 1991. N 23. P.422-433.
257. Ballard F.G. On the method of phenomenological reduction. its presuppositions, and its future // L.E. Enbree (ed.), *Life-World and consciousness Essays for Aron Gurwitsch*, Evanston, 1972.
258. Barker R. *Ecological Psychology*. Stanford, 1988.
259. Bednarski J. Two aspects of Husserl's Reduction // *Philosophy Today*. 1960. N 4. P.203-223.
260. Bergmann G. *Realism. A critique of Brentano and Meinong*. Madison, 1987.
261. Bogardus E.S. Measuring social distance // *Jorn. appl. social*. 1925. N 9. P.229-308.
262. Bors D.A. Experiencing Oneself or Another Person as Old // *Journal of Phenomenological Psychology*. 1983. N 14. P.91-104.
263. Brand G. The structure of the Life-world according to Husserl // *Man and world*. 1973. N 6. P.143-162.
264. Brentano F. *Psychologic vom empirischen Standpunkt*. Hamb., 1955.
265. Bullington J. and Karlsson G. Introduction to Phenomenological Psychological Research // *Scandinavian Journal of Psychology*. 1984. N 25. P.51-63.
266. Campbell D. T., Hunt W.A. and Lewis N.A. The effect of assimilation and contrast in judgment of clinical materials // *Amer. J. Psychol*. 1957. N 70. P.297-312.
267. Carlson E.R. Attitude change through modification of attitude structure // *J. abnorm. soc. psychol*. 1956. N 52. P.256-261.

268. Carr D. Husserl's Problematic Concept of the Life-world // Husserl: Exposition and Appraisals. Notre Dame, 1977.
269. Cherrington B.M. and Miller L.W. Changes in attitude as a result of lecture and reading similar material // *J. soc. Psychol.* 1933. N 4. P.479-487.
270. Chisholm R.M. Brentano on Descriptive Psychology and the Intentional / N. Lee and M. Mandelkaum (eds.) // *Phenomenology and Existentialism*. Baltimore, 1987.
271. Cloonan F. Experimental and Behavioral Aspects of Decision Making / A. Giorgi, W. F. Fisher and R. Von Eckartsbeng (eds.) // *Duquesne Studies in Phenomenological Psychology*. Pittsburgh, 1971. N 1.
272. Cohen A.R. Communication discrepancy and attitude change: a dissonance theory approach // *J. Pers.* 1959. N 27. P.386.
273. Colaizzi P. *Collection and Research in Psychology: Phenomenological Study of Learning*. Dubuque, 1973.
274. Collins B.E. The concept and measurement of attitudes // Collins B.E. *Social Psychology*. 1970. P.67-103.
275. Dawes R.M. *Attitude Scaling and Measurement*. N.Y. 1972.
276. De Boer T. *The development of Husserl's thought*. The Hague, 1978.
277. De Fleur M.L. and Westie F.R. Attitudes as a scientific con // *Social Forces*. 1963. N 42. P.17-31.
278. *Die Philosophie F. Brentanos. Eine Einführung in seine Lehre*. Münch., 1951.
279. Dillehay R.C., Insko C.A. and Smith M.B. Logical consistency and attitude change // *J. Pers. soc. Psychol.* 1966. N 3. P.646-654.
280. Doob L. The behavior of attitudes // *Psychol. Review*. 1947. P.54.
281. Edwards A.L. *Techniques of attitude scale construction*. N.Y., 1957.
282. *Existential-phenomenological perspectives in psychology: Exploring the breadth of human experience* / Ed.: R. S. Valle. N.Y., 1989.
283. Fabek S., Nilakantan N., Rothmeir R. and Zapf C. Experimental aspects and styles of group decision-making in a mental health clinic // *Journal of Phenomenological Psychology*. 1978. N 8. P.136-163.
284. Farber M. *The Foundation of phenomenology*. Gamb., 1943.
285. Fell J.P. Sartre's theory of motivation: Some clarifications // *The Journal of the British Society for Phenomenology*. 1970. N 1. P.27-34.
286. Festinger L. *A theory of cognitive dissonance*. Stanford, 1957.

287. Fink E. What does the phenomenology of Edmund Husserl want to accomplish // *Research in phenomenology*. 1972. N 2. P.5-27.
288. Fishbein M. (ed.) *Readings in attitude theory and measurement*. N.Y.: Wiley, 1967.
289. Gibson J.J. *Ecological optics* // *Vision Research*. 1961. N 1. P. 253-262.
290. Gibson J.J. The concept of the stimulus in psychology // *American Psychologist*. 1960. N 15. P.694-703.
291. Gibson J.J. *The Ecological approach to visual perception*. N.Y., 1979.
292. Gibson J.J. *The Perception of the Visual World*. Boston, 1950.
293. Giorgi A. The Phenomenological psychology of learning and the verbal learning tradition // A. Giorgi (ed.) *Phenomenology and Psychological Research*. Pittsburgh, 1985.
294. Goffman E. *The presentation of self in everyday life*. N.Y., 1978.
295. Golomb J. Psychology from the phenomenological standpoint of Husserl // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1976. N 36. P.451-471.
296. Greenwald A.G., Brock T.C. and Ostrom T.M. (eds.). *Psychological Foundations of Attitudes*. N.Y., 1968.
297. Gurwitsch A. Edmund Husserl's Conception of Phenomenological Psychology // *The Review of Metaphysics*. 1966. N 19. P.689-727.
298. Guttman L. A basis for scaling qualitative data // *Amer. Sociol. Review*. 1944. N 9. P.139-150.
299. Hatary F. On the measurement of structural balance // *Behav. Sci*. 1959. N 4. P.316-323.
300. Hollander E.P. *Leaders, groups and influence*. N.Y.: Oxford: Univ. Press, 1964.
301. Holmes R. An explication of Husserl's theory of the noema // *Research in Phenomenology*. 1975. N 5.
302. Hovland C.I. (ed.) *The order of presentation in persuasion*. New Haven, 1957.
303. Hovland C.I. and Posenberg N.J. (eds.). *Attitude: Organization and change*. New Haven, 1980.
304. Hovland C.I. and Rosenberg M.J. (eds.) *Attitude organization and change*. New Haven, 1960.
305. Hovland C.I. and Sherif M. Judgmental phenomena and scales of attitude measurement: item displacement in Thurstone scales // *J. abnorm. soc. psychol.* 1952. N 47. P.822-832.

306. Hull C.L. A behavior system. N.Y., 1952.
307. Husserl E. Cartesian Meditation. The Hague, 1977.
308. Husserl E. Experience and Judgment. Evanston, 1973.
309. Husserl E. Logical investigations. The Hague, 1977.
310. Husserl E. Phenomenological Psychology. The Hague, 1977.
311. Husserl E. The Idea of Phenomenology. The Hague, 1964.
312. Insko Ch. A. Theories of attitude Change. N.Y., 1967.
313. James W. The Principles of Psychology. London, 1890.
314. Janis I.S. and Mann C. Decision Making. London, 1977.
315. Karlsson G. A phenomenological psychological method: Theoretical found and empirical application in the field of decision making and choice. Stockholm, 1987.
316. Karlsson G. A phenomenological psychological study of the experience of making decision. Stockholm, 1983.
317. Katz D. and Lasarsfeld P. F. Personal influence. Glencoe, 1955.
318. Kockelmans J.J. Edmund Husserl's Phenomenological Psychology // Historico-critical Study. Pittsburg, 1967.
319. Kockelmans J.J. Husserl's original view on phenomenological psychology // J. J. Kockelmans (ed.). Phenomenology. The Philosophy of Edmund Husserl and Its Interpretation. N.Y., 1967.
320. Kockelmans J.J. Theoretical problems in phenomenological psychology / M. Natanson (ed.). // Phenomenology and the Social Sciences. 1973. V. 1.
321. Koffka K. Principles of Gestalt Psychology. N.Y., 1935.
322. Kohler W. Gestalt Psychology today // American Psychologist. 1959. N. 14.
323. Krech D., Crutchfield R. S. Theory and problems in social psychology. N.Y., 1962.
324. La Piere R.T. Attitudes vs actions // Soc. Forces. 1934. N 13. P.230-237.
325. Lasswell H.D. and Kaplan A. Power and society. New Haven, 1950.
326. Lewin D.M. Husserlian essences reconsidered / D. Carr and E.S. Casey (ed.). Explorations in phenomenology. The Hague, 1973.
327. Lewin K. Field theory in social science. N.Y., 1951.
328. Lindzey G. (ed.). Handbook of social psychology. Cambridge, 1954.
329. Maccoby E.E., Newcomb T.M. and Hartly E.L. (eds.). Reading in social psychology. N.Y., 1958.

330. Marton F. Phenomenography-describing conceptions of the world around us // *Instructional Science*. 1981. N 10.
331. McCall R. *Phenomenological Psychology*. London, 1983.
332. McGuire D. *Handbook of social psychology*. N.Y., 1969.
333. Merleau-Ponty M. *The Phenomenology of Perception*. New Jersey, 1945.
334. Michott A. *The perception of causality*. London, 1963.
335. Misiak H., Sexton V. S. *Phenomenological, Existential and Humanistic Psychologies*. N.Y., 1973.
336. Montgomery J. N. A Phenomenological Investigation of the Premenstruum // *Journal of Phenomenological Psychology*. 1982. N 13. P.45-72.
337. Morrison J. Husserl and Brentano on Intentionality // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1971. N 31. P.27-46.
338. Murrell A.J., Sprinkle J. The Impact of Negative Attitudes Toward Computers on Employees' Satisfaction and Commitment Within a Small Company // *Computers in Human Behavior*. 1993. Vol. 9. N. 3. P.57-63.
339. Natanson M. *Edmund Husserl: Philosopher of Infinite Tasks*. Evanston, 1973.
340. Neisser U. Gibson's ecological optics // *Journ. of the Theory of Soc. Behavior*. 1977. N 5.
341. Newcomb T.M. (ed.). *New directions in psychology*. N.Y., 1962.
342. Osgood C.E., Suci G.J. and Tannenbaum P.H. *The measurement of meaning*. Urbana, 1957.
343. Pancer S.M., George M., Gebotys R.J. Understanding and Predicting Attitudes Towards Computers // *Computers in Human Behavior*. 1992. V. 8. N 2. P.211-222.
344. Pitz G.F. Decision making and cognition // H. Jungermann and G. de Zeeuw (ed.). *Decision Making and Change in Human Affairs*. N.Y., 1977.
345. Ricoeur P. *Hermeneutics and the Human Sciences*. Cambridge, 1981.
346. Rokeach M. *Beliefs, attitudes, and values*. San Francisco, 1968.
347. Rosenberg M.J. and Hovland C.I. Cognitive affective and behavioral components of attitudes / C. Hovland, M. Rosenberg (eds.) // *Attitude organization and change*. New Haven, 1960. P. 1-14.
348. Ruimschottel D. *Explanation, causation and psychological theories*. Amst., 1987.
349. Sarnoff I. Psychoanalytic theory and social attitudes//*Publ. Opin. Quart.* 1960. N 24. P.251-279.

350. Schiff W. Perception of impending collision // Psychological Monographs. 1965. N 79.
351. Schmitt R. Husserl's transcendental-phenomenological Reduction // Philosophy and Phenom. Res. 1960. N 20.
352. Schutz A. The Phenomenology of the Social World. Evanston, 1967.
353. Scott W. Attitude change through reward of verbal behavior // Journ. of Abnorm. and Social Psychology. 1957. N. 55. P.72-75.
354. Seeburger F. Haidegger and the phenomenological reduction // Philosophy and Phenomenological Research. 1975. N. 36. P.212-221.
355. Sherif M., Carolyn W. and M. Sherif (eds.). Attitude, ego-involvement and change. N.Y., 1967.
356. Skinner B. F. Science and Human Behavior. N.Y., 1953.
357. Smith M. B. The personal setting of public opinions: a study of attitudes toward Russia // Public Opinions Quarterly. 1947. N 11. P.507-523.
358. Spiegelberg H. Phenomenology in psychology and psychiatry: A Historical Introduction. Evanston, 1972.
359. Spiegelberg H. The Phenomenological Movement. The Hague, 1982.
360. Staats A. W. An outline of integrated learning theory of attitude formation and function // M. Fishbein (ed.). Readings in attitude theory and measurement. N.Y., 1967. P. 373-376.
361. Strasser S. Phenomenologies and psychologies // Review of Stenial Psychology and Psychiatry, 1965.
362. Strasser S. Understanding and Explanation. Pittsburgh, 1985.
363. Straus E. Phenomenological Psychology. N.Y., 1966.
364. Thomas W.I. and Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. Boston, 1918 – 1920.
365. Thurstone L.E. Attitude can be measured // American Journ. of Sociology. 1928. N 33. P.529-554.
366. Tillman M. K. Dilthey and Husserl // The Journal of the British Society for Phenomenology. 1976. N 2.
367. Wolman B.A dictionary of behavioral science. N.Y., 1973.
368. Watson J.B. Behaviorism. N.Y., 1925.
369. Weiss R.F. Persuasion and the acquisition of attitude: models from conditioning and selective learning // Psychological Reports. 1962. N 11. P.709-732.
370. Zajonc R.B. Sosial facilitation // Science. 1965. V.149. P.269-274.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ УСТАНОВКИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ	
Становление проблемы социальной установки	3
Проблема определения аттитюда	13
Проблема структуры аттитюда и измерение аттитюда	21
Проблема смены аттитюда и психология убеждающего коммуникативного воздействия	31
Когнитивное направление в исследованиях аттитюда	41
II. ТЕОРИЯ УСТАНОВКИ В ШКОЛЕ Д.Н.УЗНАДЗЕ	
Неиспользованные возможности теории установки Д.Н.Узнадзе	55
Проблемы социальной установки в теории установки Д.Н.Узнадзе	83
Проблемы взаимодействия установки и деятельности ...	108
Основные позиции концепции В.Н. Мясищева и В.А. Ядова	128
Основные проблемы исследования социальной установки в общей и социальной психологии	135
III. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ УСТАНОВКИ	
Проблема формирования социальной установки в экологической концепции социальной установки	145
«Механизм» выбора возможностей окружающего мира и экологический компонент социальной установки	166
Понятие социально–экологической ниши в экологической концепции социальной установки	222
Время как смылообразующий фактор структурирования социальной установки	242
Основы феноменологической редукции	266
Перспективы исследования феномена социальной установки	276
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	292